

Н. БУХАРИН

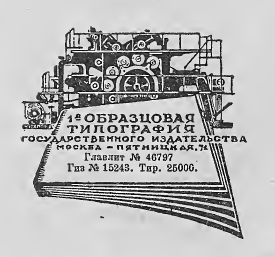
НА ПОДСТУПАХ К ОКТЯБРЮ

СТАТЬИ И РЕЧИ
МАЙ—ДЕКАБРЬ 1917 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

1ª ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА – ПЯТНИЦКАЯ, 71
Главлит № 46797
Гиз № 15243. Тир. 25000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике объединены избранные статьи и некоторые речи периода [м а й — д е к а б р ь 1917 г. Само собою разумеется, что статьи эти далеко не равноценны. Но в общем и целом они отражают биение пульса этого великого исторического периода. В сборник вошли, как и указано, далеко не все статьи. Возможны, с другой стороны, и некоторые ошибки, так как было чрезвычайно трудно определить авторство статей без подписи, печатавшихся передовицами в органе МК «Социал-Демократ».

Конечно, я был бы крайне благодарен за товарищеское указание тех или иных ошибок.

При оценке помещенных здесь статей необходимо иметь в виду время, когда они были написаны. Ради познания этого времени, этой замечательной и чудесной исторической полосы, я и решаюсь предложить нашей партийной аудитории настоящий сборник.

Н. Бухарин.

Канун 8-й годовщины Октября.

* * *

М А Й

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ Р. И С. Д. И АРМИЯ.

Последнее выступление Петроградского Сов. Р. и С. Депутатов (обращение к армии) не может не вызывать у всякого социалиста, не идущего на поводу буржуазных людоедов, чувства крайней тревоги.

Вместе с уходом Гучкова снова стал—и на этот раз стал ребром — вопрос об образовании коалиционного министерства. В среде социал-патриотов, которые имеют большинство в Петроградском Совете, сформировалось совершенно определенное течение, которое решило, чтобы в империалистское министерство вошли представители рабочего класса. Эта точка зрения обязывает к целому ряду самых существеннейших уступок буржуазии. Вместо дальнейшего наступления на буржуазию проповедуется мирное с ней сожительство. Естественно, что Совет ищет примирения с буржуазией и стремится получить свидетельство своей «умеренности и аккуратности».

Таким аттестатом политической благонадежности и служит вышеупомянутое обращение. Оно вполне достойно буржуазных министров. Ему может рукоплескать даже Гучков.

Обращаясь к армии, Совет говорит:

> «Мы ведем вас к миру, зовя к восстанию и революции рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии».

А несколькими строками ниже тот же Совет науськивает русских рабочих:

> «Нельзя защищать фронт, решившись во что бы то ни стало сидеть неподвижно в окопах... Поклявшись защищать русскую свободу, не отказывайтесь от наступательных действий».

Итак, с одной стороны, Совет призывает германских рабочих к восстанию, а с другой, призывает рабочих русских—

к военному наступлению под руководством империалистских генералов.

Но это еще не все. Как известно, сейчас на фронте во все расширяющихся размерах происходит братанье «враждебных» солдат. Пролетарии, которых капиталистическая свора правителей повела на междоусобную бойню, начинают находить друг друга и **на фронте** восстановлять поруганную международную солидарность.

Всякий **социалист** обязан приветствовать эти шаги. Самым большим торжеством международного социализма было бы слияние враждебных армий в единый революционный поток. Этот поток задушил бы войну и смел бы трон Вильгельма, раскрепостил бы наемных рабов капитала и разжег пламень революции во всей Европе.

Но не так смотрит Совет. И, к величайшему сожалению, мы должны сказать, мы **вынуждены** сказать, что в данном случае Совет говорит о братаньях языком империалистов.

Посудите сами. Совет говорит:

«Защищая свободу, бойтесь провокаторов, бойтесь ловушек. В такие ловушки может превратиться то братание, которое развивается на фронте... Вы с открытой душой идете брататься, а навстречу выходит из вражеских окопов переодетый офицер генерального штаба» и т. д., и т. д.

И дальше:

«Товарищи солдаты, не братаньем достигните вы мира... К гибели вас самих (?) и к гибели русской свободы ведут люди, уверяющие вас, что братанье — путь к миру».

Что хочет сказать этим Совет?

Если он хочет сказать, что бывали (и **с обеих** сторон бывали) случаи обмана, то это правда. Но с каких это пор революционная партия отказывалась от своей деятельности только потому, что в некоторых случаях сюда втирались и мерзавцы? Разве мы отказывались от революционной борьбы потому, что к нам присасывались провокаторы? Нет, мы боролись дальше, и дальше шли **своим** путем.

Буржуазия, пользуясь случаями провокации, стремится набросить тень на всю партию пролетариата.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, пользуясь случаями провокации на фронте, стремится набросить тень

на самое светлое, что есть посреди океана крови и безумия — на братание пролетариев в траншеях.

Гибель русской свободы и гибель социалистического пролетариата — не в братском объединении рабочих, которое грозит задушить войну, империализм, капитал, а в разрухе среди рабочего класса и в его взаимоистреблении.

Вот почему, несмотря на обращение Совета, мы считаем долгом своей социалистической совести громко провозгласить:

Да здравствует братание в окопах!

Н. Б.

[«Социал-Демократ», № 46, от 16 (3) мая 1917 г.]

* * *

ОНИ НЕДОВОЛЬНЫ.

Намечающееся разрешение министерского кризиса — вхождение представителей социал-патриотических партий в одно министерство с г. Терещенко и прочими—означает частичную капитуляцию перед империалистской властью. Мы уже отмечали неразрывную связь этого вхождения с опубликованием воззвания к армии, высказывающегося против братания.

Вышеупомянутое воззвание наглядно иллюстрирует поворот политики меньшевиков и с.-р. Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в сторону шовинизма.

По этому поводу профессорский орган российского империализма — «Русские Ведомости» — пишет:

«... Это — очень робкий шаг. Воззвание написано далеко не в таких энергичных выражениях, в каких Совет Рабочих и Солдатских Депутатов издавал свои призывы к миру без аннексий и контрибуций, и, точно для ослабления значения воззвания к армии, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов одновременно опубликовал воззвание к социалистам, содержащее в себе наивный призыв к австро-германским социалистам не допускать переброски войск на западный фронт.

... Сделав шаг в одну сторону, он (т.-е. Совет) затем спешит сделать шаг в другую — и разрушить одно тем, что определяет другое».

Вы видите, чего хотят г-да из «Русских Ведомостей». Они еще недовольны «воззванием». Они недовольны Советом за энер-

гичные призывы к миру без аннексий и контрибуций. Они недовольны, наконец, обращением к австро-германским социалистам. Обращение к социалистам враждебной коалиции считается шагом, противоречащим «воззванию к армии». В последнем «Русские Ведомости» правы. Нельзя служить двум господам: капиталистическому государству и международному социализму; нельзя одновременно защищать сближение социалистов вообще и резню пролетариев на фронте. Но интересны в данном случае вожделения либералов: им мало непоследовательности и шатаний Совета, они требуют **полного**, бесповоротного перехода Совета в лагерь империализма. «Долой соглашение между социалистами! Да здравствует наступление на внешнего врага!» — вот чего они требуют от рабочего класса. Им нужно в зародыше убить международную солидарность рабочих.

Достойны внимания и суждения либеральной газеты об отношении между Советом и организующимся министерством.

«Разрешить кризис по существу может одно из двух: либо Совет Р. и С. Деп. добровольно подчинится преобразованному временному правительству и открыто откажется от всяких посягательств (!) на законодательную и исполнительную власть... либо министерство подчинится Совету...»

Это верно. Но «Русские Ведомости» недвусмысленно стоят за самоубийство Совета, т.-е. за распущение **классовой** организации низов.

Точно так же, как великую службу буржуазии служит уничтожение рабочей международной солидарности, такое же значение имеет для нее и уничтожение авторитетной **классовой организации** рабочих и крестьян.

Гражданский мир и взаимная резня пролетариев — вот идеальное состояние «культурного» человечества с точки зрения либеральной буржуазии. И всякая уступка этому человеконенавистническому классу есть шаг к гибели социализма и действительной культуры.

Н. Б.

[«Социал-Демократ», № 48, от 18 (5) мая 1917 г.]

* * *

ВОЕННАЯ ДОРОГОВИЗНА.

Сейчас во всех воюющих странах — чудовищная дороговизна, а в некоторых уже наступило время, когда можно прямо сказать: массы народа накануне голодной смерти.

Пожалуй, хуже всего обстоит дело в Германии и в России. В Германии, несмотря на хорошо работающие организации распределения продуктов, нечего распределять. Эти организации на самом деле превратились в организации голодовки. В Германии царит «гениально организованный голод». Господствующие классы и разбойничье правительство Вильгельма тщательно скрывают эту правду, но мы хорошо знаем ее из прокламаций наших немецких товарищей — интернационалистов, которые открыто говорят о голоде.

Если в Германии даже голод организован, то про Россию можно сказать, что она идет навстречу грандиозной н е о р г а н и з о в а н н о й голодовке. Питание народных масс чрезвычайно понизилось уже и теперь. А в ближайшем будущем грозит еще бо́льшая разруха, если не будет принято ряда чрезвычайных мер.

Чем объясняется такое положение вещей?

Прежде всего, многих продуктов прямо не хватает. Война подточила все силы народного хозяйства. Общество может жить и развиваться, когда во все большем размере производятся полезные предметы: пища, одежда, дома и фабричные здания и т. д. С войной все выворочено наизнанку: вместо производства полезных предметов потребления, многочисленные заводы перешли на выделку предметов и с т р е б л е н и я.

В городах и фабричных поселках машины выбрасывают миллионы снарядов, сотни тысяч рабочих — мужчин, женщин — изготовляют вместо ситца, платья, колбасы, сельскохозяйственных орудий — шрапнели, гранаты, винтовки и револьверы. В деревнях забирают людей и скот для армии. Деревня пустеет; остаются женщины, старики и дети. Запашки сокращаются, посевы уменьшаются, хлеба становится все меньше да меньше. Война, как вампир, высасывает все жизненные соки из народа.

Но не только простая нехватка продуктов вызывает дороговизну. Есть еще ряд причин. И вторая главная причина заключается в обесценении русских денег. Русский рубль превратился сейчас в полтинник, и за границей никто больше за него не дает. Почему это происходит? Вот почему. Война стоит громадное количество денег. Каждый день русское правительство тратит на эту бойню 40 миллионов рублей. Эти деньги добываются различными путями: займами, повышением налогов и выпусками бумажных денег.

Выпускать бумажные деньги, вообще говоря, можно. Но если их навыпускать без числа, то-есть в таком количестве, которое превышает нужду в деньгах, как средствах торгового оборота, тогда бумажки тотчас падают в цене. А русское правительство — и царское, и «временное»—выпускало бумажки в безумных размерах. Это и привело к тому, что рубль обесценился вдвое. Значит, если бы и товаров было достаточно, все равно за рубль можно было бы купить только то, чему прежняя цена была полтинник. Значит, и здесь война наложила добавочный гнет на население.

Война расстроила, далее, международные сношения, прекратила доставку дешевых машин и химических продуктов из Германии (а в Германию прекратила ввоз русского хлеба), заняла все вагоны для перевозки солдат и военного снаряжения и расстроила доставку продуктов и т. д. А с другой стороны, на потребителей набросились объединенные фабриканты и заводчики, купцы и банкиры, припрятывающие свои товары, скупающие их у других и еще более вздувающие цены. На народном голоде эти господа сколачивают деньгу.

Какой же выход из создавшегося положения?

Прежде всего, положить бойне конец, вернуть фабричным станкам и полям тружеников города и деревни. Затем нужно восстановить русские финансы, казну. А это можно сделать, лишь отказавшись платить долги, наделанные старым правительством. От этого сугубо взбеленятся банкиры союзных стран, но русский народ не обязан быть услужающим ни у своих, ни у иностранных банкиров. Наконец, нужно сократить зарвавшихся отечественных капиталистов, установив контроль органов революционной демократии над производством.

Все эти меры, без осуществления которых у нас будет настоящий голод, может осуществить лишь революционная власть пролетариата и крестьянства. Только она может спасти страну от надвигающегося бедствия.

Н. Бухарин.

[«Социал-Демократ», № 53, от 24 (11) мая 1917 г.]

* * *

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ В СТАРОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Во всех странах старые социал-демократические партии раскололись на три основные направления: официальное «большинство» (которое превратилось уже почти повсюду в меньшинство), центр (умеренная оппозиция) и так называемые «левые радикалы».

Официальное «большинство» почти повсюду превратилось в простой придаток правительственного аппарата, в «рабочий департамент» при разбойничьих империалистских правительствах. Голосование за военные кредиты, поддержка чуть ли не всех мероприятий правительства, полное забвение классовой борьбы и борьба против революции и революционных социал-демократов — вот деятельность этой части старой социал-демократии. На деле эта организация стала просто-напросто желтой организацией рабочих. Она превратилась в самый большой тормоз рабочего движения, в организацию для поддержки правительства и для душения революции.

Эти «правые» представлены во Франции Гэдом и Самба и недавно бывшим в Москве министром А. Тома; в Германии — это группа Шейдемана: в ее руках находится центральный комитет старой партии; в Австрии правые имеют во главе Перперсторфера, Лейтнера, Виктора Адлера, отца нашего товарища [1]) Фридриха Адлера; в Англии правые, оказавшись в меньшинстве в «Британской Соц. Партии», ушли из нее и образовали национально-социалистическую партию во главе с Гайндмэном; в России изменническую тактику по отношению к международному социализму проповедует Плеханов и его «Единство» (единство

[1]) В то время Ф. Адлер был интернационалистом.

с буржуазией). К ней же все больше скатываются так называемые «оборонцы».

Другую точку зрения развивает умеренная оппозиция, так называемый «центр». Организации, примыкающие к «центру», являются противниками империалистской политики. Они решительно против завоеваний, они — за мир без аннексий и т. д. Но в то же время они так робки и нерешительны в своих выступлениях, что на деле они часто выступают как препятствие для дальнейшего развития революции.

Основными пунктами разногласий между «центром» и крайними левыми являются разногласия по трем вопросам: по вопросу об отношении к защите отечества, об отношении к массовой революционной борьбе и, наконец, об отношении к правительственным социалистам в своей собственной стране и в других странах.

Крайние левые (Либкнехт, Роза Люксембург и др. в Германии) ставят вопрос о защите отечества резко и отчетливо. Они говорят, что в эпоху империализма нельзя говорить ни о какой защите отечества, так как со всех сторон ведется наступательная, грабительская война; по мнению левых, партия пролетариата обязана вести революционную борьбу со всей энергией, независимо от положения дел на фронте. Только социалистическое отечество должен защищать рабочий класс; при капитализме у него нет отечества.

Такова точка зрения крайних левых. У «центра» по этому поводу нет ясно выраженной позиции. В общем, у «центровиков» дело сводится к тому, что если враждебные войска заходят уж слишком далеко, то нужно сокращать размах революционной борьбы. В то время, как покойный Густав Экштейн был против обороны, Каутский стоял, напр., за оборону. Ясно, что последовательную интернационалистическую точку зрения защищают только крайние левые.

Вторым пунктом разногласий является вопрос о массовых выступлениях. В то время, как крайние левые считают все разговоры о мире и проч. не имеющими значения, если при этом нет призывов к массовым выступлениям (всеобщей стачке, восстанию), «центр» в большинстве случаев считает такие выступления «авантюрой», «вспышкопускательством», «анархизмом» и

прочее. Действительную борьбу ведут, таким образом, только крайние левые.

Наконец, «центр» и «левые» по-разному относятся к социал-патриотам. «Левые» с самого начала стояли за организационный разрыв с предателями социализма. «Центр» долгое время поддерживал (а в некоторых странах и сейчас поддерживает) довольно мирные отношения с правыми. Только недавно немецкие «центровики», во главе с Гаазе, Каутским и Бернштейном, образовали «Независимую Социал-Демократическую Партию Германии», войдя в организационную связь с крайними левыми. Во Франции «центром» является группа Лонгэ («лонгетисты»).

За последнее время повсюду происходит усиление крайнего левого крыла, которое все больше и больше увлекает за собой массы. Под давлением этих масс даже «центр» «левеет». Демонстрации на почве голода и забастовки на амуниционных предприятиях в Германии, начинающаяся волна стачек в Англии, крупные «беспорядки» в Швеции и т. д.—все это говорит о том, что рано или поздно идеи последовательно-революционного крыла одержат верх.

Н. Бухарин.

[«Социал-Демократ», № 56, от 29 (16) мая 1917 г.]

* * *

ДО КАКИХ ПОР ЖДАТЬ?

Под таким заглавием «Русские Ведомости» печатают передовицу в № от 17 мая. О чем же беспокоится почтенная газета, поставляющая «научный» материал для русских захватчиков? Ей, видите ли, невтерпеж: до сих пор много кричат о наступлении, а наступления нет как нет. Газета отмечает, что мы «имеем перед собой лишь слабую завесу (германских войск), и в то же время сами мы в изобилии снабжены всем». Позвольте,— может спросить каждый рабочий, — как же это? Ведь всего-навсего несколько дней тому назад на всех перекрестках кричали, что в опасности Петроград, что немцы сосредоточивают силы и т. д. А теперь оказывается, что перед нами «слабая завеса», и что

никогда не было более благоприятного времени для наступления. Выходит что-то очень некругло у наших пламенных патриотов.

И во имя чего наступать, товарищи? Нам говорят: у рабочего класса сейчас есть в правительстве свои представители. Они, мол, знают все: они знают договоры с союзниками, они не выдадут.

Так, по нашему мнению, не может рассуждать социалист. Более того, так не может рассуждать даже простой демократ. Так рассуждают лишь те, кто с величайшим презрением относится к массе, кто стоит против контроля самих рабочих. В самом деле, то, что происходит сейчас, прямо чудовищно. У нас имеется правительство с империалистским большинством, куда входят и несколько «социалистов». И что же? Они все вместе шушукаются с английским правительством (тем самым, которое держит около четырех тысяч наших товарищей под тюремным замком), с английскими и французскими банкирами. И с ними они имеют секреты... От кого? От народа, который посылается на бойню, которого приглашают к наступлению, который проливает свою кровь. Казалось бы, здравый смысл и самые элементарные интересы народа требуют того, чтобы народ знал, за что его гонят в наступление. Вот почему даже умеренные социалисты всегда протестовали против интриг тайной дипломатии. Но увы! Люди меняются, особенно, если они становятся министрами. Они начинают прямо покрывать эти происки дипломатов, они их скрывают от народа. Конечно, они могут при этом искренно заблуждаться. Всякий знает, что И. Г. Церетели— искренний человек. Он думает, что «все будет хорошо». А на самом деле политика правительства, в которое он входит, направлена против демократии.

В Московском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов И. Г. Церетели заявил, что опубликование договоров возможно лишь с общего согласия всех союзных правительств (т.-е. лишь с согласия английских, французских, американских и японских банкиров). А что если они не будут соглашаться? Ведь все союзные министры даже заявления русского правительства толкуют как стремление к «справедливым»... аннексиям. Так что же—русские рабочие и крестьяне обязаны проливать свою кровь до бесконечности ради интересов иностранной буржуазии?

Но и у русских буржуазных министров рыльце в пушку: г-н Милюков выболтал тайну министра иностранных дел. Смысл его речи на 8-м кадетском съезде был таков: быть министром — значит уметь лгать. Когда я был министром, заявлял Милюков, я не говорил о проливах и прочем. А теперь «меня ушли», и я могу о них говорить откровенно. Где же у нас гарантии в том, что г-н Терещенко и прочие либералы — искренние противники завоеваний? Ведь на своих съездах они прямо ставят грабительские цели вовне и подготовку контр-революции внутри.

Рабочий класс должен настойчиво требовать опубликования договоров. И если до сих пор эти договоры не известны людям, посылаемым на смерть, то мы имеем полное право задать вопрос — и серьезно задать вопрос:

До каких пор ждать?

Без подписи.

[«Социал-Демократ» № 58, от 31 (18) мая 1917 года.]

* * *

ЛИБЕРАЛЫ И ГОРОДСКИЕ СЛУЖАЩИЕ.

Требования городских служащих приводят наших отцов города в состояние паники. Точно так же, как вся буржуазия кричит теперь о «непомерных требованиях рабочих», прогрессивные домовладельцы Москвы и их печатные органы бьют тревогу и пишут об «угрозе городскому хозяйству» (см. «Рус. Вед.», № 110) со стороны рабочих. При этом «Русские Ведомости» идут походом по всему фронту, выставляя «принципиальные» возражения. Вот послушайте, что пишет эта газета в ответ на указание, что за время войны колоссально возросла прибыль господ капиталистов:

«Ссылаясь на размеры военной прибыли,—с грустью вопрошает она,— не домогаются ли для себя рабочие участия в том расхищении государственных средств, которым создаются эти непомерные размеры прибыли. Требование от государства наложить руку на военную прибыль представляется бесспорно и неизмеримо более правильным, нежели стремление простой передачи этой прибыли из одних рук в другие».

«Русские Ведомости» все ставят на голову. На самом деле ценности, производимые в нашей индустрии, производятся именно рабочими, на шее которых сидят и отдельные предприниматели и их государственная организация. В то время, как отдельные предприниматели (и их союзы) выкачивают из рабочих их труд в виде высоких прибылей, капиталистическое государство (те же капиталисты, только другая их организация) получают с рабочих огромные деньги для осуществления своих «наступлений», для захвата проливов и прочее. И вот, когда рабочие стремятся сократить расхищение их собственного труда, которое приводит к голоду и вырождению, господа капиталисты говорят, что это «простая передача прибыли из одних рук в другие».

Но довольно об этом. «Русские Ведомости» хотят натравить на городских служащих публику. Поэтому они пишут, что единственным средством для увеличения городских доходов является обложение трамваев и водопровода.

Это неправда. Против усиленного обложения трамваев и водопровода мы сами должны протестовать, так как это обложение в значительной степени падет на неимущие классы. Есть другой источник: это—«беспощадное обложение» собственности, недвижимой — в первую голову.

«Русские Ведомости» пишут по этому поводу: «Мы уже довели оценку недвижимых имуществ до крайнего напряжения».

Но такая «крайность» существует лишь в воображении «Русских Ведомостей». Оценочный сбор достигает в настоящее время 10 процентов с дохода. Почему 10 процентов, это — «крайняя степень» обложения? Почему девяносто процентов поистине чудовищных доходов, которые получают господа домовладельцы хотя бы и «прогрессивные», должны целиком оставаться в их карманах?

Мы полагаем, что было бы гораздо более приемлемым обратное положение вещей, т.-е. чтобы рабочие низы и городская беднота сохраняли у себя 90 процентов дани, которую собирают с населения домовладельцы...

Итак, остается один выход: обложение собственников. Конечно, при этом нужно строго следить, чтобы домовладельцы, не перелагали налога на квартирантов и давали правильные показания о доходе. Необходимо введение соответствующих нака-

заний за нарушение этого. Только таким путем будет подорвана власть имущих классов и сделаны шаги в сторону передачи и земель и домов в руки городских дум, выбираемых всем населением, где решающий голос имел бы городской пролетариат, революционный русский рабочий.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 59, от 19 мая (1) 1 июня, 1917 г.]

* * *

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ СУДЬБЫ.

С самого начала войны сторонникам научного, пролетарского социализма было ясно, что мировая катастрофа, которая охватила пламенем разрушительного пожара все культурное человечество, не сможет пройти безнаказанно для империалистских правительств. Было ясно, что война, выведя из равновесия всю общественную жизнь, неизбежно повлечет за собою выступления широких народных масс. Характерно, что, несмотря на «гражданский мир», царивший почти повсюду в начале войны, наиболее дальновидные представители буржуазии отдавали себе полный отчет в грядущем положении вещей. И в то время, как социал-патриоты всех стран на всех языках рисовали будущее национальное единство, «солидный» орган английских финансистов «The Economist» писал, что пролетариат в последний раз дает себя вести на бойню...

Российская революция явилась началом второго акта мировой драмы. Почему именно русский рабочий класс и крестьянство выступили **первыми** на арену революционной борьбы, объясняется своеобразным соотношением классов в текущий (вернее — только что протекший) исторический момент.

Революционный кризис назревал в России и до войны. Война задержала на время его развитие, но только для того, чтобы еще более обострить этот кризис, придать революционному движению еще больший размах и международное значение.

«Неудавшаяся» революция 1905 г. не разрешила тех противоречий общественной жизни, которыми были порождены

бурные выступления пролетариата и крестьян. В общем и целом эти противоречия сводились к столкновению между развитием производительных сил страны и полуфеодальными имущественными отношениями в сельском хозяйстве, чему соответствовал и политический уклад романовской империи.

В основной для России хозяйственной области, в сельском хозяйстве, господствовало крупное землевладение помещиков-дворян. В силу исторических условий, при которых произошло так называемое освобождение крестьян, бывшее не только освобождением от крепостной зависимости, но и «освобождением» от земли, сельское хозяйство России представляло собой засилье крупных помещиков полукрепостнического типа, которые отнюдь не вели крупного производства. Громадный спрос па землю со стороны безземельного крестьянства сопровождался настолько сильным подъемом арендных цен, что землевладельцы-дворяне имели вполне обеспеченный твердый доход, будучи абсолютно паразитическим классом.

При господстве крупного землевладения самое хозяйство оставалось мелким, хозяйством нищих крестьян-арендаторов, находящихся в кабальной зависимости от помещика («голодная аренда»). С точки зрения классового состава сельскохозяйственного населения, Россия была господством помещика-зубра над крестьянином-паупером [1]). Помещики, ведущие капиталистическое хозяйство, крестьянская сельскохозяйственная буржуазия и сельскохозяйственные рабочие играли сравнительно очень незначительную роль.

При слабой платежеспособности разоренного и хронически голодающего крестьянства не могла развиваться и «отечественная» промышленность. Несмотря на огромные природные богатства, развитие производительных сил встречало препятствие в полукрепостнических социальных отношениях. Давление имущественных отношений усугублялось давлением центральной государственной организации, которая представляла из себя организацию отсталых помещиков и крупнейшей, но технически отсталой буржуазии. Хозяйничание этой организации (неимоверный податной гнет, хищническое расточение всех

---

[1]) Паупер — нищий.

хозяйственных средств страны, рост непроизводительного потребления, например, армия и флот, бюрократия и т. д.) ослабляло еще в большей степени и без того слабую экономическую основу общественного развития.

Революция 1905 г. не разрешила всех этих противоречий по той простой причине, что она была раздавлена аппаратом самодержавного государства. Но все же послереволюционный период внес более или менее значительные изменения в экономическое строение России и вызвал некоторую перестановку классов.

В области сельскохозяйственного производства произошло усиление капиталистических элементов. Этот процесс шел различными путями. Частичное уничтожение дворянского землевладения за время после 1905 г. (продажа земли напуганными аграрным движением помещиками, продажа земли через Крестьянский банк), ограбление общинных земель в пользу крестьянской буржуазии законом 9 ноября («аграрная реформа» Столыпина), наконец, расширение капиталистического сельского хозяйства под влиянием роста хлебных цен на мировом рынке—вот пути, по которым шла капитализация сельскохозяйственного производства.

В особенности следует подчеркнуть влияние условий мирового рынка. Сельскохозяйственный кризис, угнетавший европейское сельское хозяйство с 80-х годов прошлого века, вызванный наплывом заокеанского хлеба, исчез.

Стремительное падение цен на продукты сельского хозяйства сменилось их головокружительным повышением. Дороговизна жизни, и в первую голову дороговизна предметов самой насущной необходимости, стала наиболее острым вопросом, в особенности в странах старой капиталистической культуры. Немудрено, что в громадной степени возросла выгодность вывозной торговли и производства зерна на внешний рынок. Расширение капиталистического сельского хозяйства и вывозной торговли, техническая организация этой торговли (постройка зернохранилищ на американский образец и т. д.) были следствием вышеуказанных явлений.

Если рассматривать этот процесс с точки зрения изменения классовых отношений, то можно установить явное усиление капиталистических элементов: крестьянской буржуазии, капита-

листических помещиков-аграриев. Мы уже отмечали два основных типа помещиков: помещика-зубра (политически тип этот выражен черносотенным Марковым II), который не ведет капиталистического хозяйства, а живет получкой голодной аренды, и помещика «прогрессивного» (князь Львов), развивающего «рационально поставленное» сельскохозяйственное производство. В процессе развития производительных сил и выдвигался все более и более тип помещика «просвещенного», помещика-капиталиста, западно-европейский тип современного «агрария».

С другой стороны, следует отметить, что рост крестьянской буржуазии был численно незначителен; другими словами, острый земельный голод оставался, равно как осталось и основное ядро крестьян-пауперов. Широко идущий процесс хозяйственного объединения крестьян (сельскохозяйственная кооперация) тоже не смог поднять крестьянского хозяйства на такую высоту, которая сделала бы излишней аграрную революцию.

Значительные перемены произошли и в области промышленности, изменения как количественного, так и качественного характера.

Изменения эти выразились в росте крупных предприятий и в возникновении новых организационных форм, являющихся последним словом капиталистического развития Запада и Америки.

В образовании этих новых форм и в их количественном распространении играл немалую роль иностранный капитал (английский, немецкий, французский и бельгийский), то самое иностранное засилье, которое так горячо приветствовалось за несколько лет до войны и которое подверглось (правда, только по отношению к немецкому капиталу) таким гонениям во время войны [1].

Увеличение числа акционерных компаний, образование синдикатов и трестов, рост крупных банковых объединений и вторжение банкового капитала в промышленность, другими словами—возникновение финансового капитализма, есть продукт последнего времени.

---

[1]) В довоенное время чуть ли не все кадетские экономисты и публицисты занимались разработкой вопроса о привлечении иностранных капиталов.

Так, на-ряду с кустарями и ремесленниками у нас возникли громадные монополистические объединения капитала, захватившие ряд хозяйственно самых важных отраслей производства: металлургическое производство, производство угля, нефти и т. д.

Финансовый капитал есть капитал монополистический и, следовательно, стремящийся к прямому захвату наибольшего количества рынков сбыта, сырья и областей дальнейшего приложения капитала. Даже при слабой насыщенности внутреннего рынка он стремится поработить и включить в границы государственной организации чужие земли, ибо если этого не сделает одна «национальная» группа финансового капитала, то это сделает другая. Принцип монополистического овладевания переносится с внутреннего поля эксплоатации на поле внешнее. Это и есть империализм. Политическим выразителем российского империализма стала «партия народной свободы» во главе с Милюковым; его наиболее последовательным теоретическим выразителем и до известной степени духовным отцом явился ренегат марксизма Петр Струве. Идеология «Великой России», «выявление национального лица», панславизм и обоснование грабительской политики (к каковому делу привлекался даже господь бог) — ясные признаки роста российской финансово-капиталистической буржуазии.

Таким образом последний период развития «верхов» характеризуется усилением «прогрессивного» крыла помещиков-капиталистов и образованием финансово-капиталистической буржуазии. Не лишне отметить, что обе эти фракции господствующих классов находятся в процессе быстрого экономического сближения, поскольку просвещенные аграрии связаны через посредство банков с промышленностью, и обратно.

Разразившаяся война, которую царское правительство готовило с таким же усердием, с каким готовили ее коронованные мясники других стран, создала теснейший блок между всеми фракциями господствующих классов, объединив помещиков-зубров с их «просвещенными» противниками, при чем запевалой в этом хоре выступил Павел Николаевич Милюков (как известно, программа Милюкова сводилась к захвату Галиции и Угорской Руси, Познани, части Восточной Пруссии, Константинополя и Дарданелл, Адрианополя, берегов Мраморного моря,

Турецкой Армении и Персии и т. д.). Оппозиция «его величества» стала петь хвалебные гимны грабительскому предприятию этого «величества». Империалистская буржуазия пошла в ногу с крепостниками-помещиками, и Милюков «на страх врагам» публично целовался с Пуришкевичем.

Но скоро этот блок лопнул. Лопнул он не оттого, что империалистическая буржуазия отличалась свободолюбием, а оттого, что царское правительство оказалось совершенно неспособным расхлебать кашу, которую оно заварило. Государственный аппарат крепостников оказался настолько гнилым, внутренно разложившимся, продажным и технически негодным, что военная авантюра привела к разгрому царских войск. Государственная власть Николая обнаружила себя как слишком вороватый и ненадежный приказчик для финансового капитала и прогрессивных помещиков; она не только не смогла осуществить империалистских вожделений Милюкова, но грозила сузить поле отечественной промышленности, предоставив часть его владычеству немецких конкурентов.

Так началась фронда (бессильный протест) против правительства со стороны либерально-империалистских кругов, окопавшихся в «земском» и «городском» союзе и объединившихся в думе в так называемый прогрессивный блок.

Однако не либеральные империалисты оказались той силой, которая оказалась способной уничтожить препятствия на пути исторического развития. Разрубить узел противоречий российской жизни должны были демократические низы под гегемонией революционного пролетариата.

Уже в революцию 1905 года, когда в России на очереди стоял буржуазный переворот, движущей силой его были рабочий класс и революционное крестьянство. Либеральная буржуазия кинулась в лагерь контр-революции, лишь только размах революционного движения стал существенным образом угрожать интересам «прогрессивного» капитала и землевладения. Она тотчас стала вести переговоры с царским правительством, и был момент, когда «общественные деятели» вроде Милюкова едва не стали у власти. Разгром революции предупредил это.

Еще более резко выступила руководящая роль пролетариата в революции 1917 года. Среди общепролетарской армии

русский пролетариат выступил как передовой отряд. Вобрав в себя революционный опыт «безумного» 1905 года, возмужав в жестокой борьбе контр-революционной эпохи, увеличившийся численно и окрепший духовно русский рабочий класс всем ходом событий выдвигался на передовые позиции мировой борьбы. Война сковала его железной дисциплиной, война заставила его голодать, война обрушила на него всю тяжесть репрессий царского правительства, война сделала его еще более зависимым от хозяев, отменив даже жалкое фабричное законодательство; наконец, война взвалила на него еще более тяжкое налоговое бремя и заставила его умирать на полях сражений. Тем сильнее было возмущение пролетариата, перешедшее в открытое восстание против государственной власти крепостников.

С другой стороны, и русское крестьянство чрезвычайно сильно страдало от войны: не говоря уже об усилении налогового гнета, реквизиции скота и уход рабочих сил сильно подорвали крестьянское хозяйство. Таким образом ясно выраженная воля к миру и требование хлеба у пролетариата нашли себе опору в требовании мира и земли у крестьянской бедноты.

То же настроение образовалось и в армии. Армия не есть особый класс населения. Армия отражает в себе все классы населения, и большинство армии — это крестьяне и рабочие. Поскольку слабеет казарменная дисциплина и исчезает страх перед «начальством», армия начинает со всей силой отражать свой классовый состав.

Так восстание рабочих Петербурга превратилось в восстание солдат. Участь революции, вернее — ее первого этапа, была решена. Самодержавие Николая было уничтожено.

Однако пролетарские массы оказались не настолько сознательны и организованны, чтобы приступить к немедленному упрочению государственной власти революционных низов. На поверхность выплыли маклера от империалистской буржуазии, и на-ряду с органами революционной власти рабочих и крестьян возникло капиталистическое «временное правительство». Так образовалось то знаменитое «двоевластие», которое приводит в трепет жаждущую своего единовластия буржуазию.

При настоящей международной и «национальной» обстановке совершенно невероятно предположение, что русская революция закончилась.

Дальнейшее развитие событий будет приводить к еще большему обострению классовых противоречий и к прямой борьбе за исключительную власть между пролетариатом и революционной демократией, с одной стороны, и буржуазией — с другой.

Основным вопросом, из-за которого идет борьба, является вопрос о том, как окончить войну. Для пролетарских масс Европы, поставленных на границе истребления и голода, он является вопросом жизни и смерти. С особенной остротой должен чувствовать это пролетариат России, где, при хозяйственной отсталости страны, особенно сильно дает себя знать чудовищная тяжесть современной войны. Но если русский пролетариат стремится завязать сношения с пролетариями других стран и идет к этой цели всеми путями, вплоть до братания на фронте, то, с другой стороны, русская буржуазия, относительно слабая и не чувствующая твердой почвы под ногами, стремится организовать контр-революцию, опираясь на правительственные верхи союзников, т.-е. банкиров Англии, Франции и Америки. Более того, уже сейчас ясно намечается всеобщая революция пролетариата и желание буржуазии всех стран подавить эту грядущую революцию и русскую революцию, как ее первый шаг. Намерение предупредить эту революцию и отсрочить неизбежный час расплаты заставляет капиталистические правительства обеих коалиций с еще большим упорством затягивать мировую войну, чтобы железной дисциплиной милитаризма сдержать взрыв революционного недовольства масс. Для буржуазии становится яснее и яснее, что в данный момент поставлено на карту в с е. Вот почему она в с е больше заводит народы в тупик войны без конца. Вот почему р у с с к а я буржуазия не только продолжает кричать о победе, но и отдает себя и всю страну под высоко-милостивый контроль более сильного хищника — английской буржуазии, которая действует и разбойным насилием (аресты русских граждан — интернационалистов) и обманом (посылка социал-патриотов на казенный счет для одурачивания русских рабочих).

Но если для буржуазии продолжение войны есть средство для задушения революции, то для пролетариата задушение войны есть средство для продолжения революции.

Вопрос о войне становится таким образом основным вопросом, по которому идет борьба. Эта борьба, несмотря на невероятные трудности ее, приведет к победе пролетариата, потому что с каждым днем уменьшаются хозяйственно-технические возможности ведения войны и возрастают сопротивление и воля к миру широких народных низов, толкаемых всеобщим голодом и разорением.

Таким образом вопрос о ликвидации войны тесно связан и с рядом чисто «внутренних» вопросов. Если в странах высокоразвитого капитализма мировая война вызвала такое колоссальное расхищение производительных сил, которое привело к «организованному голоду», то в России вызванная войной хозяйственная разруха представляется прямо чудовищной. Полное расстройство транспорта, распадение России на ряд не связанных между собою местных рынков, нехватка самых необходимых предметов потребления, всеобщая дороговизна, полное расстройство государственных финансов, совершенно невероятный государственный долг и т. п.—все это грозит колоссальным крахом. Для того, чтобы ликвидировать и войну и наследство, которое оставляет война, необходим ряд *героических* мероприятий, которые бы не останавливались перед «священными правами частной собственности». Конфискация предметов потребления и контроль над производством, организация общественного производства путем контроля над банками, отказ от платежа государственных долгов и переустройство всей финансовой системы, конфискация помещичьих земель и обработка части их (обрабатывавшихся наемным трудом) общественным путем, конфискация сокровищ монастырей, сиятельных особ и т. д.—только таким образом можно спасти население от полнейшей хозяйственной разрухи. Эти мероприятия выходят за пределы капитализма: они приближают нас к социалистическим производственным отношениям. Поэтому ни чисто империалистскому правительству, ни «коалиционному министерству» они не по плечу. Их может провести лишь твердая революционная власть пролетариата, его железная *диктатура*. И не в установлении и упрочении

власти буржуазии выход из теперешнего положения; этот выход — в продолжении революции.

Диктатура пролетариата в России может выразиться в захвате власти Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и в решающем влиянии в этих Советах представителей революционного пролетариата, гораздо более организованного и сознательного, чем примыкающие к нему и поддерживающие его слои беднейшего крестьянства. Вот почему нужно со всей настойчивостью выдвигать лозунг завоевания полной власти Советами и высвобождения их из-под опеки империалистской буржуазии, которая в теперешний критический момент прилагает все усилия, чтобы снова возбудить патриотический пыл, расколоть международное движение и тем самым сделать невозможным дальнейшее развитие революции.

Это дальнейшее развитие революции есть ужас и безумие для «господствующих» классов, которые кричат об анархии и призывают к порядку. На самом же деле только революционные низы способны положить конец анархии, ликвидировав войну и обессилив капитал.

Н. Бухарин.

[«Спартак», № 1, от 20 мая 1917 года.]

* * *

КЛЕВЕТНИКИ.

Буржуазией начинает овладевать какой-то панический ужас. И в этом состоянии вечного и мучительного страха господа купцы и фабриканты, со всей сворой своих прислужников из рядов так называемой интеллигенции, хватаются за все средства, как бы низки эти средства ни были, какую бы отвратительную гадость они ни представляли.

Есть в Москве газета «Русское Слово», газета большая (у фабрикантов много денег), которая требует много бумаги. Она всегда ползала в ногах у старого правительства. Когда ставили памятник Столыпину-Вешателю, который был защит-

ником Азефа и насаждал провокацию, тогда «Русское Слово» славословило этого палача.

Наступили теперь иные времена. Теперь каждый бывший пристав готов нацепить красную ленточку и объявить себя республиканцем. Теперь без этого не обойдется самый злейший противник народа. Он тоже «за свободу». На самом деле он против всякой свободы, но иначе его и слушать не будут. И вот подхалимы старого режима начинают вести бешеную борьбу против действительных сторонников революции под флагом «защиты свободы».

Но к ним нет доверия. Все знают их прошлую деятельность. Поэтому им остается одно: клеветать, клеветать и клеветать...

В № 111 «Русского Слова» помещена на первой странице громадная клеветническая статья «Большевики и департамент полиции». В этой статье борзописец московского купечества стремится облить помоями нашу партию, намеренно изображая дело так, что наша партия — это охранная организация.

У нас было много провокаторов. Почему? Да потому, что только у большевиков были сколько-нибудь сильные нелегальные тайные организации; потому что именно большевики были самыми опасными противниками старого режима. Охранники не полезут к октябристу, который сам одобряет охранку. Охранники не начнут примазываться к «Русскому Слову», которое поет гимны шефу охранки — Столыпину; охранники не будут сажать в тюрьму «именитое купечество», поддерживающее эту газету, потому что купечество — народ для них свой. Царское правительство знало, что делало, когда оно посылало своих слуг в лагерь революционеров, чтобы разбить их организации, чтобы выловить всех дельных людей, чтобы задушить грядущую революцию.

Все это понятно и ясно для всякого, у кого на плечах голова, а не кочан капусты. Отлично знают это и «писатели» из «Русского Слова». Но посмотрите, как они пишут обо всем этом:

«Своими «друзьями» департамент полиции считал именно самых крайних революционеров»... «Охранка», поддерживающая крайних революционеров... это действительность»... «Департамент полиции тщательно выискивает людей... и останавливает свой благосклонный (!!) выбор на Ленине и его соратниках».

Вы видите, товарищи, бездонную низость этих писаний. Если охранник идет в организацию, чтобы задушить ее, это значит — он ее «поддерживает». Если охранка ни за кем не следит так внимательно, как за Лениным — это значит, по «Русскому Слову», что она остановила на нем свой «благосклонный» выбор. Ведь, это все равно, что сказать о брате т. Ленина, который был когда-то повешен за покушение на Александра III, что палач остановил на нем свой «благосклонный выбор» и «поддерживал» его, накидывая петлю на его шею!

Мы не станем разбирать всего мелкого вранья буржуазной газеты. Отметим еще один пункт.

«Русское Слово» сознательно лжет, когда оно утверждает, что ленинские организации «охранялись» и не разбивались. Кто знает историю нашего движения, кто знает хотя бы историю нашей московской организации, тот знает также, что царские агенты постоянно сажали в тюрьмы наших товарищей, разрушая наши организации из месяца в месяц, из года в год. За 1912 и 1913 годы все члены большевистского центрального комитета, находившиеся в России, были арестованы. Думская фракция была арестована. В ссылках и тюрьмах за последние годы наши товарищи сплошь и рядом составляли большинство «населения».

«Департамент полиции, — пишет «газета»,— никогда не стремился окончательно уничтожить эти организации, всегда оставлял кого-нибудь для развода».

Это верно. «Для развода» оставляли. Но вы, господа из «Русского Слова», понимаете, что это значит? Это значит, что оставляли, чтобы по оставшимся выслеживать и предавать новых и новых. Это была бешеная борьба, и из этой борьбы вышли победителями мы, потому что самая «крайняя» идея, которую защищали мы — и только мы — идея восстания народа против царизма, осуществилась.

Товарищи рабочие! Буржуазия хочет сейчас клеветой и обманом приостановить революцию. В своей ненависти к нам она мобилизует против нас все, что может. Учитесь у нее ненавидеть своих классовых врагов!

Н. Б.

P. S. Клевету «Русского Слова» подхватила, между прочим, и якобы социалистическая газета г-жи Кусковой, Мельгунова и Прокоповича — «Власть Народа» (см. № 20). Они считают себя «обязанными» поддерживать новую гнусность «Р. С.».

[«Социал-Демократ», № 62, от 23 мая (5 июня) 1917 г.]

* * *

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ И РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ.

Буржуазия всех воюющих стран переходит теперь к государственному контролю над производством. Без этого контроля капиталистическое общество не выдержало бы войны. Если бы осталось все попрежнему, если бы каждый купец, фабрикант и лавочник назначали какие угодно цены, доставляли товары, куда им угодно, и в количествах, которые бы определялись ими самими, то все производство потерпело бы жесточайший крах. Воцарилась бы такая анархия, такая разруха, что ни о каком ведении войны не могло бы быть и речи. А успешное ведение войны есть основная цель буржуазии. Вот почему капиталисты сами передали свои фабрики и заводы в распоряжение своей самой большой и могущественной организации — капиталистического государства.

На этот путь отчасти вступила и русская буржуазия: военно-промышленные комитеты, союзы земств и городов, организация всевозможных комиссий по урегулированию распределения, таксы на ряд товаров, проекты государственных монополий и проч. — все эти шаги являются шагами в с т о р о н у государственного урегулирования промышленности.

Казалось бы, что после свержения самодержавного режима «наша» буржуазия с удвоенным усердием станет на путь организации государственного контроля. Однако в действительности она медлит, упирается, даже противодействует.

В чем же дело?

А дело вот в чем. Контроль государства может быть в двух формах, глубоко различных. Либо это есть контроль капитали-

стического, буржуазного государства; либо это — контроль революционной власти, контроль самих рабочих.

У нас в России положение качающееся. У нас сейчас имеется так называемое двоевластие. Временное правительство — в руках империалистов, имеющих большинство. А на-ряду с этим — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Власть правительства — у буржуазии. Но она непрочна. Сегодня она есть, а завтра ее нет. Сегодня большинство портфелей у буржуазных министров, а завтра, быть может, вся власть перейдет к народу.

Вот это-то положение и заставляет буржуазию опасаться государственного контроля. Буржуазия, вообще говоря, идет на него; государственный контроль выгоден ей самой. Но только тогда, когда у нее вся власть, когда государство — это ее собственная, хозяйская организация.

Лучше всего эту мысль выразил только что ушедший с министерского поста г. Коновалов. Он, видите ли, «в принципе» за государственный контроль, но все дело в «формах» этого контроля. Так заявил сам г. Коновалов. И это правда. «Форма» буржуазного контроля — хороша для буржуазии. Но ее охватывает настоящий ужас, когда речь идет о другой «форме»: о контроле органов революционной власти пролетариата.

Конечно, для рабочего класса речь может итти только о той «форме», которая так ненавистна буржуазии и которая одна только избавит Россию как от хозяйственной разрухи, так и от гнета так называемых «общественных верхов».

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 64, от 25 мая (7 июня) 1917 года.]

* * *

БУРЖУАЗНЫЕ ПАТРИОТЫ И «ЗАЕМ СВОБОДЫ».

В № 114 «Русских Ведомостей» мы читаем:

«Исключительные обстоятельства переживаемого момента позволяли надеяться, что в эту серьезную минуту торгово-промышленный класс поймет положение страны и свои обязанности перед свободной Россией. Эти надежды не оправдались».

О чем речь? Да все дело в том, что так называемый «заем свободы» провалился. Буржуазия кричит о наступлении, о любви к родине, о самопожертвовании. Все теперь разыгрывают Мининых. Но когда дело доходит до кармана, то выходит «совсем наоборот». Господа капиталисты предпочитают под шумок сплавлять свои капиталы за границу, чем давать их на оборону и на наступление, к которому они так горячо призывают рабочих и крестьян. Вот какова настоящая физиономия борцов с «анархией».

Н. Б.

[«Социал-Демократ», № 65, от 26 мая (8 июня) 1917 г.]

★ ★ ★

ОРГАНИЗОВАННОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Российская революция не закончена. Она продолжается. Буржуазия, все оттенки которой слились сейчас в одну черную тень, выступает по всему фронту как контр-революционная сила, как сила дезорганизующая и анархическая. Она стоит за продолжение массового убийства и разрушения. Она срывает налаживающуюся организацию народов, желающих мира. Она разрушает организацию промышленности, прибегая к локаутам, закрытию заводов, к систематическому саботажу.

Буржуазию должен сменить пролетариат. Государственная власть должна перейти к рабочим и крестьянам. Ибо только народные низы смогут осуществить необходимые мероприятия.

Но не нужно думать, что пролетариату выпадет легкая задача. Ему останется разрушенное и вконец истощенное хозяйство. Обветшавшие фабричные здания, поломанные вагоны, сносившиеся машины, полное расстройство государственной казны,— словом, «мерзость запустения» всюду и везде. Последствия войны, которая была затеяна царями и продолжается сейчас буржуазией всех стран, не исчезнут к тому моменту, когда у власти станет рабочий класс. Наоборот. К этому моменту разруха будем самая большая.

Более того. По всей вероятности, уже не коалиционному министерству придется переводить военную промышленность

на мирное положение и перевозить солдат с фронта. Последних — миллионы. Всех перевезти, найти всем места, наладить новую жизнь, не допустить безработицы и хаоса — это задача колоссальной трудности, которая еще более осложнит положение.

Рабочему классу необходимо заранее готовиться к разрешению этих задач. А они могут быть разрешены лишь тогда, когда вся страна будет покрыта густою сетью рабочих и полупролетарских организаций. В организации производства громадную роль должны сыграть профессиональные союзы,—необходимо создание профессиональных союзов, охватывающих все отрасли производства, союзов, тесно связанных друг с другом; необходима организация банковских и торговых служащих; сугубо необходимы организации техников, инженеров и пр. Приходится думать о сбыте продуктов, — необходимы всевозможные организации для того, чтобы управлять распределением продуктов; здесь важную роль могут сыграть закупочные кооперативы и муниципалитеты. Необходима поддержка местных органов органами центральными. Значит, нужно повсюду и везде создавать советы революционных пролетариев и крестьян, связанные друг с другом и с центральными советами, «общегосударственными организациями власти».

Таким образом, нужна лихорадочная повсеместная работа. И только при напряжении всех своих творческих сил сможет пролетариат овладеть полуразрушенным хозяйственным организмом страны.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 66, от 27 мая (9 июня) 1917 г.]

* * *

РУССКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ И ЦЕЛИ СОЮЗНИКОВ.

Как известно, русские рабочие и крестьяне приглашаются сейчас к наступлению и к поддержке обязательств перед союзниками. Поэтому крайне интересно знать, что же думают и какие цели ставят себе правительства «союзных» стран.

До сих пор тайные договоры не опубликованы. Но в ответ на ноту русского правительства появились соответствующие ноты правительств английского и французского. Эти ответы приподнимают завесу, которая скрывает от глаз народа тайные цели английской и французской буржуазии.

Французская нота, отметив «с чувством удовлетворения» декларацию русского правительства, говорит, что русский народ «намерен продолжать войну до победы над врагом» и «принять, таким образом, деятельное участие в совместной борьбе союзников». Отклоняя от себя всякие захватные помыслы, правительство Франции предлагает, тем не менее, «наказать» немцев во имя победы права и справедливости. Как выглядит это право и эта справедливость, видно из следующих слов ноты:

«Что касается самой Франции, то она желает возвращения верных и преданных ей областей — Эльзаса и Лотарингии, которые некогда были от нее отторгнуты путем насилия. Она будет сражаться со своими союзниками до победы, чтобы обеспечить за Эльзасом и Лотарингией полное восстановление их территориальной, правовой, а также политической и экономической самостоятельности. Кроме того, она желает возмещения убытков за столь бесчеловечные опустошения, а также необходимых гарантий для предупреждения в будущем несчастий, причиняемых непростительной провокацией нашего врага».

Вчитайтесь в эти слова, товарищи, и вы обнаружите следующее...

Пункт 1: об Эльзасе и Лотарингии. Французское правительство говорит, что оно сражается за восстановление политической самостоятельности этих стран. Но тремя строками выше говорится о «возвращении» «верных» и «преданных областей». Политическая, территориальная и прочая самостоятельность превращается в полное господство французского капитала над этими областями. Французское правительство отлично знает, что самостоятельность есть самостоятельность, а не подчинение. Но фраза о самостоятельности ему нужна для того, чтобы пустить пыль в глаза, чтобы скрыть смысл своих настоящих стремлений.

Пункт 2: о возмещении убытков. Как назвать это требование в переводе на обыкновенный политический язык? Это есть открытое требование контрибуции.

Пункт 3: о необходимых гарантиях для предупреждения провокаций врага. О каких «гарантиях» идет здесь речь? Товарищи! Здесь идет речь об аннексиях. Всюду и везде империалисты всех стран под словами «необходимые гарантии» и пр. разумеют аннексии. Русским империалистам необходимы «гарантии» экономического развития — и они требуют аннексии проливов и Константинополя, немецкие империалисты требуют «гарантии», что на них не «нападут» Франция и Англия, и требуют поэтому аннексии Бельгии и выхода к морю. Теперь французское правительство, лицемерно притворяясь миролюбивым, требует аннексий, отвергаемых всей русской революционной демократией.

«Мир без аннексий и контрибуций» — говорит революционная демократия России.

«Война за аннексии и контрибуции» — отвечает «союзное» правительство, уверенное в том, что стоящие у власти в России «свято выполнят» свои обязательства.

Гораздо дипломатичнее составлена нота Англии. Не потому, что английские захватчики лучше французских, а потому, что они умнее и хитрее их. Английская нота говорит «об освобождении народностей, угнетенных чужой тиранией» и об установлении порядка, «обеспечивающего народам счастье». Под пунктом об освобождении народов разумеется раздел Австрии, а под установлением вышеозначенного порядка — разгром Германии при одновременном усилении милитаризма в Англии, Франции, России и т. д. Что это так, показывает и речь английского министра внутренних дел в палате общин, где он заявил, что парламент и «вся страна» единодушны с французской палатой.

Итак, никаких сомнений нет. «Союзники» наши хотят аннексий и контрибуций. Они официально говорят об этом. Италия уже объявляет о присоединении Албании. И в это самое время находятся «демократы», призывающие к наступлению во славу союзнического капитала.

Заявление французского и английского правительств есть удар в лицо русской революционной демократии. Русская революционная демократия должна найти достойный ответ. Она должна не только призывать рабочих союзных стран к натиску

на свои правительства: она должна отказать решительным образом во всякой поддержке своему правительству, которое помогает все более и более наглеющему империализму союзников. Точно так же, как мы должны давать резкий отпор всяким попыткам германских империалистов заигрывать с русской революцией, мы обязаны наотрез отказаться от всяких «священных обязательств», поддерживающих международный грабеж.

Н. Б.

[«Социал-Демократ», № 67, от 28 мая (10 июня) 1917 г.]

* * *

И Ю Н Ь

ГДЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ?

В любой буржуазной газете, стоит ее лишь раскрыть, мы находим три, четыре, пять статей на тему о контр-революции. И при этом неизменно в роли контр-революционеров выступают большевики.

Что такое контр-революция? Контр-революция есть борьба против революции в целях восстановления старого порядка. У нас в России во главе старого порядка стояли помещики и капиталисты. Русская революция поставила пока что у власти тоже помещиков и капиталистов, но только другого оттенка,— так называемых «прогрессивных». Место Маркова II заняли князь Львов и Терещенко. А на-ряду с «коалиционным министерством» стоят классовые организации рабочих и крестьян:— Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Совершенно ясно, что рано или поздно будет что-либо одно из двух: или власть перейдет исключительно к временному правительству (и тогда станут излишними Советы), или же эта власть перейдет исключительно в руки Советов.

Последнего требуют большевики. Они считают необходимой твердую власть. Но они полагают, что твердая власть лишь тогда хороша, когда это есть власть революционной демократии.

Является ли переход власти к Советам контр-революцией? Конечно, нет. Такой переход означал бы развитие революции, ее дальнейшее расширение и углубление. На место «прогрессивных» помещиков и капиталистов стала бы подлинная демократия. И только она могла бы прикончить быстро войну, принять энергичные меры против разрухи, окончательно демократизировать страну, отменить полицию и пр. Вот этого и добиваются большевики — и только они. Они хотят не возвращения к старым

временам, а к новым, к полному народовластию и к обузданию господ капиталистов.

Наши же капиталисты отнюдь не хотят упускать из своих рук власти. Они стремятся ее удержать и сделаться полными хозяевами жизни. Именно поэтому они кричат о двоевластии и стремятся ограничить и уничтожить власть Советов. Значит, не кто иной, как они, хотят двинуть назад русскую жизнь. Значит, как раз они идут по пути к возвращению старых порядков. То-есть как раз они являются контр-революционерами.

Почему же контр-революционеры кричат о борьбе с контрреволюцией? Да потому, что без такого флажка теперь не обойдешься. Это старый, испытанный прием. Когда воришка боится попасться, он указывает пальцем на другого и кричит: «Держи вора». Точно так же поступают и наши контр-революционеры. Все они в один голос ловят воображаемого большевистского «контр-революционера», а сами готовят настоящую контрреволюцию, призывая к «решительным мерам» воздействия на большевиков. Занимаясь погромной агитацией против нас, они роют могилу революции. Все эти господа, которые вчера еще прикладывались «к ручке» Николая, которые протестовали против революции, которые наше красное знамя называли красной тряпкой, — все они, нацепив лицемерно красные значки, собираются громить революцию. Поиски твердой власти со стороны капиталистов — это желание военной диктатуры, которая задавила бы свободную речь и свободное слово и заковала бы рабочий класс в кандалы. Эти кандалы уже куются, товарищи! Мы должны разбить их вдребезги.

Н. Б.

[«Социал-Демократ, № 70, от 1 (14) июня 1917 года.]

* * *

ЕЩЕ ОДНО «ОСВОБОЖДЕНИЕ».

Только что под лозунгом «освобождения национальностей» итальянское королевство присоединило к себе страну, к которой оно уже давно вожделело. Мы говорим о беспримерно наглом разграблении Албании.

Прошло всего несколько дней, и мы имеем новый «освободительный» акт: низложен король Греции, и на его место поставлен другой; войска союзников стали там полными хозяевами, а особо «быстрое» итальянское правительство, по слухам, занимает Эпир.

Мы, конечно, не имеем ни малейшего сочувствия к низложенному («отказавшемуся»; ведь и Николай у нас тоже «отказался») королю. Мы самым решительным образом стоим за низложение королей. Но мы стоим за такое их низложение, когда их низлагает сам народ, душащий монархическую власть.

Совсем другое имеет место в Греции. Греческое правительство объявило нейтралитет. Но глава его явно симпатизировал Германии. И точно так же, как германофильская партия всеми правдами и неправдами вела интригу против союзников, опираясь на короля, точно так же и союзники вели свою интригу, опираясь на греческого министра Венизелоса.

В результате эта дипломатическая игра кончилась тем, что Греция была фактически растерзана войсками союзников.

Конечно, сторонники союзного империализма могут сослаться на тот факт, что если бы Грецию не подчинили себе они то ее подчинили бы себе немцы.

Но разве из того, что разбой немцев есть разбой, следует, что разбой союзников не есть разбой?

В конце концов все остается по-старому. Под «правом наций на самоопределение» правительства разумеют право великодержавных «наций» попирать военной силой всякого, кто стоит по пути. Бельгия и Сербия, Греция, Ирландия и Персия — превосходные примеры «освободительной» войны.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 72, от 3 (16) июня 1917 года.]

* * *

НОТА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

В ответ на английскую и французскую ноту, где черным по белому было сказано, что и английское и французское правительства высказываются за продолжение войны, за аннексии

и за контрибуции, наше временное правительство передало через А. Тома свою ноту с предложением о созыве правительственной конференции в целях пересмотра соглашений между союзниками.

В своей ответной ноте русское правительство заявляет, что «русский народ твердо решил бороться с явными и скрытыми империалистическими замыслами наших противников», и что российская демократия, «оставаясь непоколебимо верной общему союзному делу», приветствует готовность союзных правительств пойти на конференцию по пересмотру соглашения.

Каков смысл происшедшего? Подвигает ли нас эта русская нота хоть на шаг к миру?

Достаточно вспомнить, что происходило за последнее время, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Позиция союзников известна. Они откровенно говорят: мы — за завоевания, мы — за захваты. Но мы пойдем на конференцию. Пускай Россия, если хочет, отказывается от своей доли в добыче, а мы свое возьмем, да и долю России между собою поделим. Конференция — конференцией, а дело — делом.

Вот что говорили союзники. И после этого, после наглого ответа союзников, который является пощечиной, ударом в лицо русской демократии, временное правительство «приветствует» союзников и клянется в верности «общему союзному делу»!

Что это за «общее союзное дело», господа? Дело рабочих и беднейших крестьян союзных стран? Нет! Это дело союзных империалистов! Нота временного правительства борется против империалистских замыслов противников, — прекрасно. Но зачем же она позабывает об империалистских замыслах союзников? Ведь об этих замыслах они сами официально сказали с достаточной, исчерпывающей ясностью.

При таких условиях «общее союзное дело» есть фраза, за которой скрывается грабительская политика союзных империалистов. При таких условиях всякое наступление есть затягивание бойни, есть самый наглый обман... Мы должны судить империалистов всех стран одинаковой меркой: и немецкие, и австрийские, и русско-англо-французские империалисты нам одинаково ненавистны.

Нота русского правительства, большинство которого состоит из явных империалистов, приветствует своих союзных коллег.

Рабочий класс должен приветствовать тех его союзников, которые сидят в тюрьмах Англии и Франции.

Против «общего дела» «союзного» грабежа, — союз ограбляемых всего мира!

Только в этом спасение, только в этом исход.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 73, от 4 (17) июня 1917 г.]

* * *

СЛОВА И ДЕЛА.

В начале войны писаки империалистской буржуазии, желая дать оправдание этой бойне и увлечь за собой весь народ, кричали на всех перекрестках и писали во всех газетах и журналах, что одной из главных целей войны является освобождение мелких национальностей из-под власти и гнета Германии. Такая забота о мелких национальностях, конечно, предполагала и со стороны России и ее союзников обязательство не покушаться на свободу таких народов.

Ну, а что же мы сами сделали для воплощения этого лозунга в жизнь? Увы! ничего.

Мы оставляем в силе все договоры, которые давали нам право установить свой протекторат над мелкими и слабыми национальностями. Мы продолжаем пользоваться своим правом сильного: угнетаем и эксплоатируем более слабые народы. И делаем мы это, несмотря на присутствие в министерстве «социалистов» всех мастей.

В 1907 г. в погоне за захватом новых рынков английское и русское империалистические правительства порешили мирно поделить между собой прежде независимую Персию, установив над ней протекторат. Северная Персия попала под влияние России, а южная — Англии. После этого мы стали наводить там свои «порядки». По своему желанию сменяли министров, завели «персидских казаков», снаряжали карательные экспедиции под командой знаменитого Ляхова и угрозами повторения таких

экспедиций добывали всякие концессии и преимущества для русских купцов и промышленников. То же самое делали и англичане в южной Персии.

Так шло до революции. Но и после нее ничего не изменилось. На-днях английский и русский посланники в Тегеране заявили, что и впредь все останется по-старому.

Теперь телеграф принес известие, что персы постановили просить Петроградский Совет Раб. и Солд. Депутатов добиться отмены договора 1907 года, отдающего Персию во власть империалистов Англии и России.

Кто же поверит после этого нашим благородным заявлениям об отказе от аннексий и о праве наций самим распоряжаться своей судьбой? Да может ли и русская революционная демократия доверять такому временному правительству?

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 74, от 6 (19) июня 1917 года.]

* * *

ВПЕРЕД.

Русская революция как будто сделала остановку в своем развитии. После бурного периода наступило время относительного спокойствия. Однако в этой зловещей тишине уже слышится шум новых битв и новых столкновений.

Если останавливаться исключительно на поверхности явлений, тогда можно было бы утверждать, что все конфликты улажены и все острые углы стерты.

В самом деле, у власти стоит «облеченное доверием» коалиционное министерство, где на-ряду с отпрыском сахарных синдикатчиков Терещенко сидит бывший политический каторжанин И. Г. Церетели. Г-н Керенский объезжает фронты и тыл, и повсюду его целуют, благословляют и выносят на руках. Словом, все происходит таким образом, как в назидательной пьесе, где порок наказан, а добродетель торжествует.

На самом деле, однако, в глубине народных масс происходит процесс непрерывного брожения, которое рано или поздно даст о себе знать.

Новое временное правительство, несмотря на вхождение меньшевиков и народников, по существу дела продолжает политику старого. Фактически Церетели, Скобелев и Чернов запутываются в тех сетях, которые поставил им российский империализм. И в области политики внешней (вопрос о войне и мире), и в области политики внутренней (борьба с хозяйственной разрухой и надвигающимся голодом) «коалиционное министерство» идет по той же проторенной дорожке, по какой шло правительство Милюкова—Коновалова.

В области внешней политики империалистское большинство министерства явным образом тащит за собой якобы социалистическое меньшинство. В то время, как Церетели и Чернов убеждают российскую публику, что все обстоит благополучно, министр иностранных дел Терещенко целиком продолжает политику Милюкова, заявляя «союзникам» о «сохранении всех старых обязательств». Тайные договоры не только не опубликованы, но остаются основной пружиной, которая двигает дальше дело мирового убийства. Совсем недавно итальянское правительство объявило торжественно о «независимости» Албании под протекторатом Италии, т.-е. о присоединении Албании к Италии. Первый акт «самоопределения» народов уже сделан: Италия уже ограбила под этим соусом Балканы. Можно себе представить, каковы аппетиты у более крупных хищников, вроде Англии. Тем не менее русские рабочие и крестьяне посылаются в наступление для того, чтобы способствовать этому грабежу, ибо нужно же сохранять священные обязательства, данные Николаем английским, французским, японским и иным банкирам.

Обязательства эти (обязательства перед банкирами) считаются настолько священными, что г. Набоков, представитель русского правительства в Лондоне, счел даже удобным заявить о необходимости для русского народа поступиться рядом свобод ради продолжения войны.

Таким образом мы попрежнему имеем, вместо правительства мира, правительство активной империалистской политики, где роль трубача играет г. Керенский, вдохновляющий к наступлению.

Не лучше обстоит дело и с внутренней политикой коалиционного правительства. Вместо ряда решительных мероприятий, клонящихся к обузданию капиталистов и к организации расстроенного народного хозяйства, правительство прибегает к созданию тысячи и одной комиссии, а в области финансов к старому средству: расширяет право выпуска все новых и новых гор бумажных денег, которые еще сильнее обесценивают русский рубль и обостряют дороговизну.

А между тем хозяйственная разруха принимает все более грозные размеры. Нехватает топлива, металлов, хлеба. Транспорт расстроен вконец. Начинает закрываться одно предприятие за другим. Капиталисты сознательно усиливают разруху, сваливая вину на рабочих с их якобы непомерными требованиями. Государственная казна в плачевнейшем состоянии: бремя чудовищных государственных долгов и царство бумажных денег, теряющих всякую ценность — вот что представляют из себя государственные финансы.

Все яснее становится, что правительство, стоящее за войну, не может спасти страну от грозящей гибели. Ибо война все туже и туже затягивает петлю на шее русского народа, ведет за собой голод и полное обнищание.

Таким образом подготовляется переход власти к представителям рабочих и солдат. Это — единственная сила, которая может вывести страну из того поистине ужасного положения, в котором она находится.

Чем вероятнее становится переход власти в руки пролетариев и бедняков деревни, тем ожесточеннее делается борьба буржуазии с левым социалистическим течением (большевиками), которое ясно и определенно требуют этого перехода. Вся капиталистическая буржуазия переходит на положение, которое раньше занимали черносотенные помещики, а политические выразители интересов финансового капитала и империализма—кадеты по своей тактике и по приемам борьбы стали удивительно смахивать, на блаженной памяти деятелей «союза русского народа». Такая перемена более, чем понятна. Раньше речь шла лишь о том, чтобы была изменена форма политического строя. Теперь речь идет о том, чтобы рабочие, захватившие вместе с деревенской беднотой власть в свои руки, поставили под свой контроль про-

изводство и сократили или уничтожили прибыли капиталистов. Немудрено, что класс капиталистических собственников мобилизует все свои силы. Под лозунгом борьбы с «анархией» буржуазия организует борьбу с революцией. Ходом революции наши либералы-империалисты отброшены на крайний правый фланг. Вот почему образовался блок между всеми фракциями буржуазии, которая идет сейчас сомкнутым строем против рабочего класса.

Борьба за власть между буржуазией, желающей сейчас подавить революцию и вести войну «до победного конца», и рабочими, которые хотят положить конец войне и привести в порядок ослабевшее хозяйство России, осложняется тем, что мелкая буржуазия и отчасти крестьянство тащатся за финансовым капиталом. Поскольку их представители — меньшевики и народники — идут на соглашение с империалистами России, а косвенно с империалистами союзных стран, постольку борьба пролетариата затрудняется. Однако опыт самой жизни все более и более открывает глаза полупролетарским элементам города и деревни, и они начинают понимать, что вне мира между народами и вне борьбы с буржуазией нет спасения.

Поэтому все время нарастает недовольство теперешним положением вещей и сознание необходимости перехода всей власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Этот переход *должен* совершиться. Но в наследство новой власти останется вконец разоренное и истощенное хозяйство, которое продолжают разорять сторонники войны. С заключением мира временно сюда присоединится и разруха, которую, по всей вероятности, вызовет перевозка миллионных армий с фронта: всех нужно будет доставить, а вагонов нет; всех нужно будет накормить, а на станциях ничего нет; всем нужно будет найти места и т. д. и т. д. А сюда присоединяется еще поток беженцев и военнопленных... Словом, задачи, которые выпадут на долю Советам, ставшим у власти, громадны.

К выполнению этих задач нужно готовиться уже сейчас. Только организация всех сил, имеющихся у пролетариата, может выполнить эти задачи. Нужно покрыть всю страну тысячами различных организаций: повсюду должны быть основаны Советы Рабочих, Солдатских, Батрацких и Крестьянских Депутатов;

в городских думах должны быть организованы сильные рабочие группы, имеющие большинство; все рабочие должны быть организованы в профессиональные союзы; необходимы союзы техников и банковских служащих. Коротко говоря, необходим весь тот аппарат, который мог бы взять в свои руки громадную, сложную и ответственную работу контроля и управления всем крупным производством страны.

Прекращение войны и возвращение к производительному труду миллионов оторванного от станков и плугов населения, уничтожение государственного долга путем отказа от его уплаты, наконец, организация рабочего контроля и управления над крупным производством и финансирующими это производство банками — так и т о л ь к о так, может быть решен вопрос.

Буржуазия стремится сейчас задушить революцию. Пролетариат должен продолжать ее. Буржуазия стремится сейчас анархически дезорганизовать и разрушить хозяйство страны. Рабочий класс должен организовать его. Буржуазия хочет превратить еще несколько миллионов живых, цветущих людей в горы гнилого мяса. Пролетарии хотят прекратить бойню. Буржуазия выступает как сила, несущая смерть и разложение. Пролетариат, как носитель животворящей энергии, идет вперед.

Н. Б.

[«Спартак», № 2, от 6 июня 1917 года.]

* * *

ПО ПОВОДУ СЪЕЗДА СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов, вот уже несколько дней заседающий в Петрограде, дал громадное большинство блоку «меньшевиков» и «социалистов-революционеров»—партиям, которые, к сожалению, до сих пор не порвали соглашения с «либеральной» (империалистской) буржуазией. Первое голосование (по поводу очень некрасивого — чтобы не сказать хуже— «жеста» социалистических министров, а именно высылки Р. Гримма) показало, что большевистская часть съезда и интер-

националисты представляют собой менее шестой части всех делегатов. Несомненно, что революционная социал-демократия не получила на съезде соответствующего ее действительному влиянию представительства. Но все же необходимо признать, что пока мы в меньшинстве, что среди общедемократического потока социалистически-революционное крыло не имеет достаточного авторитета; оно еще не является руководителем большинства народных масс.

Это обстоятельство мы предвидели. Поскольку первый этап русской революции ставил одни лишь общедемократические задачи, задачи свержения царизма, постольку за революцией стояло громадное большинство населения; оно было ярко революционным.

Иначе обстоит дело со вторым этапом русской революции. Теперь прежний общий фронт против царизма вместе с уничтожением этого царизма распался. Империалистская буржуазия явно и открыто перешла на сторону бешеной контр-революции, а широкие массы мелкой буржуазии, а отчасти и некоторых слоев пролетариата, еще не доросли до того, чтобы понять необходимость открытого разрыва как с своей отечественной, так и со всякой другой финансово-капиталистической буржуазией. Этого следовало ожидать, и мы, повторяем, ожидали этого.

Тем не менее нет оснований сомневаться в нашей окончательной победе. Среди рабочего класса идеи революционного социализма (а не просто «демократии») находят себе все больше приверженцев.

Повсюду, где производятся перевыборы в Советы, в большинстве случаев проходят большевики. А недавнее совещание фабрично-заводских комитетов в Петрограде дало революционным социал-демократам огромный, подавляющий перевес.

Несомненно, что развитие классовых противоречий и с каждым днем все более наглеющая тактика буржуазии раскроют глаза широким массам демократии; в конце концов она поймет, что на пути подчинения империализму нет спасения ни от войны, ни от холода и голода.

Революционные социалисты во всех странах были в меньшинстве. И нет ничего удивительного в том, что они оказались

в меньшинстве среди широких слоев отсталой России. Жизнь, однако, работает на нас. Обман со стороны наживающихся на войне капиталистов, наглое поведение союзных правительств, полная беспомощность коалиционного министерства — все это производит в умах переворот.

Кризис, вызванный войной, выход из тупика, в котором сейчас находится страна, может быть разрешен только на том пути, который указывается революционным социализмом.

Наша задача — это старая задача критики и просвещения, задача беспощадного разоблачения заводчиков всего мира и их пособников. И рано или поздно революционный социализм будет играть решающую роль.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 77, от 9 (22) июня 1917 года.]

* * *

МИНИСТЕРСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ.

Первый день «учредительного съезда для создания районного комитета снабжения» был интересен в двояком отношении: с одной стороны, любопытны были доклады инженеров-специалистов, которые рисовали фактическое положение дел; с другой — чрезвычайно характерная речь была произнесена министром труда М. Скобелевым.

Разруха, которая все в большей степени охватывает страну, наглядно вырисовывалась из сухих, коротких и деловых докладов, из сводки цифр. Но вот что интересно отметить: инженеры-специалисты (не какие-нибудь большевики, а просто «деловые люди») почти все говорили о т о р м о з я щ е м влиянии временного правительства, которое, по их мнению, действует бюрократически. Один из докладчиков (и председатель съезда,— проф. Кирш) огласил такой случай, когда деловой проект был послан на утверждение правительства и возвращен с такими «поправками», которые привели его в негодность.

Все время подчеркивалось, что для организации промышленности приходится действовать нелегально, т.-е. создавать самочинные организации, потому что всякие утверждения, распоряжения и т. д. приходят или слишком поздно, или совсем не приходят.

В конце заседания выступал министр труда Скобелев (который, кстати сказать, стоя выслушивал приветствия представителя промышленников г. Поплавского и сидел во время речи тов. Шефлера). Речь Скобелева была всем, чем угодно, но не речью представителя рабочего класса. На первое место Скобелев ставил интересы «государственности», которые, видите ли, выше интересов отдельных классов. Эта теория есть обычная социал-патриотическая теория, где интересы буржуазного государства выдаются за интересы «всех».

Совершенно понятно, что, исходя из интересов этой «государственности», г. Скобелев утопил особые интересы рабочего класса. Но мало этого. Он в присутствии промышленников настолько распоясался, что, подойдя к основному вопросу—вопросу об организации промышленности, прямо заявил:

«В области регулирования промышленности нам очень трудно додуматься до чего-нибудь конкретного, вразумительного и членораздельного».

Промышленники хихикали себе в кулаки и не скрывали своего злорадства по поводу такого заявления.

Вероятно, в силу нечленораздельности своих планов, г. Скобелев предложил весьма своеобразный план основного, регулирующего промышленность, органа («экономический совет» при временном правительстве). В этот «совет» входит бесчисленное множество буржуазных организаций, и рабочие почти обойдены.

М. Скобелев, мило улыбаясь, повествовал и о выпуске бумажных денег, которые якобы необходимы, и указал, при хохоте промышленников, что эта мера им самим раньше жестоко критиковалась.

Правда, министр говорил также и о беспощадном обложении имущих классов, но представители последних были мало сму-

щены, очевидно, в надежде, что и эти планы будут неконкретными, невразумительными и нечленораздельными...

Каким чистым и невинным младенцем нужно быть, чтобы так расписываться в своем бессилии!

Н. Б.

[«Социал-Демократ», № 83, от 16 (29) июня 1917 года.]

* * *

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

В американском конгрессе (парламенте) представитель коалиционного правительства г. Бахметьев держал торжественную речь перед представителями законодательной власти американских хищников. И что же поведал им г. Бахметьев?

Он поведал им, что временное правительство в настоящее время готово подавлять решительным образом как контр-революцию справа, так и выступление крайних левых, т.-е. интернационалистов и, в первую голову, большевиков.

Конечно, г-н Бахметьев действовал не по собственному почину. Он творил «волю пославшего», волю временного правительства. Его устами говорило коалиционное министерство.

Американский капитал разжирел на трижды проклятой бойне. Американские банкиры дошли в своем цинизме до того, что Морган показывает сейчас за деньги горы золота в своих подвалах, золота, перечеканенного из крови европейского пролетариата.

Но эти акулы боятся сейчас, что революционная демократия России откажется дальше наполнять их сундуки. Бешенство против «дикой пропаганды» революционных социал-демократов России страшно велико.

И вот г-н Бахметьев льет елей, чтобы успокоить хищников. От имени российского правительства он обещает решительные меры против революционных социал-демократов.

Это лишний раз показывает, что наше правительство опутано сетями западно-европейского и американского капитала, что оно под диктовку этого капитала готово взять в железо революционный социализм.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 84, от 17 (30) июня 1917 года.]

* * *

ПО ПОВОДУ НАСТУПЛЕНИЯ.

«Скажи мне, как ты относишься к войне, и я скажу тебе, кто ты», — можно сказать про всякого, именующего себя социалистом. Это сказать можно не только про отдельных людей, но и про целые партии. Война, которая сейчас ведется, есть война захватническая, грабительская, кто бы ее ни вел, какими бы красивыми словами ее ни обставляли. Если социалисты поддерживают такую войну, если призывают к ней, они перестают быть социалистами. Сейчас, после долгого перерыва, началось наступление наших войск. Взято значительное количество пленных (10.000), но и потери были немалые. Если в кадетском лагере по этому случаю поднялось ликование, это понятно: чем больше льется крови по ту и другую сторону границ, тем больше надежды у буржуазии вернуть свою силу и мощь; надо довести страну до полного истощения, надо обескровить ее, надо затуманить головы патриотическим и воинственным угаром, — и дело буржуазии выиграно. Но почему ликуют наши меньшевики и соц.-революционеры? Почему министр Церетели, благородный, бескорыстный Церетели приходит в такой восторг от нашего наступления? «Во имя чего, во имя каких идеалов проливают кровь наши братья?» — спрашивает министр-социалист Церетели. И на это совершенно серьезно отвечает, что нашему наступлению должна радоваться не только союзническая демократия, но и демократия воюющих с нами стран. И все это потому, что устами Церетели заявлено, что ни одна капля крови русского солдата не будет пролита во имя империалистских интересов. Не правда ли, как удобно, товарищи рабочие, солдаты и крестьяне, обернулось дело для захватчиков и грабителей?

Не капли, а моря крови мы будем проливать во славу капитала, но и при этом удовлетворимся оговоркой, что мы таковых целей не преследуем. Так поступали и немецкие социал-шовинисты. Они высказывались против захватов и аннексий, но голосовали за военные кредиты и благословляли солдат, отправляющихся на бой. Теперь министр Керенский в своем воззвании утверждает, что вся страна благословляет солдат на ратный

подвиг. И говорится это в такой момент, когда именно в Германии и Австрии все громче и громче раздается голос протеста против войны. Поистине только Иудушкино пустословие может позволить себе утверждать, что наше наступление может радовать сердца международной демократии.

Мы уверены, что радовать это может только сердце Гинденбурга, которому легче будет преодолеть нежелание немецких солдат итти в бой. Это, наконец, радостью наполняет сердца английских, американских захватчиков, которым удалось толкнуть нас вновь в бойню, удалось путем отказа в кредите заставить и демократию — в лице Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — благословить эту бойню.

Представители демократии в большинстве своем в плену у буржуазии и делают буржуазное дело. На обязанности революционной социал-демократии тем бо́льшая обязанность во всеуслышание сказать, что у нас нет ничего общего с этим наступлением; за него отвечают те, кто это наступление затеял, мы же остаемся на своем посту верными своему знамени: долой войну, да здравствует международное единение рабочих!

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 87, от 21 июня (4 июля) 1917 года.]

* * *

О НАСТУПЛЕНИИ НА ФРОНТЕ.

(Речь т. Бухарина на пленуме Исполкома Моссовета от 21 июня 1917 г.)

Содокладчиком по этому вопросу от большевиков выступает т. Бухарин, который начинает с заявления, что начавшееся наступление имеет чрезвычайно важное политическое значение: оно «не укоротит, а затянет период окончания войны». Он доказывал, что в свое время революционные органы, осуждавшие в своем воззвании братание, «говорили лишь о боеспособности армии, которая должна быть готова к наступлению». В настоя-

щее время лозунг буржуазии о наступлении приведен к действию. Наступление диктовалось, «с одной стороны, русской буржуазией, а с другой — английской, французской и американской». Говоря о мирной программе союзных правительств, он считает, что если революционная демократия России будет следовать этой программе, то придется воевать без конца, ибо представитель правительства «великой демократии» — Англии, Ллойд-Джордж, в последней речи высказал завоевательную программу, и до ее осуществления, по его мнению, не может быть и речи о мирных переговорах. При таких условиях как может отразиться наше наступление на международном рабочем движении? «Поскольку временное правительство поддерживает наступление и поскольку большинство поддерживает в свою очередь это временное правительство, можно прямо и определенно заявить, что это есть удар по растущему международному движению рабочего класса», так как «массы, которые начали приводиться в Германии и Австрии к сознанию необходимости революционной борьбы», могут опять «перейти на сторону Шейдемана», ибо теперь «немецкие империалисты с полным правом будут указывать, что русская революция несет на империалистическом штыке удар рабочему классу». Наступлением нашей армии мы вносим сумятицу и в ряды рабочих союзных стран, которые «будут притянуты к шовинистической позиции указанием империалистов, что они делают общее дело с русской революцией и ведут с ней наступление на всех фронтах». Бухарин заявлял, что он не представляет себе, как советское большинство, «санкционирующее через временное правительство наступление русских войск», в то же время поедет договариваться о мире. Это психологически невозможно и будет всеми воспринято как капитуляция перед российской союзнической буржуазией. Наступлением «дело международного пролетариата в борьбе за мир до известной степени срывается», в то время как положение буржуазии укрепляется и она проводит «определенный, строго обдуманный план мобилизации контр-революции», мобилизуя свои силы около государственной думы, казачьего съезда и т. п. Если мы относимся отрицательно к наступлению, из этого еще не следует, что мы, «большевики, стараемся дезорганизовать армию и оказать сопротивление начавшемуся насту-

плению. Наша—задача критически разоблачать всю эту политику на всех фронтах в международном масштабе». Он обращал внимание на ту опасность, что «если органы, за которыми у нас стоит большинство, санкционируют наступление, то западно-европейский пролетариат скажет, что в России есть сильные организации, но, к сожалению, они направлены на то, чтобы санкционировать дело, заведомо вредное для революции». В заключение он предлагал Совету самым резким образом заявить, что политику наступления мы не санкционируем, доверия временному правительству не выражаем и всю ответственность целиком перекладываем на него. Исходя из этого, он от имени фракции предлагал Исполнительному Комитету принять следующую резолюцию:

«Наступление предпринято, чтобы поставить армию и революцию на службу англо-французской, американской и русской буржуазии под флагом защиты свободы. Наступление наносит удар международной революции пролетариата против войны и империализма и усиливает во всех странах контр-революцию, питающуюся шовинизмом. Поэтому наступление на фронте, непосредственно поддерживая захватчиков, означает на деле наступление и на все завоевания революции.

Наступлению, затеянному захватчиками, мы противопоставляем переход власти к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и предложение от имени полновластного Совета немедленного справедливого мира всем народам.

Поскольку в настоящее время контр-революция поднимает голову, особенно опасным является вывод революционных войск из крупных центров.

Принимая все это во внимание, Московский Совет Рабочих Депутатов полагает:

1) Что в настоящее время необходима кампания, разоблачающая правительство и разрыв с ним.

2) Необходима организация в войсковых частях и пропаганда оставления революционных войск внутри страны для отпора контр-революции.

3) Необходима пропаганда, выясняющая, что вся ответственность за последствия этой тактики целиком ложится на временное правительство и поддерживающие его группы.

[«Социал-Демократ», № 88, от 23 июня (6 июля) 1917 г.]

* * *

О НАСТУПЛЕНИИ.

(Из стенограммы заседания Исп. Ком. С. Р. и С. Д. 21 июня.)

Тов. Бухарин выступает от фракции большевиков. Он оценивает наступление с политической стороны и пытается выяснить, какие результаты может принести наступление, и как повлияет оно на ход революции и на соотношение борющихся сил. Докладчик указывает, что нельзя одним-двумя ударами покончить с войной. При тактике наступления в Германии снова поднимется шовинистическая волна. Кроме того, если раньше у союзников надежда на доведение завоевательных целей до конца падала, то теперь она возникает вновь. Наступление не сможет укоротить войну, а скорее затянет ее. Лозунг наступления разделяет русская, американская, английская и французская буржуазия, которая выставляет явно завоевательные цели и угрожает временному правительству лишением поддержки в случае отказа от поддержки на фронте западно-европейской буржуазии. Это видно из речей Рутта, Ллойд-Джорджа и др.

Переходя к влиянию наступления на рабочее движение, докладчик указывает, что к миру может привести лишь международное движение пролетариата. В этом, говорит докладчик, мы сходимся с нашими товарищами справа; наступление же — это удар по растущему международному рабочему движению. Массы, которые уже начали борьбу против правительств, снова могут перейти на сторону Шейдемана. Наступление дает орудие в руки Гинденбурга, так как теперь он может натравить солдат на русскую революцию. В Англии и Франции правительства будут говорить солдатам и рабочим, что они идут вместе с русской революцией, и этим оттянут рабочих назад к шовинистической позиции.

Наступление повредит интернациональному объединению рабочих, так как трудно понять, как можно, санкционируя наступление, ехать на международную конференцию; это будет понято как капитуляция перед русской и западно-европейской буржуазией. Мы зовем всех рабочих порвать блок с буржуазией, а сами поддерживаем в большей части буржуазное правительство. Дело борьбы за мир, международная революция до известной степени срываются наступлением.

Кроме того, наступление будет способствовать росту контрреволюционного настроения. Разгружение Петрограда и других городов от революционных полков очистит место для казаков. Не случайно совпадение следующих фактов: организация контрреволюционного наступления, казачий съезд, организация всяких лиг, заявления правительств союзников и наступление. Во всем этом докладчик видит определенный политический план. При этих условиях, говорит оратор, мы не можем оценить наступление иначе как попытку сорвать международное движение и задушить всюду рабочее движение. Из этого не следует, что мы стремимся дезорганизовать армию. Наше дело разоблачать империалистические стремления. Докладчик заканчивает тем, что наступление увеличивает мощь империалистической коалиции и нет никаких доводов за то, что буржуазия будет сдавать свои позиции. Все же наши обращения к пролетариату всех стран будут вызывать лишь недоумения. Поэтому ни С. Р. и С. Д., ни С. К. Д. не может нести ответственность за то, что считает вредным, и мы наступления не должны санкционировать.

Всю ответственность мы перекладываем всецело на временное правительство. Докладчик предлагает резолюцию Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П., напечатанную в № 88 нашей газеты.

[«Социал-Демократ», № 90, от 24 июня (7 июля) 1917 г.]

* * *

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЗВАЛ И ВОЙНА.

Основной причиной колоссальной и все увеличивающейся экономической разрухи является несоответствие между теми требованиями, которые ставит современным государствам мировая война, и состоянием производительных сил народного хозяйства. Война произвела громадную опустошительную работу во всех странах. Но особенно резко сказалось ее влияние в России. Это объясняется тем обстоятельством, что из всех крупных воюющих государств Россия является страной с относительно самым низким уровнем развития производительных сил и слабой

организованностью «отечественного» производства. В этой русской отсталости многие доморощенные экономисты и ученые прислужники господствующих классов видели залог успеха в войне. Они полагали, что Россия, у которой средства продовольствия «в избытке», сможет дольше других выдерживать войну. Действительность обнаружила полную вздорность всех этих рассуждений. На слабое «народное хозяйство» России война легла такой тяжестью, что мы с каждым днем приближаемся к полному экономическому и финансовому разложению.

I.

Уже до войны Россия стонала под бременем непроизводительных расходов. Государственная машина, армия и флот оттягивали от производительного труда силы народного хозяйства и тормозили его развитие. Война дала резкий толчок к ухудшению, фактически конфисковав громадное количество производительных сил страны. Современная война, как не раз уже отмечалось, характеризуется тем, что она требует для себя не только денег, но и мобилизации всего народного хозяйства. Фабрики и заводы, машины и люди — все должно «работать на оборону». А это означает не что иное, как *непрерывное перераспределение производительных сил в сторону непроизводительного труда*.

Общество может жить лишь тогда, когда постоянно возобновляется и поддерживается основа его существования — производительный труд. Общество может развиваться лишь тогда, когда расширяется эта основа. Наоборот, оно идет к гибели, если сфера производительного труда суживается. При нормальном общественном развитии сфера производительного труда должна быть настолько велика, чтобы удовлетворять общественную нужду в предметах потребления, производить достаточное количество новых машин, инструментов, зданий и пр., взамен сносившихся и снашивающихся; чтобы, наконец, расширять производство, двигать его вперед.

Что делает война? Она оттягивает производительные силы от производства ряда полезных предметов потребления, она отнимает их у отраслей, производящих полезные машины и ору-

дия производства; словом, она в корне подрывает основу общественного развития — производительный труд.

Уже к весне 1915 года убыль рабочих сил, если судить по данным, касающимся Пермской, Московской, Владимирской и др. губерний, доходила до 20—25%. По подсчетам А. И. Коновалова, в феврале 1916 года в армии было взято приблизительно 15 миллионов человек, тогда как общее число крестьян в рабочем возрасте равняется 27 миллионам; в общем взято около 60% взрослого мужского населения деревни [1]).

К 1916 г. в сельском хозяйстве было реквизировано в среднем около 6% лошадей. Что касается реквизиции рогатого скота, то она достигала в районах военных действий и ближнего тыла 50—60%.

В 1914 г. посевная площадь сократилась на 3%, в 1915 г.— на 14%; для 1916 года можно принять, что цифра эта на 10—15% ниже обычного [2]).

Та же приблизительно картина имеется и в области индустрии. Даже металлургическая и каменноугольная промышленность дают в настоящее время недовыработку в 10—25% по сравнению с мирным временем [3]).

Отвлечение рабочих рук играет здесь немаловажную роль. Вместо роста предприятий (включая даже работающие на оборону), мы видим уменьшение и числа предприятий, и общего количества занятых в них рабочих.

Если мы возьмем увеличение (+) или уменьшение (—) по сравнению с предыдущими годами, то получим такую картину:

Годы	Число заведений	Число рабочих
1913	+ 490 + 3,8%	+ 151.946 + 8,5%
1914	+ 373 + 2,8%	— 3.911 — 0,2%
1915	— 1.209 — 8,7%	— 20.405 — 1,1%

Правда, официальная «записка» [4]), откуда мы берем эти данные, говорила о «значительном промышленном подъеме», но

[1]) Делопроизводство особой финансово-экономической комиссии. «Переход народного хозяйства к условиям мирного времени».

[2]) С. Прокопович. «Война и народное хозяйство».

[3]) «Промышленность и Торговля», 1917 г., № 1, стр. 2.

[4]) «Объяснительная записка министра финансов к проекту госуд. росписи доходов и расходов на 1917 г.,» часть 2-я, стр. 19 и след.

под этим «подъемом» скрывается горячка на оружейных заводах и специальных «оборонческих» фабриках, очень часто создаваемых в целях получения казенного аванса или пристройки «героев тыла». Оживлению в металлургической (шрапнели и гранаты) и химической (взрывчатые вещества) промышленности противостоит закрытие ряда текстильных предприятий (из тех, которые выделывали легкие ткани), сокращение производства в спичечной, деревообделочной, писчебумажной промышленности, в предприятиях по обработке минеральных веществ, в нефтяной промышленности и т. д.[1]). Специальное обследование 6 губерний указывает на сокращение рабочих рук не менее, чем на 27% [2]). Но даже там, где количество рабочих остается прежним, становится хуже их качество. Так, например, в Донецком бассейне падение производительности стоит в связи с ухудшением качественного состава рабочих на полях, где в настоящее время работают военнопленные, женщины, подростки, беженцы, китайцы, корейцы и персы [3]).

Г-н Прокопович считает, что производительность всей нашей промышленности в целом упала к 1916 г. процентов на 10—15. Теперь положение дел еще хуже. Кроме того, эта цифра совершенно не учитывает того обстоятельства, что производимые теперь продукты в значительной степени идут не на восстановление снашивающегося и стареющего, а расстреливаются в воздух. Ремонт машин, зданий, инвентаря, воспроизводство средств производства, вообще за время войны почти отсутствовало. При «проедании» основного капитала все быстрее развивается абсолютная нехватка целого ряда продуктов: не хватает топлива, сырья, металлов, хлеба, нет муки, дров, сапог и т. д.; страна в буквальном смысле готова погибнуть от голода и холода.

Но даже и в том случае, когда имеется кое-какое количество товаров, они далеко не всегда поступают потребителю. Этому мешает полнейшая дезорганизация транспорта. Обслуживание войны, военные погрузки, перевозка солдат и пр. привели к тому, что для перевозки обычных и всем нужных вещей не хватило средств. Во второй половине февраля 1916 г., наприм.,

---

[1]) «Объясн. записка и т. д.».

[2]) «Экономич. Обозрение», кн. 1-я, стр. 168.

[3]) «Промышленность и Торговля», 1917 г., I, стр. 18.

«залежи грузов на железнодорожных станциях достигли 150.000 вагонов, из них 50.000 грузов внеочередных; при этом было закрыто для приема грузов 575 станций» [1]); повсюду образовались заторы, «пробки». В результате всем известные случаи: в одном месте — склады мяса и рыбы, которые гниют, в другом — чуть ли не голод из-за полнейшего отсутствия мяса. В 1916 г. саратовские мельницы остановились из-за недостатка зерна, которое лежало на других станциях: железные дороги перевозили в это время «военный груз» — пустые бочки. В настоящее время текстильные фабрики испытывают хлопковый голод, а во Владивостоке лежит хлопок, который не может быть перевезен. То же происходит и с доставкой угля из Донецкого бассейна.

Ко всему этому присоединяется постоянное ослабевание провозоспособности. Железные дороги, обслуживая войну, работают через силу: хроническая перегруженность есть факт. Отсюда — усиленное снашивание и самих путей и подвижного состава. Число «больных» вагонов и паровозов все увеличивается, а новых почти не прибавляется.

Расстройство транспорта разбивает страну на ряд местных рынков, не связанных между собой. «Народное хозяйство» разваливается; анархия товарного рынка достигает максимальных пределов.

Совершенно естественно, что при таком положении народного хозяйства имеется и соответствующее состояние государственной казны. Война требует таких чудовищных расходов, какие не предвиделись даже самыми дальнозоркими экономистами. Ежедневные военные расходы России росли (и растут) с поразительной быстротой: в первые месяцы войны они составляли 11,7 милл. рублей, в январе — июне 1915 года — уже 19 милл. рублей, в январе — июне 1916 года — 35 милл., в октябре 1916 года — около 50 милл. руб. К концу года стоимость войны превысит 40 миллиардов рублей, сумма государственного долга шагнет за 30 миллиардов.

В поисках за средствами, кроме государственных займов, и старое и новое правительство прибегает к печатному станку.

---

[1]) Прокопович, стр. 161.

Поток бумажных денег наводнил страну. Выпуск кредитных билетов рос; таким образом было выпущено:

к 1 янв.	1914 г.	1.665	милл. руб.
» 1 »	1915 »	2.947	» »
» 1 »	1916 »	5.617	» »
» 1 июля	1916 »	6.728	» »
» 1 янв.	1917 »	9.097	» »

Эта политика выпуска кредиток продолжается и теперь с благословения нового правительства. В результате полное обесценение русского рубля и невероятное обострение дороговизны, которая всей своей тяжестью ложится на малоимущие слои.

Итак, вывод отсюда ясен: пока народное хозяйство России развивается (вернее—разлагается) под знаком войны, а тем более войны до конца, нет никакой надежды на выход из тупика.

II.

В известной мере кризис, который развивается автоматически и со стихийной силой, мог бы быть задержан государственно-капиталистической организацией хозяйства, т.-е. контролем буржуазного государства. Однако российская буржуазия, боясь перехода всей государственной машины в руки рабочего класса и беднейших слоев крестьян, выступает сейчас в качестве не организующей, а дезорганизующей, анархической силы. Так называемые «скрытые локауты» есть строго установленный факт. Отчасти из-за того, что медленный оборот сейчас выгоден капиталистам, отчасти из политических стремлений организовать контр-революцию, господа предприниматели разными способами способствуют неурядице и неразберихе, стремясь свалить ее на «большевиков» и на рабочих, с их якобы «непомерными» требованиями. Прямой саботаж (порча инструментов и т. д.), назначение ничего не понимающих заведующих, вывоз сырья и жалобы на его отсутствие и пр. являются способами ведения этих скрытых локаутов. Очень часто предприниматели находятся в стачке друг с другом, а поставщик сырья нарочно не доставляет этого сырья своему обычному покупателю по просьбе последнего — таким способом облегчается «локаут».

Итак, стихийное разложение хозяйства под влиянием войны усугубляется классовой политикой правящей буржуазии.

И опять-таки совершенно естественно, что представители этой буржуазии, имеющие большинство в «коалиционном» правительстве, не могут вести политики, которая по существу отличалась бы от той, какая ведется их коллегами на местах, в дирекциях фабрик, банков, торговых предприятий. Вот почему, несмотря на все разглагольствования, в экономической области не сделано ничего, а в области финансов продолжается в возрастающей степени старая политика выпуска бумажных денег.

На буржуазию нет надежды. Она не только не хочет прекратить войны, она не хочет предпринять никаких существенных мер по организации производства и распределения. Рабочий класс сам должен заботиться о том, чтобы вывести страну на путь выздоровления. А это значит, что рабочий класс совместно с беднейшими слоями крестьян должен взять власть. Эта власть должна перейти в руки Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких Депутатов.

Важнейшими мероприятиями революционного правительства должны быть следующие: 1) ликвидация войны, 2) отказ от платежа государственных долгов, 3) подчинение производства и распределения контролю государственной и местной организации революционной власти, 4) национализация земли, 5) введение всеобщей трудовой повинности.

Из хозяйственных мероприятий, лежащих в области контроля над производством, следует отметить необходимость государственного управления банками и синдицированными отраслями производства. Эти отрасли, легче других поддающиеся контролю, должны быть огосударствлены в первую голову.

Но для управления производством необходим целый сложный аппарат. Совершенно немыслимо, чтобы, скажем, один центральный «Совет Советов», находящийся в Петербурге, управлял всем, не имея никаких подсобных организаций. Даже в классической стране централизованной организации, в Германии, имеется бесчисленное количество промежуточных организаций. В России же, при теперешней разрухе, еще более необходимыми становятся организации на местах. Конечно, при переходе власти в руки рабочих, последние могут использовать в своих

целях старые организации буржуазии: не только банки, синдикаты, тресты, но и те организационные связи, которые находились в руках земского и городского союза, военно-промышленных комитетов, продовольственных комитетов, всевозможных центров распределения, возникших за время войны, и т. д., — все это должно быть использовано революционной властью. Из поддерживающих войну эти учреждения могут быть сделаны учреждениями, регулирующими мирный труд, если рабочие, захватившие власть, поставят их под свой контроль, сделают их своими. Но этого все же недостаточно. Необходим ряд организаций, который бы осуществлял рабочий контроль снизу доверху.

Вот почему нам представляется целесообразной такая организация: на фабриках и заводах — заводские комитеты, следящие за делом на месте. Затем стоящие в связи с заводскими комитетами профессиональные союзы, связанные между собой (особое внимание нужно при этом обратить на организацию техников и банковых служащих). Наконец — хозяйственные комитеты при местных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, которые образуются из представителей вышеназванных организаций. Сюда же должны быть привлечены и представители городских дум с рабочим большинством, кооперативов и пр. При Центральном Совете («Совете Советов») организуется центральный хозяйственный комитет.

Таким путем (на этот путь стало совещание фабрично-заводских комитетов в Петербурге) создается необходимая организация контроля, р а б о ч е г о контроля над производством. И только таким путем может быть положен предел хозяйственной анархии.

Некоторые товарищи [1]) считают такой план планом синдикалистским, потому что здесь идет речь не о контроле в с е г о общества, а о р а б о ч е м контроле. Но эти товарищи смешивают эпоху развития социализма, когда все классы уже исчезли, с переходной эпохой д и к т а т у р ы, когда именно не все общество, а его революционные низы, рабочие и беднейшие крестьяне, осуществляют этот контроль.

[1]) Напр., т. В. Базаров в «Новой Жизни».

И только таким образом, прекратив войну и установив **рабочий** контроль над производством, можно достигнуть существенных улучшений и прекратить неслыханные бедствия народных масс.

Н. Бухарин.

[«Спартак», № 3, от 25 июня (8 июля) 1917 г.]

* * *

НАТИСК КАПИТАЛИСТОВ.

В «Деле Народа» министр земледелия В. Чернов опубликовал один документ, на который следовало бы обратить внимание всем тем, кто представляет себе современную промышленность гибнущею под гнетом «непомерных требований» со стороны рабочего класса. Мы не раз уже указывали, что на-ряду со стихийно развивающимся кризисом и развалом экономической жизни действует и совершенно определенная «злая воля» со стороны капиталистов.

Опубликованный документ, касающийся **петербургских** представителей «отечественной промышленности», как нельзя более подтверждает эту мысль. Отметим наиболее важные пункты соглашения столичных воротил «Общества фабрикантов и заводчиков»: 1) безусловное подчинение и немедленное исполнение всех постановлений общего собрания и совета; 2) обязательство не предпринимать никаких самостоятельных решений; 3) гарантии этого в размере 25 рублей по расчету на каждого рабочего предприятия; 4) исключение из общества за неподчинение.

Все эти постановления почтенного общества предприняты не спроста. Они показывают, что в настоящее время капиталисты усиленно готовятся и спешно вооружаются, чтобы перейти в **наступление** против рабочего класса. А это наступление, прежде всего, должно выразиться в форме **организованных локаутов**. Драконовские меры, которые выработало «Общество фабрикантов и заводчиков», показывают лишь, что буржуазия прекрасно понимает все значение **организован-**

ного выступления. И она готовится дать бой рабочему классу, предварительно создав крепкую с железной дисциплиной организацию заводчиков.

Не нужно думать, что только петербургские промышленники додумались до таких шагов. В целом ряде случаев, когда капиталисты заявляют рабочим о том, что они вынуждены закрыть предприятие, поражает полная тождественность подобных заявлений, совпадение не только смысла, но и формы их. Это позволяет думать, что в таких случаях уже имеется тайное соглашение руководящих капиталистических кругов, соглашение, на основе которого и действуют отдельные капиталисты.

Министр Пешехонов как-то заявил, что «сопротивление капиталистов сломлено». Это — величайшее заблуждение, которое может быть объяснено только министерским благодушием господина Пешехонова. Несомненно, ближайшее время покажет, что организованный капитал начнет планомерную атаку на рабочий класс под прикрытием того патриотического шума, который связан с нашими атаками против внешнего врага. И рабочему классу придется еще раз убедиться, что для сохранения завоеваний революции и для охраны тех позиций, которые уже заняты рабочим классом, нужна решительная политика, постоянно двигающая дело революции вперед.

«Боеспособная армия есть армия, которая наступает». Это с большим удовольствием повторяют сторонники министерского «социализма». Но они почему-то позабывают о «внутреннем враге» и всячески удерживают от наступления армию рабочих, борющуюся против капитала.

Наоборот, они проповедуют священное единение и мирное сотрудничество в министерствах с теми, кто в тиши своих деловых контор и на заседаниях предпринимательских организаций готовит нападение против рабочего класса.

Сопротивление капиталистов не сломлено. Его нужно сломить.

Н. Бухарин.

[«Социал-Демократ», № 92, от 27 июня (10 июля) 1917 г.]

* * *

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ.

(Историческая параллель.)

Когда ошалелая парижская буржуазия 1870—71 года, пуще огня боявшаяся потерять власть, перешла на сторону открытой контр-революции, то ее вождь Тьер обратился к революционному Парижу с требованием разоружения. «Вооруженный Париж являлся единственным серьезным препятствием для контрреволюционного заговора; и посему требовалось его обезоружить».

Когда ошалелая от испуга буржуазия России плетет свою контр-революционную сеть, опираясь на английский капитал, она прежде всего кричит о разоружении Петербурга, о выводе революционных войск, об обезоружении рабочей Красной гвардии.

«Артиллерия национальной гвардии,—заявлял Тьер,—есть собственность государства, а посему подлежит возврату ему».

«Пулеметы петроградских частей есть собственность государства, а посему подлежат отправке на фронт», — говорят распоряжения коалиционного министерства.

Черносотенный парижский генерал Клеман Тома, убитый впоследствии парижскими рабочими (не смешивать с благополучно здравствующим Альбертом Тома), «упразднял пролетарские батальоны, позоря их обвинением в трусости, и это те батальоны, доблести которых удивляются теперь самые ярые противники их».

Начальствующие особы современной буржуазии в России травят революционные полки, как трусов.

Тьер писал о коммунарах, что «никогда печальный взор честных людей еще не видел более бесчестных лиц, более бесчестной демократии», что революционный Париж «ни больше, ни меньше, как кучка преступников».

Российские Тьеры, большие и маленькие, на всех перекрестках кричат о «преступности», «уголовных деяниях» и «бесчестьи» последовательных сторонников социализма.

Тьер заявлял с трибуны национального собрания: «Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь».

Русский фабрикант и льнущий к нему представитель мелкого мещанства тоже полагает, что единственным заговором против республики является «заговор» революционного Петербурга, так называемый «заговор большевиков».

Маркс писал о подлом поведении буржуазии: «Эта позорная цивилизация, основанная на рабстве труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое лучшее общество, воем травли и клеветы, которая отдается эхом во всех концах света».

Разве у нас нет этого «воя травли и клеветы»?

И единственным ответом должен быть ответ, который советовался Марксом.

«Вполне сознавая свое историческое призвание, — писал Маркс, — полный геройской решимости стоять на высоте этого призвания, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев».

Н. Б.

[«Социал-Демократ, № 94, от 29 июня (12 июля) 1917 г.]

* * *

И Ю Л Ь

ЕЩЕ РАЗ О ТОВ. ЛЕНИНЕ.

Против тов. Ленина поднялась новая волна клеветы, и на этот раз неслыханно-грязная.

Застрельщиком выступил небезызвестный Г. А. Алексинский, сотрудник протопоповской «Русской Воли». Этот господин, который с самого начала войны стремился занять место добровольного агента «по сыскной части», был в свое время заклеймен даже обществом парижских буржуазных журналистов за свое гнусное поведение по отношению к некоему г. Дмитриеву, которого он тоже обвинял в немецком шпионаже. Во Франции он изо дня в день травил газету «Наше Слово» (орган Мартова, Троцкого и др.), постоянно намекая на «немецкие деньги».

В деле высылки тов. Троцкого из Франции он сыграл не последнюю роль, и его имя упоминалось не раз на-ряду с именами сыщиков «свободной республики».

В свое время Исп. Комитет не допустил этого человека к себе и отказался от его услуг.

И вот этот человек теперь осмеливается обвинять тов. Ленина. Тов. Ленин известен всем революционерам всех оттенков, известен уже много лет. Никто никогда не осмеливался говорить о политической нечестности тов. Ленина. Даже если бы оказалось, что к партийным руководящим кругам примазался какой-нибудь грязный субъект, вроде Малиновского, то и тогда лишь отъявленный негодяй мог бы бросить ком грязи непосредственно в товарища Ленина.

Грязь и клевета, которая поднимается вокруг этого честного революционного имени, может сравниться лишь с той клеветой, которая ползла в Германии вокруг имени героя современной войны — товарища Карла Либкнехта. Ведь вся буржуазия выла,

что он — подкупленный агент Англии и России. А он шел своей дорогой.

Это не легко. Это мучительно. Итти своим путем сквозь строй брани, клеветы, всей низости, на которую способна буржуазия, может только человек, который готов пожертвовать всем ради правого дела.

Таким человеком является тов. Ленин. И не Алексинскому опорочить его.

Н. Б.

[«Социал-Демократ», № 100, от 6 (19) июля 1917 года.]

★ ★ ★

ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ПОБЕДА?

Коалиционное правительство распалось — предстоит образование новой власти. Русская революция входит в новый период своего развития.

Временное правительство решило опубликовать декрет о введении демократической республики. Но для того, чтобы это решение было принято, нужен был выход монархиста князя Львова из правительства.

Временное правительство решило опубликовать акт, согласно которому упраздняются все сословные привилегии. Но это стало возможным лишь тогда, когда князь Львов упразднился в качестве министра-председателя.

Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов потребовал (см. «Русск. Ведомости», № 154), чтобы правительство немедленно опубликовало новую программу своей деятельности, в которую должно быть внесено незамедлительное издание закона об упразднении государственной думы и о проведении всех земельных законопроектов, разработанных министром Черновым, при чем эти меры должны быть осуществлены до Учредительного Собрания. Мы спрашиваем: почему эту новую программу советское большинство, состоящее из меньшевиков и соц.-революционеров, не предъявило раньше? Почему оно терпело двусмысленное сохранение в России монархии, не отмененной

временным правительством? Почему оно выступало против законодательного упразднения государственной думы и отвергло месяц тому назад на Всероссийском Съезде Советов Раб. и Солд. Депутатов резолюцию большевиков, требовавшую от временного правительства упразднения старой царской думы?

Почему оно советовало крестьянам ждать Учредительного Собрания и не добилось немедленного издания декрета о переходе земли к крестьянам?

Ответ может быть только один: партии соц.-рев. и меньшевиков хотели во что бы то ни стало сохранить соглашения с партиями помещиков и капиталистов и ради этого жертвовали интересами революции, жертвовали интересами крестьян и рабочих.

Новая программа советского большинства является старой программой революционной соц.-демократии. С первых дней революции наша партия выступала за эти требования, разъясняла массам, что осуществление их возможно только путем разрыва с буржуазно-помещичьими контр-революционными партиями, только через посредство рабочего и крестьянского правительства.

Будет ли создано такое правительство? Законодательное упразднение государственной думы означает, что единственными организованными силами в стране остаются Советы Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. От них будет зависеть целиком создание новой власти.

Союз между старой думой и Советами расторгнут; коалиционное правительство распалось; общая «демократическая платформа», на которой должны были объединиться помещики и крестьяне, рабочие и капиталисты, монархисты и республиканцы,—рассыпалась.

Этот неизбежный исход был предсказан большевиками. Теперь лозунги большевизма становятся лозунгами революции— их принимают те самые министры советского большинства, которые вчера от них отбрыкивались. И, принимая новую программу, — подписывают ордеры об аресте большевиков! Беря власть в руки Советов, — расправляются с петроградскими солдатами и рабочими, выступившими за полновластие этих самых Советов!

Чье же поражение, чья победа?

Политика соглашения с кадетами и монархистами потерпела поражение. Революционных социал-демократов тащат в тюрьму, а их политика в то же время тащит за собой мелкобуржуазных демократов. Нерешительно, неполно, нехотя они должны итти вслед за революцией; но их уступки буржуазии, их колебания — революция оплачивает дорогой ценой.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 103, от 9 (22) июля 1917 г.]

* * *

«СОТРУДНИЧЕСТВО ВСЕХ КЛАССОВ».

Что-то странное и непонятное происходит в нашей политической жизни. Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов высказался за немедленный роспуск государственной думы, являющейся в настоящее время главным гнездом, в котором прочно засели и укрепились контр-революционные элементы в лице буржуазии и помещиков. Но министры-социалисты, составляющие большинство временного правительства, ответственные перед Советом Раб. и Солд. Депутатов и обязанные исполнять его волю, упорно отказываются приводить это постановление в исполнение.

А теперь газеты сообщают, что 18 июля в Москве созывается какое-то «чрезвычайное народное совещание». На нем будет присутствовать «почти целиком вся государственная дума, представители крупных центров России, городских и земских учреждений, представители исполнительных комитетов торгово-промышленных организаций и других крупных общественных групп».

Вся дума, за исключением небольшой крайней левой (соц.-демократы и трудовики) ярко и неоднократно демонстрировала свои монархические чувства. Во время революции та же дума неоднократно показывала свое контр-революционное лицо. И теперь эти контр-революционеры — кадеты, националисты и правые — созываются для спасения революции! А к ним добавляются

представители «торгово-промышленных организаций», т.-е. представители той буржуазии, которая чувствует теперь, что ее своекорыстные интересы больно задеты революцией, представители буржуазии, которая своим саботажем промышленности все время сует палки в колеса революции и готова на все, чтобы задушить эту революцию! К ним добавляются еще представители переформированных земских учреждений, т.-е. крупные помещики — этот оплот самой черной монархической реакции! И это называется «спасением революции»!

Интересно, как Церетели мотивирует необходимость созыва этого совещания. По его словам, правительство зовет себе на помощь «всех тех, кто понимает, что теперь не время для проведения узкой и эгоистической партийной платформы». «Только при этом условии возможно сотрудничество всех классов».

Каждый класс борется за свои права и для этой борьбы организуется в политическую партию. Задачей партии является защита интересов класса. Это естественно и неизбежно. А Церетели теперь не находит для характеристики партии других выражений, как «узкая и эгоистическая партийная платформа». Не значит ли это, что пролетариат и крестьянство должны отказаться от защиты своих интересов и требований? Это, повидимому, и имеется в виду, ибо Церетели говорит о «сотрудничестве всех классов». Возможно ли «сотрудничество» помещиков, желающих сохранить свою землю, и крестьян, желающих ее взять?

До сих пор мы, марксисты, думали, что борьба классовых интересов является движущим фактором революции, что примирения «всех классов» во время революции требуют те, кто хочет остановить революцию. Оказывается, что Церетели и все те, кто ему «бурно» аплодировал, с этим не согласны.

Характерно также, что «совещание» состоится в Москве. Что это? Боязнь революционного петербургского пролетариата или исполнение желания буржуазии, уже давно требующей перенесения правительственного центра из бурного Петербурга в спокойную Москву?

Это напоминает перенесение заседаний французского Учредительного Собрания в 1871 г. усмирителями Коммуны из революционного Парижа в мирный Версаль.

О «сотрудничестве всех классов» не только говорят. Эту политику начинают проводить на деле путем ряда уступок контрреволюционной буржуазии.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 108, от 15 (28) июля 1917 г.]

* * *

КРИЗИС ВЛАСТИ.

(Речь т. Бухарина на чрезвычайном заседании городской думы 23 июля.)

Нынешний кризис власти,— говорит наш товарищ, —не есть случайное, обособленное явление. Это бесконечный кризис, и причина его в неоднородности состава правительства.

И в первом правительстве и во втором—беспрестанная борьба между буржуазией и демократией. Но при первом правительстве борьба велась извне, а после вхождения эсеров и меньшевиков борьба стала вестись и вне правительства и внутри его.

Еще один выход из этого положения. Это — однородность правительства, его монолитность.

Какая же это должна быть однородность: буржуазная или революционно-демократическая?

Можно ли допустить, чтобы в правительстве решающую роль играли кадеты? Ведь кадеты в области политической делают то же, что буржуазия вообще в области экономической. Ибо кадеты — идеологи империализма последней англо-американской формации.

Буржуазия, промышленники сами сейчас дезорганизуют промышленность, они боятся, что власть перейдет в руки класса, им враждебного, и поэтому они вредят, как могут, чтобы потом, когда разруха дойдет до крайних пределов, выступить спасителями России.

И в этот момент эсеры и меньшевики — эти господа положения — больше всего совершили ошибок. Благодаря этому подняла голову контр-революция, и вследствие натиска на левое крыло демократии, на большевиков, она идет с неуклонной быстротой.

Государственная дума, которая, по уверению правящих партий, умерла, оказалась живой, разлагающейся, издающей зловонный запах. Она впоследствии показала свои волчьи зубы.

Мы неуклонно двигаемся к военно-монархической диктатуре. Мы переживаем то же самое, что уже пережили Англия, Франция и Америка.

Товарищ Бухарин обращается к социалистам-революционерам со словами: Смотрите, чтобы ваш лозунг «земля и воля» не превратился бы в лозунг «земля и пуля» для солдат на фронте и для рабочих в тылу.

Вы тогда пожалеете о многом. Вы будете рвать волосы, когда будет снята голова.

Иного выхода нет для спасения революционных завоеваний, как единая, сильная, революционная власть Советов.

[«Социал-Демократ», № 118, от 27 июля (9 августа) 1917 года.]

* * *

А В Г У С Т

МАНИФЕСТ

РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМОКР. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (в.)[1]

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ, КО ВСЕМ РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ И КРЕСТЬЯНАМ РОССИИ.

Товарищи!

Пять месяцев прошло с того времени, как революционный пролетариат и войска свергли господство кнута и палки и посадили под замок Николая Романова. Рабочий сбросил с себя цепи, в которые заковал его полицейский порядок. Солдат стал свободным гражданином. Среди мирового варварства и озверения мощно прозвучал голос российской революции: «Мир и братство народов».

Впереди революционных борцов шел пролетариат. С самого начала российский пролетариат понимал, что для успеха русской революции, для дела мира, для дела свободы необходима взаимная поддержка рабочих всех стран, необходимо международное восстание порабощенных, истекающих кровью пролетариев Европы. Его боевым кличем стал клич: «Да здравствует международная революция».

Международный капитал ответил на этот клич заговором против русской революции. Русская революция означала для него прорыв империалистического фронта. Русская революция грозила зажечь пожар мирового восстания, расшатать и разбить господство капитала, повергнуть в прах «золотого тельца». Для международных биржевых волков и заправил банков во весь рост встала задача: задушить русскую революцию

---

[1]) Выработан по поручению съезда Ц. К-том от имени съезда; написан тов. Бухариным.

во что бы то ни стало, разрушить ее силы, обезглавить международный пролетариат, перебить его партию.

Российские захватчики вошли с ними в тесный союз, связались тайными нитями. С самых первых дней революции российская финансовая буржуазия и ее партия — так называемая партия народной свободы — заключила договор с хищниками западно-европейского империализма. Русская буржуазия ничего не имела против свержения самодержавия царя, господство которого делало невозможным даже ведение войны (этому мешало воровство и распутство царских министров). Но дальнейший ход революции грозил ей неисчислимыми «ужасами»: революция должна была передать землю крестьянам, обуздать капитал, вооружить рабочих, положить конец захватнической политике. На грязных тайных договорах кровавого царя клялись «союзные» банкиры в верности общему делу захватов и удушения русской революции. Вступление в войну Америки еще более окрылило союзных империалистов. Они отлично знали цену этой «великой демократии», которая казнит электричеством своих социалистов, с оружием в руках душит маленькие народы и устами своих беспримерных по наглому цинизму дипломатов толкует о вечном мире. Американские миллиардеры, наполнившие свои погреба золотом, перечеканенным из крови умирающих на полях опустошенной Европы, присоединили свое оружие, свои финансы, свою контрразведку и своих дипломатов для того, чтобы разгромить своих немецких коллег по международному грабежу, но и затянуть потуже удавную петлю на шее русской революции.

Российская буржуазия оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Йорка. Так организовался капиталистический блок против революции.

Мелкая буржуазия России, верхи крестьянства, часть обманутых капиталом рабочих и бедняков деревни не видели и не хотели видеть всей опасности капиталистического заговора. Их партии, меньшевики и эсеры, имеющие большинство в Советах, пошли за крупной буржуазией. Они стали на точку зрения обороны, не понимая, что буржуазия всех стран обманывает

рабочих этим словом и говорит об обороне, думая о захватах. Они не решились взять всю власть в свои руки и передоверили ее буржуазии. Они радушно встречали «социал-патриотических» агентов западно-европейского капитала, этих обманщиков и отравителей народа. С каждым днем они все более запутывались в сетях, которые расставлял международный капитал.

Только революционный пролетариат и его партия, поддержанные беднейшими крестьянами и солдатами, били тревогу. Партия пролетарского социализма, партия международной революции неуклонно и последовательно срывала лживую маску миролюбцев с хищников империализма. Она разоблачала все козни буржуазии, она критиковала трусость, нерешительность и беспомощность меньшевистско-эсеровской тактики. Она со всей настойчивостью требовала перехода власти в руки демократии, разрыва с капиталистами всех стран, опубликования всех тайных договоров, скрываемых от народа. Она требовала немедленного перехода земли к крестьянам, рабочего контроля над производством, всеобщего мира, заключенного самими народами. «Хлеба, мира, свободы!» — было написано на ее красном знамени.

В стране, извивавшейся в тисках трехлетней войны, как лавина, нарастал небывалый экономический и финансовый кризис. Жестокий молот войны дробил и стирал в порошок уцелевшие остатки накопленного народного труда. Страна с каждым днем становилась все более похожей на паралитика. Разрушение производительных сил, варварское расхищение их приводило к краху. Война, точно огромный вампир, высасывала все соки, отнимала все силы. Нет топлива, нет сырья, нет хлеба. Призрак голода стал гулять по городам, по квартирам бедноты. Бездонная пропасть гибели разверзлась перед страной.

Капитал сознательно толкает народ в эту пропасть.

Крупная буржуазия обостряла кризис, усиливала анархию, закрывая предприятия, дезорганизуя производство. Вопия о патриотизме и родине, шельмуя революционных рабочих, объединенные синдикатчики по плану, выработанному на своих тайных совещаниях, упорно и систематически тормозили ход производства, чтобы, создав хаос и сумятицу, свалив вину на рабочих, захватить цепкими лапами всю власть в свои руки. На развалинах народного хозяйства, сведенного судорогой войны, на костях

бесчисленного количества мелких разорившихся хозяев, гиены крупного капитала, алчно хватающего баснословные прибыли на поставках, спекулирующего на голоде нищающих масс, вели свою наглую политику натиска на рабочий класс. В низах назревало глухое недовольство и возмущение капиталом и его министрами. Все слышнее становился ропот миллионных армий труда.

Им ответили политикой наступления. Объединенный капитал союзников стянул свои силы для штурма русской революции. Английские и американские капиталисты, которые в качестве кредиторов стали хозяевами русской жизни, объединившись со своими верными русскими прислужниками, решили погнать в бой заведомо неподготовленную армию. Им не важен был исход сражения. Им важен был срыв перемирия, возобновление военных операций, усиление власти командиров. Им нужно было снова впрячь измученную армию в колесницу войны. Грохотом пушек им нужно было заглушить громовые раскаты классовой борьбы и революции.

Эсеры и меньшевики одобрили политику наступления и тем выдали с головой и себя и революцию. Постоянным соглашательством с империалистами, отсутствием всякого намека на решительность они отдали себя в плен заядлым хищникам. Своими собственными руками они вручили власть контр-революционной военной клике. И ликующие тузы банка и биржи нагло бросают теперь вызов демократии, открыто заявляя о своем желании вести войну «до конца», т.-е. без конца, до тех пор, пока не лопнут от напора золота погреба американских Морганов пока кровавая роса не промочит насквозь полей истерзанной земли.

Буржуазия временно добилась своего. Где гордые призывы к братству всех народов? Где развевающиеся знамена мировой революции? Эти призывы эсеры и меньшевики сменили призывами к продолжению бойни. Эти знамена оплевали и очернили слуги буржуазии, они отдали их на поругание героев наступления, они смешали их с грязью.

Рост возмущения и негодования был откликом на эту политику со стороны пролетариата и передовых солдат. И бурный, стихийный взрыв этого негодования вывел на улицу рабочих

и солдат, когда кадетские министры, получившие секретное донесение о крахе наступления, поспешили уйти и возложить всю ответственность на своих «социалистических» услужающих. Дни 3—4 июля поставили перед вождями мещанского «социализма», перед советским большинством, громадный исторический вопрос: с кем они—с пролетариатом против контр-революции или с контр-революцией против пролетариата? В эти дни нужно было решать. Здесь нужно было выбирать ясно и определенно. И они выбрали, эти министерские социалисты: против рабочих и солдат, выставивших на своем знамени лозунг: «Вся власть Советам!», вожди Советов вызвали усмирительные войска. Запутавшись в соглашательстве с контр-революцией, они поддержали эту контр-революцию и направили ружейные дула против рабочих батальонов, против цвета революционных сил, против партии пролетариата. Только эта партия, наша партия, осталась стоять на посту. Только она в этот смертный час свободы не покинула рабочих кварталов. Только она стремилась придать наступлению мирный и организованный характер, идя вместе с массами. Это был ее революционный долг. Этого требовала ее революционная честь.

Меньшевики и эсеры, исполняя волю буржуазии, разоружили революцию и тем самым вооружили контр-революцию. Им буржуазия предоставила заняться грязным делом усмирения и разгрома. С их молчаливого согласия были спущены с цепи остервенелые псы гнусной буржуазной клеветы против славных вождей нашей партии. Это они вели позорный и постыдный торг головами пролетарских вождей, выдавая их одного за другим рассвирепевшим буржуа. Это они отдали сердце революции, которое стучало на весь мир, столицу России, на растерзание юнкерам и казакам. С их содействием была разгромлена «Правда», и начался неистовый поход против левого фланга революции.

Июльские дни открыли новую страницу истории. Впервые решительную победу одержала временно контр-революция, и власть перешла к буржуазии и военному штабу. До тех пор было двоевластие. До тех пор громадная сила была в руках Советов. За ними стояли вооруженные массы солдат и рабочих, свободный народ. Теперь Советы обессилили себя. Разоружив рабочих, расформировав полки революции, нагнав в центр каза-

ков, они связали себя по рукам и ногам, они превратились в привесок буржуазного правительства. «Социалистическим» министрам заткнули рот. Их посадили на цепи их буржуазные коллеги. Ими пользуются, когда нужно усмирять, на них плюют, когда они пробуют протестовать.

Передав власть в руки контр-революции и предав революцию, вожди мещанства, эсеры и меньшевики, стали подписывать почти все контр-революционные мероприятия правительства. Красный флаг свободы спущен. На его месте взвился черный флаг смертной казни. Расстрелы солдат и рабочих, цензура, судебная клевета, контр-разведка, аресты, восстановление ненавистных царских статей против политических преступлений, грязная охранная клевета, все прелести старого режима пущены в ход новым правительством «спасения революции», — правительством, арестующим революционеров и выпускающим царских министров и провокаторов, откладывающим созыв учредительного собрания и собирающим сегодня вместо него контр-революционное «московское совещание «из тузов» промышленности и торговли». Укрепив свою позицию внутри страны, контр-революция перешла к старым приемам в остальном. Против украинцев ведется решительная атака не только декретами, но и кирасирами. Распускают финляндский сейм и грозят вооруженной силой тому самому праву на самоопределение, которое так торжественно возвещалось в официальных декларациях. Ведется через правительственных посланников темная интрига против встречи даже умереннейших «социалистов» в Стокгольме.

Формула «мир без аннексий» сдана в архив, и вместо нее появилась милюковско-гучковская «война до полной победы». Керенский провозглашает лозунг «изничтожить большевиков» и посылает «от имени русского народа» телеграмму ближайшему родственнику Вильгельма Гогенцоллерна и Николая Романова, английскому королю Георгу. Лозунг революции «мир хижинам, война дворцам» заменяется лозунгом «мир дворцам, война хижинам».

Но рано торжествует контр-революция свою победу. Пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не отереть слезы матерей и жен. Арканом и петлей не высушить море страданий. Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности.

Работают подземные силы истории. В самых глубинах народных масс назревает глухое недовольство. Крестьянам нужна земля, рабочим нужен хлеб, и тем и другим нужен мир. По всему земному шару залетали уже буревестники. В Англии рабочие начинают уже открытую борьбу за обуздание капитала, во Франции солдаты агитируют за мир и революцию, в Германии — непрерывное брожение и стачки, в Америке буржуазия переходит к расстрелу социалистов, поднимающих знамя борьбы с войной. Испания охвачена пламенем революционной схватки классов. Уже съезжаются финансисты всех стран на тайные съезды, чтобы обсудить общий вопрос о надвигающейся грозе. Ибо они уже слышат железную поступь рабочей революции. Ибо они уже видят неотвратимое.

В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держала их в своих руках. Она не склонила их перед насильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она впредь будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов. Ибо она знает, что грядет новое движение, и настает смертный час старого мира.

Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!

Да здравствует революционный пролетариат!

Да здравствует союз рабочих и деревенской бедноты!

Долой контр-революцию и ее «московское совещание»!

Да здравствует мировая рабочая революция!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия (большевиков)!

Шестой съезд Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии (большевиков).

12 августа 1917 года.
Петроград.

[Из «Протоколов VI създа РСДРП (б)».]

* * *

ИЕЗУИТСКИЙ ШТАБ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Гражданская война, которую объявил «верховный главнокомандующий» Корнилов, подготовлялась уже давно. Душители революции, казенные клеветники, палачи солдат и казацкие держиморды выступили, наконец, открыто. Во время московского совещания мы писали о заговоре: «отложен, но не отменен». Теперь сроки исполнились. Первый выстрел уже раздался.

Но посмотрите на буржуазную печать! Одна часть ее делает большие глаза и притворяется удивленной «внезапно разыгравшимися событиями», «авантюрой ген. Корнилова» и пр. Другая — излагает лишь ход событий, очевидно, выжидая, какой оборот эти события примут в дальнейшем.

Напрасно строят недоуменные физиономии эти господа, еще вчера писавшие о «народном герое». Им уже никто не поверит. Но их нужно разоблачить до конца, нужно сорвать с этих волков их овечью, «национальную», «надпартийную», «патриотическую» шкуру.

Заговор и монархический мятеж делается военной шайкой во главе с Корниловым, он делается царскими генералами, ставкой. Прямо и непосредственно его провозглашали подзаборные органы этой шайки, Суворины - дети всех мастей и всех оттенков. Но кроме этой презренной контр-революционной черни энергично работал и направляющий мозг контр-революции, ее душа, ее руководящая политическая организация. *Этим центральным аппаратом являлась и является кадетская партия.*

Для поверхностного наблюдателя это может быть и не совсем ясно. Но если проследить основные линии политики Милюковых, то тайное неминуемо станет явным. Замаскированный характер их деятельности, их *провокаторская* работа по отношению к русской революции выплывает наружу. Рано или поздно разоблачаются все провокаторы.

Когда Милюков, еще в начале революции, подписывался под фразами о мире без аннексий и в то же время закулисно извещал союзников о захватных стремлениях и прилагал все усилия к получению Дарданелл, он действовал как обманщик народа, торгующий его кровью.

Когда кадеты настояли на наступлении, зная наперед о его провале, когда они привлекли к этому делу мелкобуржуазных социалистов, и когда они тотчас же ушли, как только до их ушей долетели секретные сведения о начавшемся крахе наступления, они действовали как типичные провокаторы.

Когда эти так называемые сторонники «народной свободы» направляли руками Корниловых смертельный удар русской революции и в то же время трезвонили во все колокола о готовящемся заговоре большевиков, они действовали как политические иезуиты первого ранга.

В этом сущность их политики. И в этом самая крупная опасность. Все до единой основные мысли контр-революционной программы даются из штаб-квартиры господ Милюковых. Кто был застрельщиком похода против большевиков и «циммервальдизма»?—Кадеты. Кто, неуклонно и последовательно саботируя все мало-мальски демократические начинания, проповедывал так называемую надклассовую твердую власть Корниловых?—Кадеты. Кто задавал тон травле солдат, гнуснейшей отвратительнейшей клевете против крестьян и рабочих? Кто вел кампанию против армейских организаций, организаций рабочих и крестьян? Кто разливал повсюду предательскую отраву в обывателях, науськивая их против революции?—Кадеты.

Эти породистые империалисты и контр-революционеры чистой крови играли все время роль безответственных организаторов контр-революции. Ответственную роль и сопряженный с нею риск они предоставляли Корниловым. Наша обязанность раскрывать их игру и притянуть их к ответу.

Когда генерал Корнилов приехал в Москву на совещание, он принял «на аудиенции» на-ряду с парой банкиров, Рябушинским и г. Милюкова. О чем шла речь на этом тайном совещании с заговорщиками? Это ясно без дальнейшего.

Когда партия народной свободы заключила официальный блок с реакционной частью казачества во главе с Калединым, при чем казаки выставили ультимативное требование о несменяемости Корнилова, что означал этот блок? Мы полагаем, что и это нетрудно сообразить.

Когда организуется «малое совещание» контр-революционеров в Москве, и ими выдвигается постоянный центр, куда вместо

с болванным героем Родзянко входит и Милюков с компанией, объединяясь на корниловско-калединской программе и грозя «костлявой рукой голода», то для всякого должно быть понятно значение этого центра.

Последнее воззвание-резолюция совещания, выпущенная накануне ультиматума Корнилова, не оставляет никаких сомнений. Оно составлено уже в предвкушении железной власти заговорщика и палача.

Карты раскрыты. Поистине жалкими кажутся клеветнические выпады против большевиков, выпады, которые даже в последних экстренных газетных номерах расточаются присяжными служителями капитала.

Пролетариат имеет право, он обязан требовать, чтобы предполагавшееся вторичное совещание этих предателей состоялось не в «московском университете», а за стенами Бутырской или Таганской тюрьмы.

К. Твердовский.

[«Социал-Демократ», № 145, от 29 августа (11 сентября) 1917 г.]

* * *

ПЛАНЫ ГЕНЕРАЛОВ.

Резолюция «общественных деятелей», возглавляемых казнокрадом и председателем государственной думы Родзянко, говорит:

«Под влиянием упорной преступной агитации предателей и безнаказанных действий немецких шпионов надломился бодрый дух наших полков».

Под изменниками и шпионами разумеются, конечно, большевики. Сопоставим с этим следующее заявление бюро военного отдела ЦИК:

«Начальник штаба верховного главнокомандующего, ген. Лукомский, также оказался изменником и предателем. Ген. Лукомский также отказался исполнять приказ временного правительства о принятии командования армиями ввиду смещения ген. Корнилова, указывая временному правительству на возможность гражданской войны на фронте, открытия немцам фронта, заключения сепаратного мира»,

Сообщение заявляет:

«Заговор не имеет глубоких корней в командном составе армий».

А вот сведения, полученные «Русск. Ведом.» «в последний час»:

«По слухам, положение осложнилось тем, что ни один из генералов не соглашается принять на себя обязанность верховного главнокомандующего».

Картина ясна. Все главные генералы, эти помещики-дворяне в штанах с лампасами, — в заговоре с Корниловым. Они угрожают прямо и без обиняков открытием фронта, гражданской войной и соглашением не между рабочими воюющих стран (за что они нас честили изменниками), а соглашением с Вильгельмом для задушения русской и немецкой революции. Вчера еще их гнусные покровители — Родзянки, Милюковы и К° — обливали помоями солдат. Сколько грязи было вылито на рабочих, заикавшихся о своих требованиях по отношению к хозяевам! Сколько жалких слов было наговорено, что «перед лицом внешнего врага» нужно объединиться с капиталистами! Сколько солдат было уже отправлено фронтовыми палачами на тот свет потому, что они осмеливались сказать слово против генералов-предателей!

Намечается грандиознейший заговор капитала и его слуг против революции. Быть может, международный заговор. Теперь уже не секрет, что заодно с Калединым и Родзянкой действовали и некоторые представители «союзных» держав. Английская, французская и американская буржуазия так же травила гибнущих солдат и так же восхваляла разбойника Корнилова, как и Милюковы.

Но кто решится заранее опровергать, что и немецкие капиталисты на съезде международных финансистов не вошли в сделку со своими коллегами-противниками, для взаимного страхования против социализма, который грозит всем шакалам и гиенам, всем Каннибалам капитала?

И снова, в сотый и тысячный раз не устанет партия социальной революции повторять: спасение — в международной революции против капитала.

К. Т.

[«Социал-Демократ», № 145, от 29 августа (11 сентября) 1917 г.]

* * *

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОМЫШЛЕННИКОВ, МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ.

По мере того, как крепла контр-революция, и милостию мелкобуржуазных партий созданная власть империалистской клики поставила эти партии в полную зависимость от себя, у дельцов финансового капитала снова появилась «жажда счастья» и «уверенность в победе». Пройденный уже этап развития русской революции характеризовался натиском со стороны революционных масс, во главе которых шел пролетариат. И наша буржуазия, отступая на не заготовленные заранее позиции, в страхе, что организованное производство может вместе с политической властью достаться могильщику капитализма — рабочему классу, поступала точно так же, как поступает обращенная в бегство армия, уничтожающая все, что может достаться врагу; она саботировала производство, портила технико-экономический остов так называемого народного хозяйства.

С момента предательства мелкобуржуазных партий в июльские дни и захвата власти кликой Милюкова — Керенского — Корнилова финансовый капитал почувствовал вновь почву под ногами. Он снова лелеет уже мечту об организованном производстве для войны и для барышей, но уже при полном исключении всякого контроля со стороны рабочего класса, при полном *порабощении пролетариата.*

Для натиска на рабочий класс мобилизуются все наличные силы финансового капитала. В июле состоялся съезд тринадцати важнейших организаций наших «капитанов промышленности». Присутствовали уполномоченные совета съездов представителей промышленности и торговли, совета съездов акционерных банков, совета съездов представителей металло-обрабатывающей промышленности, совета съездов горнопромышленников юга России, совета съездов бакинских нефтепромышленников, совета съездов горнопромышленников Урала, российского общества сахарозаводчиков, совета съездов лесной промышленности, союза писчебумажных фабрик, всероссийского общества кожевенных заводчиков, союза представителей металлургической и железнодорожной промышленности, совета представителей частных

железных дорог и, наконец, петроградского общества фабрикантов и заводчиков [1]).

Словом, собрался весь синклит тузов русской промышленности. Для полного списка недоставало лишь уполномоченных совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства да всероссийского союза торговли и промышленности в Москве.

Собравшиеся признали неудовлетворительными наличные предпринимательские организации. Необходима бо́льшая централизация, бо́льшая «спайка». Необходима более дружная работа для координирования действий против рабочего класса и для каторжной организации промышленности при обеспечении всевластия капитала. И господа промышленники выделяют из среды своих тринадцати организаций общерусский орган, «Главный комитет объединенной промышленности» или «комитет защиты промышленности».

Этот комитет ставит своею целью: 1) содействие образованию предпринимательских союзов; 2) объединение, согласование и направление действий предпринимательских организаций по вопросам, касающимся нормировки рабочего дня рабочих и служащих, вмешательства рабочих и служащих в управление предприятием, взаимоотношений между предпринимателями и рабочими союзами и т. д.; 3) принятие мер «к развитию промышленности и упрочению ее положения»; 4) «ходатайства» об издании новых и изменении старых законов в целях этого развития и упрочения.

Перед нами, таким образом, целая программа воздействий на правительство и натиска на рабочий класс при помощи организованного давления объединенного капитала, во главе с банками, т.-е. финансового капитала России [2]). Это уже не прежние разрозненные попытки, здесь выступает общероссийская организация, центр, дирижирующий всей промышленной жизнью страны, капитал, мобилизованный для боя с рабочим классом в государственном масштабе.

---

[1]) «Торг.-Пром. Газета», № 163, 30/VII—17 г., ст. «Промышленники на пути к объединению».

[2]) «Тот факт, что в особый комитет входит и совет съездов частных коммерческих банков, указывает на возможность известного финансового контроля и воздействия»,— так пишет «Торг.-Пром. Газета».

Надежда на окончательное сокрушение пролетариата, вливающая живительные силы в души российских хищников, заставляет их думать о такой организации производства, которая обеспечивала бы их от вмешательства рабочего класса и до известной степени гарантировала бы от краха при изменении «органического состава» государственной власти, оставляя все блага и преимущества организации для самого верхнего слоя финансовых монополистов.

«Промышленность должна явиться... одним из главных объектов правительственного попечения и регулирования. Если власть сумеет стать беспартийной (т.-е. всецело подчиниться господам промышленникам. *Н. Б.*), то нам не представляется страшным даже далеко идущее вмешательство ее в промышленную жизнь с целью приспособления ее деятельности к боевым задачам. Доведение войны до успешного конца представляется нам достижением величайшей важности (еще бы! *Н. Б.*), ради которого стоит пожертвовать временными выгодами и частными интересами».

Так пишет официальный орган объединенных синдикатчиков «Промышленность и Торговля» [1]).

Когда из министерства уходил г. Коновалов, он тоже заявлял, что «в принципе» он стоит за государственное регулирование, что весь вопрос в том, какова будет ф о р м а этого регулирования. Другими словами, дальновидный представитель капитала понимал, что вполне приемлемо регулирование со стороны власти, находящейся в руках капитала, которая будет контролировать деятельность этого капитала; но он понимал также хорошо, что для буржуазии неприемлем р а б о ч и й контроль или контроль власти, которая не сегодня — завтра может перейти в руки пролетариата и революционных «низов».

Т о г д а была власть, зависимая все же от Советов. Т е п е р ь она «освободилась» от этой зависимости и готова сделаться «беспартийной», т.-е. окончательно перейти на службу к «главному комитету объединенной промышленности». Немудрено, что «вмешательство» т а к о й в л а с т и «не страшно» для промышленников.

Но все же нужно застраховать себя от возможности появления несколько иной власти. Поэтому господа «организаторы»

[1]) «Промышленность и Торговля», № 26—27, ст. «Три года войны», стр. 34.

переносят центр тяжести в частно-хозяйственные организации и в предприятия «смешанного» типа при высоком удельном весе частного участия, т.-е. участия синдикатов и трестов. Отсюда тот же почтенный орган делает вывод, что:

«Необходимо поставить на очередь вопрос о допущении так называемых предпринимательских соглашений или объединений, т.-е. о допущении образования промышленных синдикатов или трестов»[1]).

При этом оказывается, что для спасения государства необходимо обеспечение «известного количества казенных заказов», правда, по несколько пониженной цене. Кроме такого «вмешательства» —

«Не должно быть допущено какого-либо ограничения прибылей от деятельности синдикатов и трестов, и в податном отношении они должны быть поставлены в одинаковые условия с прочими предприятиями» (стр. 49).

А положительное содействие выражается еще «в надлежащем направлении таможенной политики», т.-е. в еще более бесстыдном взвинчивании пошлин во славу объединенных промышленников!

Но все же главной предпосылкой, conditio sine qua non, непременным условием всего дальнейшего, является обуздание рабочего класса, или, как выражается передовик «Промышленности и Торговли», «восстановление порядка на фабриках и заводах» и «железная дисциплина в тылу и на фронте». Устранив ненормальное положение промышленности, при котором... все доходы предприятия поступают в казну» («для рядового предпринимателя», — пишет журнал, — получение прибыли является слишком важным стимулом его деятельности»), дав рабочим понять, что «возродилась власть», устранив «возможность грубого воздействия рабочих на предпринимателей» (!), можно будет приняться и за другое. «Урегулирование заработной платы», т.-е. свирепейший нажим на рабочих, сведение их заработка к тюремному пайку выставляется первой задачей. А далее при условии «твердой власти» проводится и «принуди-

---

[1]) Ibidem — «Принудительные тресты или свобода предпринимательских соглашений?».

тельный труд», т.-е. крепостное право для рабочих, устраиваемое «общеимперским декретом».

Вышеизображенную программу промышленников дополняет кое-какими яркими штрихами и печальник о землевладельцах, профессор Мигулин, тот самый, который в своей книжонке «К трехсотлетию дома Романовых» поочередно лизал сапоги всех представителей этого, с позволения сказать, «дома». Приведя в пример генерала Корнилова (многознаменательный пример!), проф. Мигулин украшает столбцы «Нового Экономиста» [1]) требованием неприкосновенности частной собственности (она, мол, «основное право человека и гражданина»); добрый Мигулин допускает «дополнительные наделы», наделение землею «героев войны» (не из союза ли георгиевских кавалеров, страдающих малоземельем?); вообще же крестьянам рекомендуется ехать в Азию. «На железных дорогах должна быть введена военная дисциплина». К о с в е н н ы е налоги «должны быть резко усилены», к тому же должны быть введены ф и с к а л ь н ы е монополии на предметы массового потребления.

Итак, идеологи нашей буржуазии развивают довольно обычную военно-империалистскую программу финансового капитала: государственно - капиталистическая организация производства, при громадном перевесе значения синдикатов; обеспечение барышей и казенных заказов; обложение масс косвенными налогами; высокий протекционизм; сохранение теперешних земельных отношений; закрепощение рабочего класса и установление максимума заработной платы; «железная дисциплина»; диктатура военщины,— таковы основные требования, предъявляемые нашими «спасателями отечества». Это — цельная программа, из которой, как из песни, слова не выкинешь.

По существу дела, с этой экономической программой господа промышленники явились и на «государственное совещание» для торговли с «революционной демократией».

«Мы не протестуем против контроля, но контроль не должен стеснять свободы действий промышленников». «Мы не отказываемся платить. Но... требуем, чтобы деньги расходовались не расточительно». (Кстати сказать, как эти граждане платят, видно

---

[1]) См. «Новый Экономист», № 30—31, ст. «Где выход?».

из речи министра Некрасова: за три месяца уплата поземельного налога пала на 32%, промыслового—на 19% и т. д.)

«Мы признаем, что... не может быть и речи о понижении заработной платы. Но нужно принять меры к ее нормировке» [1]).

Так говорил г. Рябушинский. И все они, и сами и через генералов, требовали «крови и железа».

Что же ответила «демократия», т.-е. вожди российской мелкой буржуазии, выступающей иногда и под псевдонимом представителей пролетариата?

В общем и целом она почти приняла программу промышленников во имя священного единения волков и овец.

Оставляя власть в руках несомненных империалистов и требуя в то же время подчинения производства (госуд. синдицирование, монополии и т. д.) этой власти, декларация, прочитанная Чхеидзе, становится сразу на точку зрения каторжного капитализма. «Широкое участие демократии», о котором говорит она, превращается при таких условиях в «широкое участие» обслуживания империалистической войны.

Кто говорит А, тот должен сказать и Б. Отметив «нерадение рабочих» (ну, и социалистический стиль!), как одну из причин падения производительности труда, декларация требует, между прочим: регулировки заработной платы, т.-е. установления максимума платы, введения минимума выработки, т.-е. минимума эксплоатации рабочей силы, и в «случае надобности» введения трудовой повинности, т.-е. закрепощения рабочего класса.

Все эти мероприятия являются основными требованиями капитала. Против аналогичных мер социалисты считали необходимым протестовать самым энергичным образом. Но что же поделаешь! Назвался груздем — полезай в кузов. Начал поддерживать «живые силы» — значит, должен уступать им.

Установление максимума заработной платы будет лучшим средством в руках предпринимателей против так называемых «чрезмерных требований» рабочего класса. Давление профессиональных организаций, направленное против капиталистов,

[1]) «Русск. Ведомости», № 187.

сводится тогда к нулю, потому что оно будет встречать законодательный барьер. С другой стороны, государственная власть господ Рябушинских, Калединых и Милюковых будет устанавливать и угодные ей нормы заработной платы. Фактически будет установлено таким образом, с благословения «демократии», порционное питание рабочего класса, хорошо известное обывателям тюрем.

Установление минимума выработки дополняет максимум платы. Если первое «мероприятие» лишает рабочего возможности повышать оплату своего труда, то второе заставляет его выжимать в пользу своего хозяина определенный минимум этого труда. Если он его не вырабатывает, то, очевидно, он подвергается штрафу или увольнению. По существу дело это не ново. Новым является лишь то обстоятельство, что этого требуют «социалистические» вожди.

Наконец, введение трудовой повинности означает на деле, *при сохранении контроля в руках капиталистов*, превращение рабочих в белых рабов империалистского государства и синдикатов. Оно неизбежно ведет за собой отмену права стачек, прикрепление к фабрике, стеснение или отмену свободы передвижения и т. д. Правда, декларация говорит, что эта мера «ни в коем случае не должна принимать форм милитаризации труда». Но это — одна декламация, фраза без всякого содержания. Ибо, когда трудовая повинность вводится ради войны, когда все подчинено целям этой войны, когда всем управляют генералы, тогда «милитаризация» *неизбежна*, и нужно быть трижды наивным, чтобы не понять этой вещи.

Если мы в области рабочего вопроса видим полную сдачу позиций, то немудрено, что в остальных областях мы найдем ту же решительность в отстаивании интересов... господствующих классов.

В финансовой области декларация допускает «*повышение существующих налогов на предметы массового потребления и установление новых*», т.-е. грубо нарушает программу всех социалистических партий, всегда и всюду требовавших и требующих полной отмены косвенного обложения.

По земельному вопросу оказывается, что «необходимо отвергнуть всякие захваты чьих-либо земель, как отдель-

ными лицами, так и группами или обществами»; упорядочение отношений должно быть возложено на земельные комитеты, в ведение которых и перейдут земли «без нарушения существующих форм землевладения»! Это на языке декларации называется охраной «интересов землевладельческого (!) населения» [1]).

Если присоединить ко всему одобрение «чрезвычайных мер революционного (!!) воздействия», то получится яркая картина программы промышленников, излагаемая устами представителя Советов от имени «демократии». Хорошо иметь такую демократию!

Перед «совещанием» «Финансовая Газета» писала [2]) о нем: «Громкие беспочвенные лозунги, пустая фразеология, гимны во славу «интернационала» не смеют там раздаваться.

И «демократия», т.-е. советское большинство, зажав рот интернационалистам, не допустив представителей революционного пролетариата, не посмело выставить «беспочвенных лозунгов».

Демократия, наоборот, оказалась весьма «трезвой» «благоразумной», ручной.

Однако в «соглашении» не принимала участия основная сила революции — пролетариат. Сделка состоялась относительно него, но без него. И если господам Чхеидзе угодно продавать оптом и в розницу права и вольности рабочего класса, то это еще не значит, что сам рабочий класс согласится санкционировать позорный торг в стенах Большого театра.

Н. Бухарин.

[«Спартак», № 6, от 31 августа 1917 г., ст. стиль.]

* * *

---

1) «Р. В.», № 186.

2) «Финансовая Газета», № 475.

СЕНТЯБРЬ

«ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ» И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Московское государственное совещание, созванное временным правительством в Большом театре при благосклонном участии эсеровско-меньшевистских мещан, разыгрывающих роль революционеров, должно было пройти под флагом единения всех «живых сил» страны и возвышенного устремления к «общенациональным» задачам.

Уже давно было сказано, что «русский дух зады твердит и лжет за двух». Эта печальная особенность «русского духа» как нельзя более ярко сказалась во время московского совещания. В самом деле, с каким презрением отзывались господа эсеры и меньшевики об изменниках немецкого социализма, занявшихся проповедью гражданского мира и низкопробнейшего прислужничества господствующим классам! С какой гордостью указывали они перстом на себя, как на представителей классовой точки зрения, как на активных участников классовой борьбы! Даже когда Скобелевы и Церетели входили в полуимпериалистское министерство, то они и тогда били себя в грудь и патетически восклицали, что идут туда для углубления классовой борьбы, чем не мало напугали кое-кого из простодушных и придурковатых представителей господствующих классов. Увы! Ко времени московского совещания господа Церетели, Либеры, Авксентьевы и К° предстали уже классическими героями Bourgfrieden'а [1]). Те разговоры, та теория, которая когда-то вменялась в вину господам Шейдеманам, Реноделям, Гендерсонам и их единомышленникам, стала теперь и официальной теорией этих высокомудрых граждан, заговоривших языком так называемых «госу-

---

[1]) Гражданского мира.

дарственных мужей». В то время, как Милюковы, Корниловы, Каледины задавали тон, к их каннибальским лозунгам по мере сил стремились приспособиться официальные вожди так называемой революционной демократии. Господа министерские социалисты наперерыв старались перещеголять друг друга в охране «порядка». Устами Керенского пролетариату была обещена политика «крови и железа», которую практиковал божок прусского юнкерст а — Бисмарк. А все остальные хором одобряли систему палачества, совершенно не замечая, в какую яму они свалились, чему и кому они теперь служат.

Так обнаружилась природа «русского социал-патриотизма»: наши доморощенные социал-патриоты не только сравнялись со своими западно-европейскими собратьями, но в значительной степени перещеголяли их в подлости. Ибо Шейдеман и Ренодель не превращались в прямых палачей, взыскующих смертной казни, тогда как Савинков и Церетели, Либердан и Авксентьев стали вместе с гражданином Керенским настоящими мастерами красного цеха по отношению к рабочим и солдатам.

Количество выкриков об «общенациональных задачах» прямо пропорционально глубине падения официального социализма. Чем ручнее становятся министерские «социалисты», чем быстрее переходят они в стан врагов рабочего класса, чем решительнее изменяют социализму, революции, пролетариату,—тем визгливее, назойливее становятся вопли об интересах «нации», «родины», «общественного целого», «государства» и пр. Господа отступники превращаются в патриотов того типа, который был воспет еще Беранже:

«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

При капиталистическом строе «государственные интересы»— это интересы буржуазного государства, в наше время—интересы империалистского государства. Но империалистское государство есть не что иное, как организация банкиров и заводчиков, хозяйская организация, на которую лишь налеплен ярлык «общенародности» для удобства господ предпринимателей. Вот почему «государственный язык» есть на самом

деле язык съездов объединенной промышленности, а «общенациональная платформа» на самом деле является платформой самых верхних слоев нации, ее эксплоататоров и поработителей.

Поэтому, когда представители угнетенных классов начинают разговаривать о «государственности» (ср. речи Авксентьева на московском совещании), то это означает, что они целиком перешли уже на точку зрения государственной организации капитала, на точку зрения организованного господствующего класса.

Как раз в этом и заключается весь смысл классового мира или классового перемирия. Никогда и нигде классовый мир не означал прекращения классовой борьбы на основе каких-то средних, «междуклассовых» или «надклассовых» интересов. Он всюду и везде означал капитуляцию, сдачу и полное подчинение низших классов классам господствующим, которые навязали угнетенным свои интересы под видом интересов всей нации.

Когда Милюков—Корнилов—Каледин выдвинули свою «общенациональную», «надпартийную» программу расправы с народом, то в действительности это была программа, насквозь, от «a» до «z», проникнутая духом озлобленного помещика и обнаглевшего банкира. Когда важнейшая часть этой программы — смертная казнь и репрессии против пролетариата — были усвоены и «революционной демократией» в интересах «государственности», — это означало, что «единение живых сил» и гражданский мир есть п о д ч и н е н и е интересов демократии интересам помещиков и финансового капитала.

«Гражданский мир» не только дает возможность буржуазии укрепить уже имевшиеся отношения между классами, удержать status quo; он по сути дела является н а т и с к о м со стороны господствующих классов, но натиском, производимым, так сказать, под прикрытием «общенационального» плаща. Совершенно естественно поэтому, что, укрепив свою позицию гражданским миром, помещичье-буржуазно-генеральская клика начала играть в открытую, объявила народу г р а ж д а н с к у ю в о й н у, лишь только ей показалось, что лицемерная идиллия мирного сожительства волков и овец больше уже не нужна.

Эта гражданская война, объявленная проходимцем в генеральском мундире и в чине верховного главнокомандующего

русской армии, была зрелым плодом соглашательской политики; она была законным ребенком противоестественного сожительства между крупным капиталом и вождями городского мещанства, между диким помещиком и идеологами крестьянства, между Путиловыми и Данами, Пуришкевичами и Авксентьевыми, Милюковыми и Церетели, наконец, между русской демократией и международным банковым капиталом.

Родословная корниловского заговора — это история грехопадений эсеров и меньшевиков. Наступление 18 июня. Выводы войск из центров революции. Расстрелы рабочих и солдат 3—5 июля. Разоружение Красной гвардии и расформирование полков революции. Привод казаков и апелляция к юнкерам. Разгром рабочих газет, аресты, травля пролетарской партии и матросов. Казни на фронте и восстановление палачества. Вот какой курс держали эсеры и меньшевики, играя под дудку кадетов и военной генеральской шайки.

Политическими вдохновителями, руководителями этой презренной политики были кадеты. Но кадеты вели свою преступную линию умно. Они всегда выдвигали для проведения своих планов «социалистических» дурачков, заставляя их, их же руками, затягивать аркан на шее революции. Контр-революция, проводимая руками «революционеров». Чего же больше нужно еще желать буржуазии?

Наступление было предпринято по настоянию кадетов и союзников. Но его благословили меньшевики и эсеры, специально приглашенные в министерство. И наоборот, как только выяснилось, что наступление терпит крах, кадеты поспешили уйти, взвалив ответственность на своих «социалистических» лакеев.

Расстрелы рабочих и солдат, расформирование полков и т. д.,— все это «проводилось в жизнь» эсерами и меньшевиками: Войтинские, Савинковы, Филоненко, Церетели,— вот кто выступал в роли палачей. Как в прежние времена барин не сам порол крепостных, а посылал на конюшню своего кучера, точно так же и кадеты «использовали» своих левых коллег, которые в каждом взмахе казацкой плети стали видеть новую «победу» демократии в ее борьбе с воображаемой опасностью слева. Жалкие, они не замечали, какую низкую роль они играют у своих хозяев.

Корниловский заговор сразу выяснил действительное положение вещей, выяснил его для широких слоев народа. Он разоблачил до конца сущность всех разговоров об «общенациональном единстве перед лицом внешнего врага», о «надпартийной платформе» и тому подобной белиберде [1]). Эти разговоры, прорывы на фронте, гнусная травля армии, сдача Риги и обвинение солдат, разгрузка Питера и многое другое оказалось лишь стратегическими маневрами кадетско-корниловско-калединской банды, идущей к захвату власти, для упрочения положения помещиков и крупных капиталистов.

Выяснилось также и прямое участие в заговоре центральных фигур «партии народной свободы» и агентов союзного капитала. Предложение «мирных переговоров» с изменником со стороны «друзей» из лагеря дипломатов Англии, Франции и Америки, а также английские броневики в войсках генерала Корнилова чрезвычайно наглядно дали понять, как смотрит международный капитал на дальнейшие судьбы России.

Таким образом за спиной полуазиатского авантюриста оказались могущественнейшие банки Европы и Америки и их государственная власть. Любопытно в этом отношении привести несколько отзывов иностранных сфер о событиях в России?.

Официальное Петроградское агентство сообщало об Америке:

«Выступление Корнилова не явилось здесь неожиданностью, так как в политических кругах Соединенных Штатов ждали, что после московского совещания неизбежно последует попытка вроде корниловской»

Господа Морганы и Рокфеллеры «ждали».

«Солидный» орган английского империализма, газетная штабквартира финансового капитала, «Times» писал:

---

[1]) Кстати. Московская газета нашей партии «Социал-Демократ» чрезвычайно удачно заранее предсказала не только выступление Корнилова, но и отдельные его этапы: сдачу Риги (в статье «Корнилов Рижский»), поход на Петербург («Корнилов у стен Петербурга»), участие в заговоре кадетов, участие в заговоре агентов союзного капитала и т. д. Это нетрудно было сделать при помощи простого анализа развертывавшейся классовой борьбы.

«Мы будем оказывать поддержку каждому русскому гражданину, как военному, так и не военному, который докажет свою способность спасти Россию. Невозможно допустить, чтобы Россия могла быть спасена Советом Рабочих Депутатов».

Французское «Matin», крупнейшая газета биржевиков и рантье, высказывается в том же стиле:

«Несомненно, как Керенский, так и Корнилов одушевлены горячим патриотизмом. Мы надеемся, что в последний момент они объединятся, чтобы спасти западную Россию, поставленную в опасное положение несчастною политикою революционных клубов (т.-е. Советами)».

Наконец, что всего удивительнее, немецкие газеты, газета крайних империалистов «Tägliche Rundschau» и газета империалистского центра «Berliner Tageblatt» тоже берут под свое покровительство «лихого» генерала Корнилова.

Генерал Корнилов грозил открытием фронта и сдал Ригу. Несмотря на это (наоборот, именно поэтому) его поддерживают и кадеты и союзные империалисты, которые хотят завоеваний и разгрома внешнего врага. Генерал Корнилов является военной силой русских и союзных захватчиков. И тем не менее его поддерживают захватчики немецкие. Что все это означает?

Это может означать только одно: в настоящее время для международной буржуазии важнее подавить революционное брожение среди пролетариата, чем грызться друг с другом за дележ земли. Самая война, которая уперлась в тупик, ведется уже в значительной степени на истощение пролетариата. Капиталисты продолжают ее, чтобы тем легче душить скованный военной дисциплиной рабочий класс. И когда в какой-нибудь стране опасность революции против капитала начинает быть особенно большой, они плюют на все и начинают гражданскую войну против рабочего класса, против деревенской бедноты, и в этой борьбе поддерживают друг друга не за страх, а за совесть. Проповедывали и проповедуют гражданский мир, когда им выгодно. Идут гражданской войной, когда им выгодно. Травят и грызут друг друга, когда им выгодно. Соглашаются друг с другом против пролетариата, ибо это тоже выгодно, ибо здесь лежит грань между старым миром наживы и новым миром трудовой солидарности.

Если капитал начинает гражданскую войну против пролетариата, то пролетариат будет вести гражданскую войну против капитала. Цепи гражданского мира разлетаются вдребезги. Начинается новая полоса, полоса социалистической революции.

К. Твердовский.

[«Спартак», № 7, от 16 сентября 1917 г., ст. стиль.]

* * *

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ ЗАХВАТАХ.

(Заметка.)

Единственной политической партией, которая стоит за немедленный переход земли к крестьянам и за организованные захваты ее, является партия революционного пролетариата. Жгучая ненависть, которой дарит ее за это помещичий капиталистический блок, служит достаточным доказательством правильности рабочей политики в аграрном вопросе. Но и та аргументация, которая выставляется нашими «друзьями» справа, советующими крестьянству «погодить» вплоть до учредительного собрания («Улита едет, когда-то будет»), не отличается особенной убедительностью.

Она опирается большею частью на два рода соображений.

Во-первых, часто толкуют о том, что немедленный переход земли в руки крестьян взорвет ряд поземельных банков, потрясет всю систему кредита и пр., и пр. Этот аргумент приложим вообще к конфискации земли, хотя она была бы предпринята и Учредительным Собранием. Выдвигается он поэтому более всего со стороны землевладельцев и крупного капитала, которые не хотят никаких существенных изменений в деревне, которые хотят упрочить влияние помещиков и ростовщиков. Вопрос о времени перехода (до или после Учр. Собрания) не имеет существенного значения и потому, что «уже теперь многие землевладельцы прекратили платежи в Дворянский банк, ибо платить за землю, которую завтра отберут, 12—13 рублей за десятину, когда крестьяне платят помещику 5—6 рублей аренды,

никому не охота. Угроза продажи имений с публичных торгов мало страшит землевладельцев» («Торг.-Пром. Газ.» № 161, «Что делается в деревне»).

Еще более часто говорят об анархии, хаосе, резне и прочих ужасах, которые, дескать, неизбежно вызываются тактикой немедленных захватов помещичьей земли.

Но разговоры — одно, факты — другое.

Такой умеренный человек, как г. Огановский, рассматривая аграрное движение за последнее время, приходит к чрезвычайно любопытным выводам.

Первое — число захватов растет. По подсчетам г. Огановского, общее число случаев аграрных волнений достигает 750; в марте и апреле число их минимально, в конце мая (24—31 мая) — уже 111 случаев, 6 июня — 90, 13 июня — 98; 14—20 июня — 109 случаев и т. д. Таким образом имеется совершенно определенная закономерность. Деревня вообще раскачивается позднее города, и еще революция 1905—1907 г.г. показала, что аграрное движение сильно запаздывает. То же повторяется и теперь. Но развитие движения идет именно в сторону захватов («Торг.-Пром. Газета», № 157, «Земельные отношения на местах»).

Второе — организованные захваты выдвигаются все более на первый план. Неурегулированные, беспорядочные захваты сменяются планомерными захватами со стороны общественно-крестьянских органов местной революционной власти. При этом крестьяне вырабатывают некоторые нормы, согласно которым и распределяется отобранная у помещиков земля. Наблюдаются также случаи захвата земель у хуторян, отрубников и более зажиточных крестьян.

Третье — процесс захватов не сопровождается, по большей части, никакими «эксцессами». На 750 аграрных волнений (сюда зачислены, следовательно, и все случаи неорганизованных захватов) только в 24 случаях были «разгромы», да и то произведены были эти «разгромы» «пришлым элементом». «Случаи столкновения самих крестьян-общинников между собою покуда, по нашим данным, — пишет г. Огановский, — чрезвычайно редки — таких случаев было всего пять». (Там же, № 158.)

Если мы примем теперь во внимание, что случаи столкновений и пр. приходятся, конечно, на неорганизованный захват, то станет совершенно ясной вся вздорность обвинений и аргументов против захватов организованных.

Правда, г. Огановский приятно поражен относительным спокойствием деревни и объясняет его убеждением «солидной части крестьянства» (!) в том, что земельный вопрос нужно разрешить «по закону». Но мы полагаем, что «несолидная» часть крестьянства, т. е. деревенская беднота, к которой и обращается революционная социал-демократия, будет все больше отгораживаться от «солидной» части по мере того, как вместе с Учредительным Собранием будет уплывать в туманную даль и помещичья земля.

Тогда крестьянам станет ясен и единственный выход, тот выход, который предлагает партия пролетариата.

Конст. Твердовский.

[«Спартак», № 7, от 16 сентября 1917 г.]

* * *

О К Т Я Б Р Ь

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Слухам о мире, который собираются заключить теперь сами империалисты, предшествовал, как известно, швейцарский съезд банкиров обеих воюющих коалиций.

На этом съезде был поставлен и вопрос о совместной борьбе против грозящей разразиться рабочей революции.

Господа буржуа оказались чрезвычайно предусмотрительными. Прошло немного времени, и уже целый ряд фактов заставляет думать, что движение международного пролетариата переживает эпоху перелома, когда можно ожидать непосредственного выступления,— не разговоров, а действия со стороны рабочих и солдатских масс. Самым ярким выступлением было восстание немецких матросов. Это восстание обострило до крайности положение вещей в Германии. Казни и каторга, кровавая расправа с нашими немецкими товарищами, поднявшими знамя возмущения, вызвали глубокий политический кризис. Матросы, по сообщениям самих же немецких газет, крайне озлоблены. Повидимому, это озлобление перекидывается и на сухопутные войсковые части. Даже «Биржевые Ведомости», отнюдь не заинтересованные теперь в том, чтобы раздувать революцию в Германии, сообщают, что среди стоящих на фронте немецких войск идет усиленная пропаганда в пользу мира и образована даже специальная военная организация под названием «союз мира». Очевидно, в связи с этой пропагандой стоят возобновившиеся попытки братания со стороны немецких и австрийских солдат. «На отдельных участках фронта,— сообщают представители нашей румынской армии,—происходят сепаратные перемирия». Немцы выходят из окопов и кричат: «Русс, давай кончать войну». С другой стороны, возобновилось и братание с русской стороны, и притом в широких размерах.

В № 241 «Утра России» сообщается следующий «приказ против братанья».

«ПЕТРОГРАД. X. 6. (Соб. кор.) Командующий... армией в приказе по армии указывает на новые случаи братания. Разъезд... стрелкового полка, перебравшись через реку В., поставил плакат с надписью: «Долой войну», после чего начал братание с немцами, при чем к разведчикам присоединились некоторые стрелки других полков. Артиллерия разогнала их. Тогда некоторые стрелки явились в батарею с требованием о прекращении стрельбы. Командир... полка сообщает, что солдаты стрелкового полка требуют расформирования пяти человек ударников... революционного полка, присланных в полк для разведок, при чем 25 ударников ушли из полка.

«Таким образом,—говорится в приказе,—разведчики... полка опозорили себя и свои части низким предательством относительно своего народа, начав братание со злейшим врагом, прогнавшим нас из Галиции и от Карпат.

Командующий армией требует немедленного расследования происшедшего и предания революционному суду виновных в братании и тех, которые предъявили нелепое требование артиллерии. Ударников, самовольно разошедшихся, возвратить обратно, а содействовавших уходу их предать суду. Артиллерии, ударникам и всем верным родине продолжать исполнять свой республиканский долг, не допуская братаний.

Предусматривая далее, что состояние братания может быть использовано врагом, командующий армией т р е б у е т б е с п о щ а д н о г о р а с с т р е л а б р а т а в ш и х с я».

«Русские Ведомости» (№ 229) пишут относительно румынского фронта:

«Учащаются попытки неприятеля к братанию, встречающие отпор от наших солдат».

Но об этих же солдатах та же корреспонденция сообщает, что растет всеобщее недовольство на почве ж а ж д ы м и р а. Такие же известия приходят и из Могилева. Словом, начинается с новой силой п р о ц е с с р а з л о ж е н и я в о й н ы.

Война гниет на корню.

Естественно, что и русские и немецкие генералы противопоставляют этому «беспощадный расстрел».

В этом отношении кайзер Вильгельм, расстрелявший восставших матросов, стоит на одной доске с командующим русской армией, издававшим треповский приказ о «беспощадном расстреле братавшихся». Но ни там, ни здесь, ни по одной, ни

по другой стороне окопов свинец и пуля не смогут вдохнуть новых сил в войну. Наоборот. Если казни немецких матросов будут вызывать неизбежное озлобление и ненависть среди немецкой армии и флота, то такую же ненависть среди русских солдат будет вызывать палачество русских генералов.

Ту же цену имеют и репрессии, обрушивающиеся сейчас на левых социал-демократов в Германии и России. Немецкие держиморды снова арестовали сейчас Розу Люксембург, посадили под замок Луизу Циц, предают суду Гаазе, Ледебура и Дитмана. А русское «республиканское» правительство учится у Вильгельма и томит в тюрьмах последовательных борцов за мир. Но и это не помогает. Растет ненависть к палачам на фронте. Растет ненависть и к угнетателям внутри страны. И даже немецкие правые социал-демократы, прислужники своего правительства, начинают на партийном съезде заигрывать с левыми, толкуя о желательности «объединения».

Так нарастает революционная волна против международного капитала. Даже в Англии, где рабочий класс находился в поистине вавилонском пленении у своих банкиров, быстро тает доверие к буржуазии. Официальная правительственная комиссия, которой было поручено расследовать причины «недовольства» среди рабочих масс, с тревогой констатирует жажду мира, протесты против «английских» целей войны, полный крах авторитета вождей-соглашателей.

Во Франции тоже не спокойно. Дело не только в том, что по русским революционным солдатам их же генералы открывают «редкий артиллерийский огонь», предварительно заперев их с помощью французских войск, как баранов, в концентрационные лагери. Дело в том, что и среди самих французских войск началось то же разложение власти милитаристского кулака, что и в других странах: лучшее тому доказательство солдатские демонстрации против войны,— вещь неслыханная в прежнее время.

Процесс революционного брожения захватывает таким образом все более широкие круги. В некоторых странах господствующие классы стремятся выбросить косточку, чтобы предотвратить наступление рабочих. Так, в Швеции на-днях привлечены к делу управления страной правые социалисты, во главе

с Брантингом. Но это не есть решение вопроса. Ужасающие последствия войны настолько колоссальны, что уж сам Ллойд-Джордж, вождь английских пиратов, заявляет: к весне нужно ожидать мирового голода. И обездоленные массы всех стран поставлены перед одной и той же задачей схватки с капиталистическими правительствами. Недаром 3-я Циммервальдская конференция совершенно определенно поставила вопрос о международной забастовке пролетариата против войны и капитала.

Эту нарастающую революцию обязаны поддержать и мы. И лучшей поддержкой ее будет завоевание всей власти Советами Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

К. Твердовский.

[«Социал-Демократ», № 178, от 8 (21) октября 1917 г.]

* * *

ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Для международной буржуазии создается такое же положение, как и для буржуазии русской. Править обманом становится все более и более трудно. То там, то сям вспыхивает возмущение рабочих, матросов, солдат, крестьян.

И кратером этого вулкана, на котором сидят буржуазные правительства Европы, является Россия. Затушить пожар, залить очаг революции морем пролетарской крови, задушить мятежный пролетариат становится для международного капитала очередной задачей, которую он, под страхом своей собственной гибели, должен осуществить, во что бы то ни стало. В его распоряжении нет уже идейного господства. В его руках пока еще имеется вооруженная сила. Эту силу он пускает теперь в ход.

Мы вступили в полосу активных, вооруженных действий международной реакции против русской революции. Первой «пробой пера» была корниловщина, когда вся буржуазия (и немецкая и англо-франко-американская) единодушно поддерживала Корнилова, а английские «друзья» двинули ему на помощь свои бропевики. Эта попытка сорвалась, и теперь международные

грабители и пираты идут походом на русских рабочих и крестьян со всех концов. Небывалая смертельная опасность угрожает русской революции: на нее непосредственно нападает вся сила международного и отечественного капитала.

В прошлом № нашей газеты мы указывали товарищам на то, что господа Рябушинские готовятся сдать Петербург и ничего не имеют против разгрома балтийского флота, находящегося в руках большевиков. Мы указывали, что английские морские силы странным образом не оказали абсолютно никакого содействия русскому флоту, защищающему Петербург, в то время как английские пулеметы чрезвычайно быстро поспешили на помощь Корнилову, который хотел взять тот же Петербург. Газета Рябушинского «Утро России» набросилась на нас с пеной у рта за наше разоблачение этой грандиозной международной провокации. Но в том же номере корниловского органа, где «писатели», услужающие банкирам, под прикрытием зловонных газов клеветы, совершают свои вылазки против революционной социал-демократии, помещен «доклад» г-на Родзянки, который целиком подтверждает существование кровавого заговора международной провокации, готовящейся совокупными усилиями коронованных разбойников и денежных тузов всех стран придушить русскую революцию. Им решительно все равно, чьими палаческими руками будет произведена эта работа: Вильгельм, броневики Георга, казацкие пики и нагайки—все равно: лишь бы прикончить революцию, лишь бы раздавить рабочих, крестьян, революционных солдат.

Корнилов сдал Ригу, и, несмотря на это, его в один голос хвалили все буржуазные патриоты. Теперь господа Рябушинские, Милюковы, Родзянки сознательно готовят сдачу Питера и жаждут порядка, наведенного Вильгельмом. Когда-то царизм пытался призвать на помощь прусский кулак. Теперь патриоты из империалистского лагеря, при явном благожелательном «попустительстве» англичан, готовы раздавить руками Вильгельма Петербург, флот, Кронштадт, финляндские войска,—словом, самые отборные войсковые части революции и самый крупный центр рабочего движения.

«Петроград находится в опасности»—докладывает гражданин Родзянко.

«Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Со взятием Петрограда флот все равно погибнет... там есть суда совершенно развращенные, которые боевой силы не представляют». «Опасаются,— продолжает этот патриот,— что в Петрограде погибнут центральные учреждения (т.-е. Советы и т. д.). На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли».

Цель поставлена как нельзя более ясно и определенно. И чтобы еще более подчеркнуть эту цель, наш помещик, захлебываясь от умиления, рассказывает о рижских подвигах Вильгельма, почтительнейше именуемого теперь уже «императором»: оказывается, что «император» прикладывался к православным иконам, распорядился, чтобы в церквах поминали Николая, похвалил русских офицеров (совсем как Керенский), назвав их рыцарями, обругал солдат (тоже как Керенский) «трусами и изменниками». И вывод, какой делает Родзянко, это — пламенная мечта о восстановлении кровавого порядка и твердой монархической власти. «После сдачи Риги там водворился,—с радостью сообщает нам Родзянко,—такой порядок, какого никогда не видали: расстреляли 10 человек главарей, вернули городовых, город в полной безопасности, «освещен».

Расстрелов жаждет гражданин Родзянко. Уже раздуваются его ноздри, почуявшие рабочую кровь. Немудрено, что он без обиняков выставляет лозунг «низвержения большевиков», прибегая к единственной — как он выражается — живой, дееспособной и политически воспитанной силе, а именно, к казачеству.

Родзянко не стесняется. Он заявляет, что правительство бессильно, и предлагает «действовать во всю широту», сорганизовавши это «действие» на съезде корниловских «общественных деятелей 12 октября».

Чего яснее? Мы стоим перед непосредственным вооруженным выступлением буржуазии, генералов, казаков и прочей компании, организующихся в Москве. Правительство бежит от революционных рабочих и солдат тоже в Москву, совсем как французское правительство измены, бежавшее от коммунаров в Версаль. На фронте разыгрывается огромная провокация и го-

товится совместный удар против народа. В тылу корниловцы и причастные к корниловщине лица уже точат нож мясника. Бойня готовится. Встретим врагов дружно, с оружием в руках!

В 1871 году около 14.000 рабочих было расстреляно и истерзано остервенелыми буржуа. Теперь они надеются устроить в России еще большую баню. Рабочие, солдаты, бедняки-крестьяне должны крепко сжать винтовки в своих руках. Враги не дремлют. Сегодня-завтра они выступят против нас. Под ружье же, наши боевые товарищи.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 179 от 10 (23) октября 1917 г.]

* * *

ВОССТАНОВЛЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ?

«Кубанские казаки выдвигают кандидатуру А. Ф. Керенского на пост... всероссийского патриарха» (газ. «Вольный Дон», №128).

«Известия всерос. совета приходских общин» пишут по этому поводу, что «полной уверенности в согласии на это министра-председателя не имеется. По всей вероятности, он не откажется, если это будет возможно, совместить с постом верховного главнокомандующего».

Все это—не из «Истории» Глупова, а из самой настоящей действительности.

Как известно, гражданин Керенский — «глава государства» и «верховный главнокомандующий». Своим возмутительным вмешательством в судебное следствие над Корниловым, с которым он сам был в стачке, Керенский показал, что ему не чужда идея быть верховным судьей.

Теперь сюда присоединяется еще роль верховного жреца. Что это такое, как не возрожденный цезарепапизм самой чистой марки? Что это, как не возрождение самодержавия в самой гнусной, поповской форме?

Но все же будущему историку придется немало ломать голову над вопросом, чем была партия «социалистов», «революционеров» и пр., во главе которой стоял кандидат во всероссийские патриархи.

Одно можно сказать: старания г. Руднева, являвшегося на поклон к черносотенцам в ризах, пошли впрок. Остается ждать, что генерал Каледин предложит теперь Рудневу место игуменьи в каком-нибудь доходном монастыре.

К. Т.

[«Социал-Демократ», № 179, от 10 (23) октября 1917 г.]

* * *

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ.

«Утро России», которое в свое время «подготовляло умы» к восприятию «начал», лежавших в основе деятельности генерала Корнилова, теперь ведет усиленную кампанию за «тихий Дон» и Каледина, надеясь, что это будет крепче. Для большей «крепости» оно почти в каждом номере призывает к сдаче Петербурга, обосновывая ее и политически, и экономически, и даже эстетически. На-днях оно опубликовало «доклад» Родзянки с восхвалением «императора Вильгельма» и с призывом сдать Петербург.

И в то же время эта изменническая газета имеет наглость писать:

> «Вся власть Советам, и да здравствует Учредительное Собрание!» — так кончил свою речь в Совете ближайший соратник Ленина и один из сотрудников «Искры», так несвоевременно пославшей недавно свой дружеский «привет германскому флоту».

Во-первых, Троцкий вовсе не сотрудник «Искры» (это орган меньшевиков-интернационалистов). Во-вторых, «Искра» посылала привет восставшим немецким матросам.

Изливая на своих страницах целые потоки лжи и клеветы, буржуазные газеты имеют еще смелость говорить о том, что для них не существует свободы печати.

* *
*

В суворинском (т.-е. охранном) «Вечернем Времени» напечатано письмо корниловца-эсера Бориса Савинкова, которого

центральный комитет его же партии вызвал, наконец, для дачи объяснений. В этом письме корниловский герой заявляет, что в его глазах ЦК партии не имеет ни малейшего авторитета, так как в составе комитета есть лица, проехавшие через Германию и «тем вступившие в сношения с противником», а также лица, деятельность которых «вредна для отечества и для обороны страны».

Еще любопытнее опубликованная в «Утре России» секретная записка, посланная сим героем на заседании правительства гражданину Керенскому:

> «Уверен ли министр-председатель, что сообщаемые генералом Корниловым государственные и военные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке?».

На заседании присутствовал эсер Чернов. Ясно, против кого конспирировал эсер Савинков вместе с эсером Керенским и генералом Корниловым.

Поистине, партия эсеров — один из самых любопытных политических феноменов нашего времени.

* * *

Меньшевистская газета «Вперед» пугает гражданской войной и «кровожадным бредом» Ленина. Это говорится в то самое время, когда буржуазные людоеды проводят в жизнь адский план уморить голодом питерских рабочих, разделаться с революцией прусским штыком и казацкой пикой. Как вы наивны, до святости наивны, граждане меньшевики!

* * *

Нам доставлен любопытный документ, рассылаемый «советом (корниловского) московского совещания общественных деятелей», помеченный 16 сентября. Из этого документа явствует, что господа корниловцы всюду создают «организованные группы лиц, разделяющих взгляды совещания». Любопытно, между прочим, утверждение циркуляра, что Россия «изменила союзникам». С одной стороны, Родзянки призывают Вильгельма, а с другой — становятся на колени перед Георгом. И в то же время в Архангельске союзники отказываются выгружать с ко-

раблей свои товары, пока их суда не наполнятся хлебом из голодающей России. И те же союзники своим более чем странным бездействием помогают Вильгельму уничтожить балтийский флот.

Но ведь зато они спешат на помощь Корниловым и Родзянкам.

* * *

«Русские Ведомости» в передовой статье приветствуют уход большевиков из домашней канцелярии Керенского, которую называют иначе «Советом Российской республики». Но все же профессора-империалисты испытывают беспокойство, они говорят о необходимости «принять меры». Эти меры пока что сводятся к натравливанию на большевиков «государственных и патриотических социалистов».

Не поможет, господа!

* * *

Партия эсеров опубликовала списки кандидатов в учредительное собрание. По Донской области, где нужно подлаживаться к калединцам, список «возглавляется» Керенским. По Воронежской, где «неспокойны» крестьяне, — Черновым. На всякую боевую обстановку — свой род оружия. Не попробовать ли эсерам переставить своих кандидатов?

К. Т.

[«Социал-Демократ», № 180, от 11 (24) октября 1917 г.]

* * *

СОВЕТЫ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Во время революции с ее неизбежными отливами и приливами, когда кинематографически быстрая смена положений, исторических картин, лиц, фигур и событий едва позволяет ухватить себя, вполне естественно, что учреждения, возникшие в начале этого бешеного исторического смерча, неоднократно меняли свою роль и свое значение.

Такое превращение испытали и Советы. Можно проследить три периода в деятельности Советов и намечающийся четвертый период, при чем изменялись параллельно функции этих учреждений, их социальный состав и тактика и, наконец, их организационный аппарат.

В начале революции Советы были одним из двух центров власти. Господствовало так называемое «двоевластие»: с одной стороны — временное правительство империалистических молодцов à la Гучков, а с другой — Советы, как органы «демократии», непосредственно опиравшиеся на вооруженный народ, солдат и рабочих и «контролировавшие» деятельность временного правительства. Советы издавали приказы — и эти приказы исполнялись. Советы накладывали veto на распоряжения правительственных агентов — и эти распоряжения лишались силы. Центральную государственную власть Советы добровольно переуступили империалистской буржуазии, но, опираясь на реальную силу масс, они фактически были органом власти, представлявшим режим так называемой революционной демократии.

С точки зрения своего социального состава, Советы выражали волю именно этой неопределенной «демократии». Рабочий класс тогда еще не освободился от целого ряда типичных мелкобуржуазных иллюзий. Первый период революции, когда даже цензовая буржуазия прикидывалась сторонницей революционного «ниспровержения», периода сантиментальной фразы и радостного упоения победой, наложил свою печать на рабочий класс. Бессознательное доверие к капиталу и его лидерам политически выражалось в крупной роли меньшевизма, идеологии, которая подчиняет пролетариат буржуазии, суживает размах борьбы, укорачивает и обрезает самостоятельную классовую линию пролетариата.

Еще в большей степени вышесказанное относится к мелкой буржуазии, солдатам и крестьянам. Будучи самой широкой группой демократии, эти классы были наименее воспитаны политически. Они выдвинули в Советы типичных мещан, «мартовских эсеров», по существу дела далеких и от революции и от социализма.

По своему составу Советы были в этот период органами мелкобуржуазной массы, проникнутой глубоким почте-

нием к господству капитала. Политически это выражалось в подавляющем преобладании эсеров и меньшевиков.

С организационной точки зрения, Советы представляли из себя еще неоформленную организацию. На местах не было еще организационного аппарата. Роль центрального, общероссийского органа играл Петроградский Совет.

Таковы были Советы в первый период революции.

Эта стадия силою вещей перешла во вторую стадию. Благодаря политике соглашательства с буржуазией, Советы превратились из органов власти в подсобный аппарат временного правительства. Через Советы, в лице их Центр. Исполнит. Комитета, проводились ультра-реакционнейшие «распоряжения» и «мероприятия». Никогда не забудется тот факт, что разоружение рабочих и солдат в июльские дни было делом рук ЦИК Советов, т.-е. их эсеровско-меньшевистских вождей. Именно Советы были главным орудием соглашательства, перестав быть орудием классовой борьбы.

Состав Советов остался приблизительно тем же, что и в первый период их развития. Подавляющее мелкобуржуазное большинство, захлестнувшее своей волной пролетарские и полупролетарские элементы, быстро отходило в это время от главной движущей силы революции — пролетариата. Паника, охватившая широкие слои мелкой буржуазии, которая шарахнулась вправо и стала оказывать всемерную поддержку кадетскому «порядку», нашла себе концентрированное выражение в советской деятельности этого периода.

Организация Советов за это время приняла уже бюрократические формы. Дело не в том, что появился на свет божий Центр. Исп. Комитет. Само по себе руководящее и объединяющее учреждение, разумеется, необходимо. В организационный аппарат Советов были введены нормы, в высокой степени затрудняющие, а иногда делающие фактически невозможными перевыборы членов Советов. Таким образом Советы отгородились от масс бюрократической перегородкой, оторвались от масс. Произошла фиксация, закрепление советской бюрократии, мелкобуржуазных «вождей», противостоящих массам. Такой организационный тип, как нельзя лучше, подходил к той роли, которую в этот позорный период стали играть Советы, то-есть

к роли простых подголосков временного правительства. Они превратились в советский департамент при гражданине Керенском.

Корниловские дни вызвали переворот в настроении широких народных масс, который не мог не повлиять на Советы. В эти дни Советы снова стали органами классовой борьбы. Они начали со всех сторон «обрастать» мощью и силой, которую в них вдохнули готовые к бою массы. Они перестали выполнять роль присяжных соглашателей и стали играть роль организующих центров массовых выступлений, роль боевого органа действующих, борющихся революционных сил.

Состав Советов начал меняться. «Бессознательное доверие» к капиталу со стороны пролетариата исчезло. Крах меньшевизма был политическим выражением этого акта. Это доверие таяло, как дым, и среди крестьянских и солдатских масс. Партия эсеров, главная «правящая партия» мелкой буржуазии, попала в полосу чрезвычайно острого внутреннего кризиса разложения. Почти на всех перевыборах, которые, вопреки бюрократическим рогаткам, все же нашли себе место, блестящие победы выпали на долю партии революционного пролетариата (завоевание большевиками Петербургского и Московского Советов и т. д.).

Вместе с этим стала падать и бюрократическая замкнутость Советов. Они снова соприкоснулись с массами; перегородки стали лопаться. Перевыборы стали производиться во все более широких размерах. Еще не взята последняя цитадель советского бюрократизма — не сняты с постов Либеры и Даны в ЦИК, — но это вопрос ближайшего времени.

Это третий период мобилизации сил. Развитие классовых противоречий ведет к неизбежному острому конфликту двух лагерей: одного — под гегемонией финансового капитала и кадетской партии, другого — под гегемонией пролетариата. Ходом вещей Советы станут во главе этой борьбы. При ее победоносном окончании в жизни Советов начнется четвертый период, который намечается уже теперь: в этот четвертый период Советы становятся органами революционной власти. Не «двоевластия», а единственной, исключительной, твердой революционной власти. Вся сеть советских организаций, связанная с целым рядом организаций революционного народа, опираю-

щаяся на техническо-экономический аппарат (экономические комитеты, фабричнозаводские комитеты и пр.), — будет двигающим и регулирующим рычагом новой власти.

Дело пролетариата, солдат, крестьян с наименьшими затратами осуществить этот четвертый период. Лозунг момента: «Вся власть Советам».

Н. Б.

[«Спартак», № 9, от 12 октября 1917 года, ст. стиль.]

* * *

КАДЕТСКИЙ СЪЕЗД.

Чем дальше развивается революция, тем резче и резче расслаивается общество на два враждебных лагеря Промежуточные группы быстро тают. Партии соглашателей и посредников, партии честных и нечестных маклеров теряют свое значение. На арене общественной борьбы все яснее вырисовываются две основные руководящие силы: финансовый капитал и его партия (партия народной измены)—с одной стороны, пролетариат и большевики—с другой. Меньшевистская часть прежней социал-демократии, опиравшаяся на отсталые слои рабочих, потерпела почти полное крушение. Эсеры раскалываются и выделяют из себя на одном полюсе идеологов всероссийского кулачества, которые быстро переходят в стан капитала и помещиков: таковы руководители кооперации, господа Беркенгеймы; на другом полюсе образуется левое крыло, выражающее назревающее широкое недовольство крестьянской массы и тяготеющее к поддержке пролетариата.

Таково положение дел в стране. Противоречия обнажились, идейная власть господствующих классов рушилась, в их руках осталась лишь физическая сила казацких войск, командиров, сила денежного мешка и поддержка международного капитала.

Как нельзя лучше такое положение буржуазии выявилось на кадетском съезде. И не кто иной, как кадетский министр Кишкин, прекрасно формулировал точку зрения душителей революции.

«Основное зло я вижу,— говорил оратор,— в том, что у революционного правительства нет революционного дерзания. Второе зло — во всевластии слов, которые все покрыли густым слоем. И третье зло — на знамени, которое развевается теперь над страной, начертано: «безнаказанность».

Под «революционным дерзанием» оратор понимает, конечно, «дерзание» корниловского типа. Он ясно и просто требует перехода от слов к делу. Когда-то рабочим и крестьянам были обещаны «железо и кровь». Так пусть же будет пущено в ход железо, пусть же будет пролита кровь — таков смысл речи гражданина-министра. И когда он спрашивает, есть ли у власти физический аппарат подавления и репрессий, не рано ли начинать, то отвечает:

«Стоит только стать на такую точку зрения, и этот физический аппарат окажется. И тогда анархия в стране кончится. К тому, чтобы правительство освободило себя от гипноза слабости к дерзанию, я буду призывать правительство,— восклицает оратор под новый взрыв рукоплесканий».

Такая «дерзающая», контр-революционная власть нужна корниловским героям. И они отлично понимают, что та «власть», которая родилась из мошеннических проделок Церетели и корниловско-савинковских упражнений Керенского, что эта власть уже в их руках. Мы пошли в предпарламент, — заявляет Милюков,— потому, «что в нем нет ярких представителей демократии». И это верно: только в насмешку можно говорить о демократизме временного правительства. Кадеты прибирают его к рукам. Кадеты уже вертят в нем всем, чем угодно. «Коалиция» на самом деле даже не коалиция, а полное порабощение прежних демократов империалистами.

Милюков так откровенен, что не считает нужным даже скрывать этого:

«Мы должны искать союзников,—говорит он,—но мы должны их ассимилировать себе. Эти союзники уже есть,— кооперация, отбросившая доктринерство, представители казачества; нужно найти еще элементы среди эсдеков и эсеров».

Видите ли, им нужны союзники для их ассимиляции т.-е. для полного подчинения. Им нужны кадетские эсеры и кадетские эсдеки, союзники Корнилова. Их даже не удовле-

творяют уже Скобелевы. Они идут напролом и на своем знамени пишут такую, оглашенную Милюковым же, программу:

«1) Война в согласии с союзниками до конца. Отрицание взглядов в этом вопросе демократии, отразившихся в наказе Скобелеву.

2) Восстановление боеспособности армии; путь — сведение функций комитетов к хозяйственным и культурно-просветительным, установление дисциплинарной власти начальников.

3) Единство власти.

4) Сила власти.

5) Восстановление власти в провинции.

6) Независимый суд».

В переводе на простой язык: продолжение войны без конца во славу союзников (последние пригодятся генералу Корнилову, а Корнилов им); удушение остатков свободы на фронте; репрессии «единой», «сильной» власти в тылу, в столицах и провинции; независимый (от демократии), беспощадный судебный аппарат скорострельной юстиции.

Так готовятся кадеты к гражданской войне против народа. Совместно с «общественными деятелями» из лакейской Родзянки, за единение с которым так распинался философ идеализма проф. Новгородцев, опираясь на казаков и реакционный государственный аппарат, рассчитывают они прикончить революцию.

Мы должны заставить их просчитаться.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 185, от 17 (30) октября 1917 года.]

* * *

РАЗВЕРНУТЫЙ ФРОНТ.

Капитал переходит в наступление по всем направлениям. От тактики саботажа г.г. капиталисты переходят к открытой борьбе. Союз заводчиков и фабрикантов постановил ни в каком случае не допускать участия фабрично-заводских комитетов по вопросу о найме и увольнении служащих. В переговорах, которые идут сейчас между профессиональными союзами и фа-

брикантами по поводу заключения новых тарифных договоров, капиталисты не сговариваются, а выставляют «неурезанные лозунги», программу возвращения к дореволюционным временам. В ответ на требование металлистов о 8-часовом рабочем дне они выставили требование декрета от правительства о такой продолжительности рабочего дня, который обеспечил бы хозяевам ту производительность заводов, которая существовала до революции. На требование о приеме только членов профессионального союза ими было выдвинуто контр-предложение о том, что заводоуправление может принимать, кого ему угодно. В том же духе составлены ответы и на остальные требования металлистов, в таком же направлении идут переговоры у кожевников, текстильщиков и других.

Не дремлют и углепромышленники. Согласившись после скандальных оттяжек на передачу вопроса о заработной плате в согласительную комиссию, они сегодня через совет съездов горнопромышленников юга России выпустили воззвание ко всему населению, в котором весьма недвусмысленно грозят остановкой крупнейших заводов и предсказывают гибель Донецкого бассейна и России. И над всей этой картиной безудержной наглости капитала возвышается фигура сидящего в особом совещании по обороне Пальчинского, от которого, как заявил министр труда представителям кожевников, зависит сейчас все, вплоть до разрешения вопроса о правах заводских комитетов.

И еще один штришок: московская городская управа признала, что согласительная комиссия при переговорах с городскими рабочими превысила свои полномочия в одном из самых важных пунктов соглашения — о контроле рабочих над приемом и увольнением, трогательно сойдясь в этом с обществом заводчиков и фабрикантов. Можно поздравить думских эсеров с присоединением к этой теплой компании, но результат ясен: вопрос о всеобщей забастовке городских рабочих вновь стоит на очереди.

Грандиозный момент накануне осуществления. Но этого мало. Всеобщий локаут, как и всеобщая забастовка, является способом, главным образом, политической борьбы, а не экономической. И это чрезвычайно ярко сказалось на последнем кадетском съезде. «Пойдете ли вы на уступки?» — настоятельно

вопрошал там свой народ Милюков. «Нет, нет!» — отвечала аудитория.

И предложение Аджемова уступить, замарать немножко «белоснежные» (в глазах Корнилова?) одежды кадетов ради успеха на предстоящих выборах, не встретило сочувствия. Кадеты хотят теперь итти к власти в полной парадной форме капиталистического эксплоататора, и если так, то какое им дело до учредительного собрания. Можно ведь это проделать и помимо его.

Закрепляют кадеты и свой союз с казачеством. В аграрную реформу введен специальный пункт о неотчуждаемости казачьих земель. Очевидно, это расплата по векселю, выданному Каледину за стратегическое занятие казаками Донецкого бассейна. Сделка безубыточная — средства расплаты берутся ведь не от помещиков, а от малоземельных крестьян.

Все готово: цель — захват власти буржуазией, средство экономическое — локаут, боевое оружие — казаки. Столкновение неизбежно. Мы от него уклоняться не будем. Стратегии буржуазии мы противопоставим свою стратегию. А там — увидим.

Без подписи.

[«Социал-Демократ«, № 186, от 18 (31) октября 1917 г.]

* * *

19-е ОКТЯБРЯ В МОСКОВСКИХ СОВЕТАХ.

Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов сделал решительный шаг, дающий новое направление всей экономической борьбе московских рабочих, шаг, необходимо ведущий Советы к непосредственной борьбе за власть в общерусском масштабе.

19 октября СР и СД принял большинством 332 против 207 резолюцию, согласно которой Советы «1) декретируют по соглашению с Центральным Бюро профессиональных союзов удовлетворение требований рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка; 2) приглашают профессиональные союзы явочным порядком осуществлять постановления декретов

на заводах и фабриках; 3) ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, перед угрозой немедленного ареста их Советами; 4) одновременно выпускают декрет о моратории на квартирную плату; 5) принимают самое активное участие в деле мобилизации масс и создания органов борьбы за переход власти к революционной демократии». Советы решили властно вмешаться в конфликты, которые мало-по-малу захватывают всю рабочую массу Москвы и Московской области. Уже десять недель бастуют кожевники; деревообделочники, металлисты, текстильщики — накануне стачки. Городские рабочие и служащие едва сдерживаются — нет никакой уверенности, что их стачка (городская дума своей вызывающей, недостойной политикой подливает масла в огонь) не начнется завтра.

Возбуждение рабочих, вызываемое откровенной подготовкой локаута г.г. Смирновыми, Коноваловыми и К^{0}, растет не по дням, а по часам.

Грандиозный локаут, организуемый капиталистами при содействии временного правительства, грозит гибелью и разложением рабочему классу. «Саботируя производство и закрывая предприятия, не удовлетворяя целого ряда элементарных требований рабочего класса в целях обострения кризиса, капиталисты провоцируют пролетариат на стачку, нарушая своей деятельностью интересы широких кругов населения. «Коалиционное» правительство не только не поддерживает требований рабочего класса, но и открыто идет против него и его организаций».

Московские рабочие, как и рабочие всей России, в течение месяцев проявили стойкость, выдержку и организованность, вызывающие удивление и преклонение. Положение рабочих масс ужасно. Реальная (действительная) заработная плата стоит много ниже, чем плата в довоенное время. По официальным данным московской биржи труда за три года (с июня 1914 до августа 1917 года) заработная плата московских рабочих возросла в шесть раз (на 515$^{0}/_{0}$). Повышение как будто громадное! На деле же мы имеем ухудшение положения рабочих ибо цены на съестные продукты увеличились за то же время в шесть с половиной раз (хлеб, мясо, молоко, масло, сельди и др.); цены же на прочие предметы первой,

необходимости (материя, обувь, дрова, мыло, керосин и пр.) увеличились в двенадцать раз (на 1109%).

Каково же положение тех рабочих (например, большинства текстильщиков), заработная плата которых возросла всего в три-четыре раза!

Пришел конец долготерпению рабочего класса.

В Советы один за другим обращаются профессиональные союзы с заявлениями, что больше ждать и выносить издевательства капиталистов рабочие не могут. Массу нельзя больше сдерживать.

Справедливые требования рабочих правовые (признание заводских комитетов, вопрос о найме и увольнении рабочих) и экономические (повышение заработной платы) должны быть немедленно удовлетворены. Отдельные выступления рабочих были бы теперь громадным несчастием для революции; продолжение уже начавшихся стачек грозит нам неисчислимыми бедствиями. Эти соображения и заставили Московские Советы властно вмешаться в конфликт и декретировать удовлетворение требований рабочих. Сопротивление и саботаж промышленных акул должны быть сломлены самым решительным образом. Арест локаутчиков, уничтожающих самую промышленность и доводящих до полного истощения сотни тысяч рабочих,— необходимая мера. Но проведение этих мер несомненно ставит перед Московскими Советами, как и перед Советами всей России, вопрос о немедленном переходе власти в их руки. Начинается решительная борьба. В этой борьбе на стороне Советов стоит не только весь рабочий класс, но и громадное большинство революционного крестьянства, — армия, объединяющая самые активные элементы крестьянства, армия изголодавшаяся, раздетая и разутая благодаря саботажу тех же промышленников и помещиков. Мы уверены, что примеру Московских Советов последуют все Советы России (многие из них уже проводят у себя те же мероприятия). Меньшевики и эсеры еще раз подтвердили свою неспособность вести действительную (а не словесную) борьбу. Они предложили Советам и голодным рабочим еще раз послать делегацию во временное правительство с требованием вмешаться в конфликт, т.-е. просить г.г. Смирновых и Коноваловых, морящих голодом тысячи рабочих на собственных фабриках

(Ликинская мануфактура!), притти на помощь рабочим против капиталистов. Бедные меньшевики и социалисты-революционеры, куда вы зашли?!

Решительный шаг сделан.

Съезд Советов должен завершить начатое дело и взять всю власть в руки Советов.

Другого пути удовлетворения требований рабочих, крестьянских и солдатских масс нет.

Сплотитесь, все рабочие, солдаты и крестьяне, вокруг Советов и вашей революционной партии большевиков. Только самодеятельность революционного народа даст возможность Советам провести немедленно в жизнь все необходимые постановления и повести нас к полной победе в борьбе за мир, землю, хлеб и свободу.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 189, от 21 октября (3 ноября) 1917 г.]

* * *

ГРОМЯТ СОВЕТЫ.

Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне!

Крепче сомкнитесь вокруг Советов, встаньте на их защиту. На Советы идут походом, их хотят смести с лица земли, отдать вас прежним чиновникам.

18 октября в Калуге появились с минского фронта, присланные Минским штабом, войска — казаки, драгуны и броневики,—арестовали Совет, разгромили помещение.

Контр-революция начала наступление.

Буржуазные газеты все назначали выступление большевиков— сначала на 10 октября, потом на 17-е, потом на 20-е. Сегодня срок отодвинут ими — в одних газетах на 22 октября, в других — на 25-е. Раньше, когда масса верила этим газетам и правящим партиям соглашателей, выступление большевиков рисовалось в виде выступления небольшой кучки людей. Теперь, после решительного сдвига рабочих, солдатских, крестьянских масс к большевикам, буржуазия понимает, что выступление

большевиков — это выступление наиболее революционной, наиболее обездоленной и наиболее многочисленной массы народа.

Но еще прежде, чем эти массы выступили, буржуазия начала уже наступление. Вступив в союз через Керенских, Малянтовичей и других с правым крылом демократии, с частью мелкой буржуазии, буржуазия идет походом на революцию. Поход на рабочих ведется в грандиозных размерах; проводится локаут сотен тысяч рабочих в борьбе с организованными рабочими; крестьян держат под угрозой карательных отрядов; на Дону держат две казачьи дивизии; каменноугольные копи Донецкого бассейна окружены казаками; заговорщики против революции, Каледин и калединцы, не только не наказаны — с ними глава правительства эсер Керенский ведет таинственные переговоры; правое крыло эсеров даже представительство имеет от Казачьего Совета, который разрывает с Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; на Кубани, на Дону идет форменное подавление и вытеснение крестьян, не принадлежащих к казачьему сословию; к Петербургу стягивают контрреволюционные войска; из Петербурга требуют вывода двух третей революционного гарнизона; из Москвы требуют отправки первой запасной артиллерийской бригады, обнажая Москву, и без того плохо защищенную от натиска контр-революции в военном отношении. То в том, то в другом месте выступают перед юнкерами и казаками ораторы, принадлежащие иногда к партии эсеров, с призывом расправиться с большевиками. Этот призыв теперь означает расправу с большинством рабочих, солдат и крестьян. Этот же призыв открыто брошен Керенским; приготовления к расправе делаются в широких размерах в Петербурге и в других местах.

Все ждали, когда выступят большевики.

Не дождавшись, начали сами выступление. На этот раз, когда Советы готовятся взять власть в свои руки, борьба открыто ведется против Советов. Разгрому подвергся Совет в Ташкенте. Третьего дня — в Калуге, в Ржеве.

Буржуазные газеты твердят: в Калуге анархия. Какие ужасы! Совет Солдатских Депутатов самочинно устроил на один день гулянье в городском саду, чтобы собрать средства для Совета! Совет прорубил стену в комнате в губернаторском доме, чтобы

соединить две комнаты! Совет освободил из тюрьмы шесть анархистов. Если подобные факты «анархии» достаточны были для посылки карательного отряда в Калугу, то, конечно, давным-давно следует разгромить Москву, где самочинных, революционных шагов Совета можно насчитать гораздо больше и гораздо крупнее.

Подождите,—заявляет нам комиссар минского военного округа Галин: точно такие же меры намечены и для 12 других губерний и для Москвы. Пока в Калугу введены 2 эскадрона казаков, кавалерийский (драгунский) полк и три броневика

Что они сделали в Калуге? Арестовали членов Сов. Солдатских Депутатов; разгромили его самым основательным образом; разгромили помещение Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов; разгромили помещение партийных организаций, арестовали (потом освободили) некоторых членов Сов. Раб. Депутатов. Броневики и пулеметы окружили здание Совета и открыли пальбу.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Не верьте успокаивающим речам, усыпляющим вашу тревогу за революцию, за Советы. Помните: сегодня Калуга,— а завтра — Москва. Сплотитесь вокруг Советов! Отзовите из Совета всех тех, кто не умеет, не хочет бороться с планами буржуазии, кто поддерживает правительство Керенских и Коноваловых! Товарищи рабочие и крестьяне! Организуйте Красную гвардию, приведите в боевой порядок всю свою организацию! Товарищи солдаты! Переизберите свой Совет, укрепите его, чтобы он был боевым революционным органом! Пусть Москва покажет всем, кто готовится раздавить революцию, разгромив Советы, что в ней солдат и рабочий встанет грудью против контр-революционеров и найдет в себе силы не только для защиты, но и для победы!

И помните: наступление уже начато, и начато буржуазией!

Помните: вооруженному походу казаков на революционную Россию может положить конец только вооруженное восстание народа против власти буржуазии и переход всей власти в руки народа.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 190, от 22 октября (4 ноября) 1917 года.]

* * *

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА.

Резолюция, принятая на пленарном собрании Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов относительно вмешательства Советов в экономическую борьбу, вызвала небывалое ожесточение среди кругов, близких к локаутчикам. Все буржуазные газеты на разные лады поют одну и ту же песню ненависти к рабочему классу, попрежнему не брезгуя никакой клеветой. Но к этому хору голосов присоединяется и писк нашей соглашательской прессы: и меньшевики и эсеры не перестают тянуть старую-престарую канитель о «большевистской авантюре», о «демагогии» большевиков и прочих ужасах.

Что говорит резолюция Совета? Она требует вмешательства Совета в экономическую борьбу рабочего класса. Она говорит о репрессиях против капитала. Она говорит о том, что Советы должны перейти к действию.

В чем сущность теперешнего положения с точки зрения экономической борьбы? В том, что экономические стачки в значительной степени теряют смысл. Капиталистам выгодно не пускать в ход своего производства. А этим самым стачки обречены на неудачу. Где же выход?

Капитал нападает. Готовятся грандиозные локауты. Даже там, где капиталисты имеют возможность вести производство, они из политических соображений саботируют его, создавая хаос. Они готовят невиданную безработицу. Они по всему фронту идут походом на фабрично-заводские комитеты. С величайшим упорством, не щадя средств, они ведут борьбу против признания элементарных прав рабочих организаций.

Ясно, что вся экономическая борьба выходит теперь из обычных рамок. Ясно, что помимо вмешательства советских организаций, поддержанных всей массой, нет выхода.

Конечно, меньшевистско-эсеровские умники на все найдут ответ: они советуют обратиться ко временному правительству, к тому самому правительству, которое руками Смирнова душит рабочих, а руками казацких наемников разгоняет Советы. Однако нетрудно сообразить, каков будет результат этих ходатайств. Они будут положены под сукно Смирновыми, Третьяковыми и Коноваловыми, которые отнюдь не заинтересованы

в том, чтобы итти против своих же коллег, своих кумов, дядюшек и племянников, наконец, против самих себя.

Но мы будем «бороться», мы будем «давить», — отвечают наши противники. Как же вы будете это делать, господа? — спросим мы их. Вы хотите бороться с правительством? Но тогда вы должны строить ваши крепости в Советах, мобилизовать силы Советов, направляя их против Керенских и Коноваловых. Но вы этого не хотите, господа! Когда большевики проводили в Советах резолюцию о противопоставлении советских организаций органам так называемой законной власти, вы были вне себя. Ибо ваша формула — это формула подчинения правительству, а не борьбы с ним.

Совсем иной является наша позиция. Мы отлично знаем, что без борьбы Советы не смогут провести в жизнь всех своих постановлений. Им будет оказано жесточайшее сопротивление. Но это сопротивление должно быть сломлено. Как раз на этой борьбе будет происходить и дальнейшая мобилизация рабочей и солдатской массы вокруг Советов, как боевого центра, идущего по пути к завоеванию власти. Вмешательство в сферу экономической борьбы переходит таким образом в борьбу политическую, т.-е. в борьбу за государственную власть, и если буржуазия нагайками своих казаков объявляет снова вторую корниловщину, то это является сейчас еще лишним аргументом за правильность того пути, по которому пошел Московский Совет.

Этого не опровергнуть никаким соглашателям. И им остается обычное средство: «переиначивать». Если резолюция Совета говорит об осуществлении требований на местах под контролем профессиональных союзов, то «Вперед» пишет о «разрозненных, дезорганизованных» выступлениях; если большевики призывают к созданию органов борьбы, то Б. Кибрик пишет об отказе от классовой борьбы, и т. д., и т. д. Словом, практикуются обычные приемы.

Эти приемы не смутят ни рабочих ни солдат. Они будут итти своим путем уверенно, твердо, помня и о своих яростных врагах и о своих ложных друзьях.

К. Т.

[«Социал-Демократ», № 190, от 22 октября (4 ноября) 1917 года.]

* * *

К СОЦИАЛИЗМУ!

Вместе с крахом империалистского временного правительства обнаружился воочию и характер русской революции, о котором так много и так долго спорили.

В самом деле. Совершенно очевидно, что с переходом власти к Советам буржуазное государство рушится. Основная, самая крепкая организация буржуазии — ее государственная власть — исчезает. Создается новый, отличный по своему строению и по своим задачам аппарат власти, находящийся в распоряжении пролетариата и крестьянства, с явным перевесом организующих сил на стороне пролетариата.

С другой стороны, совершенно очевидно также, что на фабриках и заводах, в сфере экономической жизни самодержавный режим буржуазии разлагается.

Буржуазия не может при сложившихся отношениях быть здесь организующей силой. Все в большей степени сюда вмешиваются органы рабочей демократии, в первую голову фабрично-заводские комитеты. Но поскольку речь идет и об общегосударственном регулировании промышленности, то с переходом власти к Советам это регулирование практически совпадает с рабочим контролем.

При таких условиях отпадают основные признаки капиталистического порядка вещей: верховенство капитала и в политике и в экономике рушится. Настает некапиталистический, полусоциалистический порядок вещей. Полусоциалистический, так как, во-первых, это есть еще эпоха диктатуры, а не бесклассовый социализм, так как, во-вторых, слишком значительны еще будут на первых порах неорганизованные отношения в деревне.

Отсюда вытекают и величайшие трудности текущего этапа нашей революции. Здесь уже совершается не поверхностное изменение политической «надстройки», а коренная ломка производственных отношений. Правда, всякая революция сопровождается изменением производственных отношений. Никогда не бывает чисто политических революций. Но при буржуазных революциях изменения производственных отношений не имеют принципиального характера, ибо остается в неприкосновенности сам принцип частной собственности. На место помещика становится

капиталист, вместо одного частного собственника — другой. Как ни различен тип собственности, все же развитие совершается в общих рамках собственности и эксплоатации меньшинством громадного большинства. Совсем иное происходит теперь. Начинается принципиальное изменение частнособственнического и эксплоататорского строя, то-есть ломка самих основ капиталистического общества. Понятно, что ломка эта и построение нового общественного уклада не может не быть чрезвычайно болезненным, чрезвычайно мучительным процессом. Понятно, что на первых порах будут делаться ошибки, — ибо в мировой истории это первый «опыт», но железный ход событий властно ставит эту задачу в порядок дня, и отмахнуться от нее нельзя: ее нужно разрешать.

Задача организации экономической жизни становится еще более трудной потому, что война истощила и обескровила хозяйство страны, расстроила ее транспорт и ее финансы, привела к экономическому развалу невиданных размеров. Но и это обстоятельство не указывает другого выхода. Наоборот, оно с еще большей настойчивостью требует регулирования и организации промышленности, чего немыслимо при данных условиях ожидать от буржуазных локаутчиков.

Обычным доводом против такой постановки вопроса является то соображение, что Россия — страна промышленно отсталая, а следовательно, русская промышленность не может быть организована вообще. Но этот «довод» основан на простом незнании действительного положения дел. Отсталость русской экономической жизни выражается вовсе не в том, что у нас господствует мелкая промышленность — у нас уже синдицированная промышленность, — а в том, что вся она в целом играет сравнительно меньшую роль по отношению к сельскому хозяйству.

Но последнее обстоятельство ни в коей мере не решает вопроса о возможности регулирования промышленности в отрицательном смысле. Любопытно отметить, что наши противники из лагеря умеренных социалистов и даже некоторые буржуазные экономисты считают вполне возможным государственно-капиталистическое регулирование. Но государственно-капиталистическое регулирование отличается от рабочего кон-

троля, главным образом, тем, что государственная власть находится в руках другого класса. А это вопрос социального соотношения сил. Переход власти к Советам означает его положительное решение.

Гораздо более сложным является вопрос о связи города с деревней. Как ни мало значение городов, но все же его отнюдь нельзя преуменьшать. Контроль Советской власти («рабочий контроль») над промышленностью означает уничтожение анархического рынка сбыта для продуктов сельскохозяйственного производства. А это в корне меняет все направление развития. При таких условиях неизбежна растущая и организованная связь деревни с городом, т.-е. вовлечение даже мелкокрестьянского хозяйства в сферу общей производственной организации.

Такова, в общих чертах, линия хозяйственного развития, которая намечается при дальнейшем поступательном ходе русской революции.

Будет ли итти вперед революция?

Не расшибет ли она себе лба, наткнувшись на непреодолимые трудности?

Заранее говорить о непреодолимых трудностях нельзя. Они колоссальны. Вопросы продовольствия, транспорта, демобилизация армии; сопротивление и саботаж слоев, близко стоящих к крупнокапиталистической буржуазии — на этом не раз может споткнуться Советская власть. Но нет никаких оснований говорить, что она потерпит здесь банкротство. Если кто и сможет сделать ряд решительных шагов — то только эта, народная власть.

А потом не нужно забывать о главном. Нельзя рассматривать сейчас все вопросы революции в их национально-ограниченном масштабе. Что бы ни говорили нам «скептики», которые во всем сомневаются, всегда покачивают головой, будучи сами бесплодны, как евангельская смоковница, — все же за нами стоит международная революция.

Международная революция означает не только чисто политическое подкрепление русской революции. Она означает и хозяйственное подкрепление.

Обрезанные войной экономические связи восстанавливаются. Победа пролетариата на Западе дает возможность планомерно

лечить хозяйственные раны в России высоко-развитой западноевропейской техникой. Хозяйственная отсталость России возмещается высоким экономическим уровнем Европы, а русское хозяйство быстро втягивается — при победе пролетариата на Западе — в общеевропейскую социалистическую организацию.

На этот путь мы уже вступили. И по этому пути сознательные элементы демократии должны итти и неустанно, лихорадочно работать в этом направлении.

Гарантия полной победы — международная революция пролетариата. Поскольку же развитие этой революции зависит от России, сильнейшим толчком является переход власти к Советам, уничтожение власти империалистов. Полная, решительная победа рабочих, солдат и крестьян — это первое условие успеха. Эта задача стоит сейчас в центре всего. Эту задачу нужно разрешить раз навсегда.

Н. Б.

[«Социал-Демократ», № 194, от 27 октября (9 ноября) 1917 г.]

* * *

КРАХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Гражданин Керенский, повидимому, оказался плохим пророком. На последнем заседании так называемого Совета Российской Республики он предсказывал ликвидацию Петербургского Совета Временным Правительством. Но гораздо вероятнее, по всем признакам, другой исход, а именно: ликвидация Временного Правительства Петербургским Советом. Мы не решаемся еще петь Временному Правительству отходную, но теперь нелишне все же вспомнить его «заслуги перед родиной», «заслуги», которые вызвали ненависть к нему со стороны широких масс рабочих, солдат и крестьян.

Первое временное правительство, от которого пошли все остальные, при чем рукоположение исходило почти всегда от Керенского, было санкционировано Советами. Керенский получил власть от этих учреждений революционной демократии, тогда еще бывшей на привязи у капитала. Но после семи месяцев

с начала революции правительство Керенского не только не считается с Советами, но идет на Советы с оружием в руках. Ташкентский Совет был разгромлен башибузуками Керенского, Калужский Совет не был расстрелян только по чистой случайности. Против Петербургского Совета направляются ударные батальоны. Советы терпятся Керенским только до тех пор, пока они похожи на его лакейский предпарламент. Но «демократ» Керенский настолько «демократичен», что готов смести их с лица земли, как только они заявят о своем собственном суждении и о своей собственной воле.

Из ставленника Советов Керенский превратился в ставленника Рябушинских и в злостного противника революции.

С целью разгрома революции выводились и выводятся революционные войска из крупнейших городов; с этой же целью Керенский приказал Каледину занять шахты Донецкого бассейна; с этой же целью отсылалось из Петербурга оружие в калединскую столицу Новочеркасск; с этой же целью подтягиваются правительственные войска к Питеру, и войска минчан окружаются кольцом казаков. Словом, по всей России осуществлялся руками якобы революционного правительства заговор против революции.

Но заговор против революции — это значит заговор против рабочих и крестьян.

Подавление крестьянского движения было поэтому одной из важнейших сторон правительственной политики. Земельные крестьянские комитеты арестовывались. Под видом борьбы с погромами и анархией шла свирепая расправа с крестьянами, забиравшими помещичью землю. Были воскрешены карательные экспедиции против крестьян, совсем как в доброе, старое время.

По самому важному вопросу, по вопросу о войне и мире правительство действовало, как послушный ученик Милюкова — Бьюкенена — Родзянки. Корниловец и империалист стал выражать мнение правительства по иностранным делам. Генерал Алексеев прочился в заграничные агенты правительства. Даже архиневинный, с большим уклоном в сторону союзного империализма, наказ Скобелеву оказался преступным в глазах министерства иностранных дел. Никакой борьбы за мир, а борьба

за «цели» союзного империализма — вот что делало правительство. Оно затягивало войну, оно вело бешеную борьбу против сторонников мира, вводя смертную казнь и репрессии на фронте.

Его империалистская натура лучше всего сказалась на травле финляндцев и конфликтах с украинцами. Разгон сейма, в котором большинство было за социал-демократами—вот каково было понимание «права наций на самоопределение». И совсем недавно еще было издано распоряжение о запрещении украинского учредительного собрания и о предании суду членов центральной украинской рады.

Попытка задушить Советы, закрытие рабочих газет в Питере, активная помощь локаутчикам — все это подняло массы. Власть уходит из рук Временного Правительства. Власть переходит в руки Советов. Создается новая власть, власть мира и свободы.

К. Т.

[«Социал-Демократ», № 194, от 27 октября (9 ноября) 1917 г.]

* * *

ИЗ-ЗА ЧЕГО БОРЬБА?

Ожесточенная политическая борьба загорелась и будет разгораться все сильнее с каждым днем. Политические партии, защищающие дело буржуазии, изо всех сил стараются перетянуть на свою сторону хотя бы часть солдат и рабочих. На этом они строят все свои надежды. Ибо дела буржуазии теперь обстоят плохо. Ее правительство низвергнуто, ее защитники — старый состав Центр. Исп. Комитета Советов (меньшевики и эсеры) — Всероссийским Съездом смещены с постов, лакейский «Совет республики» по «приглашению» революционных матросов и солдат вынужден разойтись по домам. Победа народного восстания связала буржуазию по рукам и ногам. Она делает теперь отчаянные попытки, чтобы вновь вернуться к власти.

Каким правилом должны руководиться солдатские, рабочие и крестьянские массы для того, чтобы не попасться в сети

обмана, которые щедро расставляет им буржуазия, которые усиленно расставляют им перешедшие на сторону буржуазии партии социал-революционеров и меньшевиков?

Главное правило должно быть: никакого внимания к словам, никакого доверия к словам.

Доверие и внимание только к делам.

Когда кадеты, полукадеты и полукорниловцы говорят: «И мы за мир, и мы за землю», отвечаем им: «Восемь месяцев вы писали законы и управляли страной. Восемь месяцев вы длили войну и защищали помещичьи права. Восемь месяцев вы хорошими словами обманывали наше доверие. Теперь—с нас довольно. Мы хотим не посулов и обещаний, а немедленного осуществления революционных требований».

Совсем иначе, чем буржуазные партии, поступает партия пролетариата и всей бедноты.

Всего два-три дня, как она получила в свои руки власть и право вводить законы, и она немедленно, без долгих слов, стала осуществлять все то, чего не хотели осуществить буржуазные и мелкобуржуазные партии: помещичья собственность на землю уничтожена, смертная казнь отменена, мирное предложение сделано.

Из-за чего же идет борьба? Борьба идет потому, что буржуазия и помещики не хотят допустить осуществления этих законов, хотят их сорвать. На основании принятого Всероссийским Съездом Советов закона о земле все прежние помещичьи земли отныне принадлежат крестьянам. Но этот закон в силе только до тех пор, пока на страже его стоит и проводит его избранный Всероссийским Съездом Совет Народных Комиссаров.

Помещики, буржуа и их прислужники борются против этой народной власти именно потому, что они борются против изданных ею постановлений о земле и о предложении мира.

Они борются и потому, что знают хорошо: наша партия не остановится перед тем, чтобы наносить дальнейшие беспощадные удары интересам имущих классов в интересах всей бедноты, в интересах измученной армии, в интересах всех голодных и угнетенных.

Кончилось царство буржуазии. Новую жизнь теперь будет строить народ, постепенно, но неуклонно создавая царство осво-

божденного труда. Конец самодержавию помещиков, конец самовластию капиталистов, конец войнам буржуазных хищников!

Вот что пишет на своих знаменах великая революция рабочих, солдат и крестьян. Вот **против чего** ведут борьбу наши противники, вот **за что** мы будем бороться до смерти или **до полной победы!**

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 195, от 30 октября (12 ноября) 1917 г.]

* * *

НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАПИТАЛ.

Товарищи!

Новая революция, которая уже опрокинула трон Керенского, капиталистов и помещиков, привела к власти **Совет Народных Комиссаров.**

Совет Народных Комиссаров в Петербурге — это правительство рабочих, солдат и деревенской бедноты. Это правительство всех угнетенных **против** всех угнетателей, против помещиков, заводчиков, биржевиков, спекулянтов, своих русских, немецких, английских, американских. Это — настоящее правительство **народной**, рабочей революции.

В феврале — апреле на место диких помещиков стали тузы промышленности — Гучковы и Коноваловы.

В октябре в Питере власть перешла из рук денежных тузов в руки рабочих и солдат.

Первый раз в истории человечества одержана такая победа.

Последствия ее **неисчислимы.**

Посреди грохота мировой бойни, затеянной капиталом, к победе продвинулся революционный пролетариат, самый беспощадный враг захватов, империализма, капитала.

Это означает, что **впервые** целая страна порывает все соглашения с международным капиталом. Недаром уже спешат удрать из России представители капиталистических правительств.

Пусть! У революции будут развязаны руки. Вместе с ударом по международному капиталу будет дан могучий толчок **международной рабочей революции.**

Товарищи!

Целый мир смотрит сейчас на нас. От наших побед зависит и победа европейского социализма.

Великая, грандиозная задача выпала нам на долю. Будем достойны этой задачи.

За дело рабочих, крестьян, солдат идем дружной ратью вперед!

Наши враги защищают позорный строй рабства.

Мы защищаем лучшее будущее всего человечества — социализм!

Да здравствует наш натиск на слабеющего врага!

Да здравствует победа!

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 196, от 31 октября (13 ноября) 1917 г.]

* * *

НОЯБРЬ

ЧЕГО ХОТЯТ БОЛЬШЕВИКИ?

Такой вопрос ставит себе средний обыватель. Рабочие и солдаты отлично знают, что большевики защищают интересы бедноты, и что за эти интересы они будут биться до конца. Но вот обыватель — не рабочий и не солдат, — а мелкий лавочник, ремесленник, учительница, средний почтовый служащий, телефонистка—все они совсем не понимают, из-за чего идет борьба, чего в самом деле хотят большевики. Тысячи самых вздорных слухов ходят среди них. Послушать их разговоры,—можно просто ужаснуться: до какой степени эти люди одурачены капиталистической прессой! Все они зарабатывают гроши; жизнь у них подчас нищенская. Но воспитанные капиталом, не находясь в общении с рабочим классом, они становятся послушными рабами капитала и поддерживают своих злостных эксплоататоров.

«Большевики — это грабители». «Большевики хотят все отнять». «Большевики — немецкие агенты». «Большевики — противники всякого порядка». «Большевики — насильники». «Большевики хотят сорвать Учредительное Собрание» и т. д. Такие толки и пересуды, как комары в летний вечер, летают среди обывателей. И вот некоторые из них, особенно перепуганные, забиваются в темный угол и молятся «неведомому богу» об избавлении от ужасных большевиков. Другие, более озлобленные и менее трусливые, разбалтывают на всех перекрестках чепуху про большевиков. Третьи — занимают выжидательную позицию и просто посматривают, что-то будет. И первые, и вторые, и третьи, сами того не сознавая, играют лишь роль слепых орудий капитала, осужденных на вечное порабощение, *если их не освободит рабочий класс*, против которого они так настроены.

В самом деле, от чего страдает мелкий люд сейчас больше всего? От разрухи, отсутствия порядка, от дороговизны, бестоварья, от войны: ведь даже средний обыватель понимает, что истощение страны войной — это корень большинства наших теперешних зол.

Но именно большевики и являются самыми последовательными борцами за мир. В самом деле, ни одна партия и ни одна организация не выказали такой несгибаемой воли к миру, как партия большевиков. О чисто буржуазных партиях нечего и говорить: Милюковы и до сего дня щелкают зубами и проповедуют войну. Но даже наши ближайшие соседи справа, благодаря своему соглашательству с воинствующей крупной буржуазией, не могут вести действительно мирной политики. Они могут выдавливать иногда из себя фразы о мире, но они не могут делать решительных шагов в этом направлении. Ибо они боятся резкого разрыва с буржуазией.

Только наша партия не боится такого разрыва. Вот почему большевики — это партия мира. Вот почему одним из первых шагов нового правительства Народных Комиссаров была выработка декрета о мире. Первый раз был предложен всем правительствам и всем народам мир; первый раз за все время войны предложено заключить немедленное перемирие.

Но большевики — говорят нам — хотят заключить мир, а дома заняться грабежом. Они хотят не платить государственных долгов и разорят мелких вкладчиков. Они будут отнимать у мелкого собственника его жалкую копейку. Они снимут последнюю рубашку.

Неправда! Никаких конфискаций и реквизиций у мелкого люда не будет. Мелкие вкладчики будут вознаграждены. Мелкая собственность останется в полной неприкосновенности.

Что же касается крупной, то от того, что будут затронуты интересы крупных заводчиков и фабрикантов, домовладельцев и спекулянтов, оптовых торговцев и банкиров, — от этого обыватель только выиграет.

В самом деле, если, скажем, будут введены карточки на квартиры и введено понижение или временная отмена квартирной платы, — кто будет от этого страдать? Конечно, не учитель,

не чиновник, не телефонистка. Они нанимают квартиры, а не сдают. От этого получается некоторая неприятность для домовладельца, который в течение ряда лет выкачивал деньгу из своих квартирантов, ничего не делая.

Или возьмем другой случай. Совет Народных Комиссаров издал уже декрет о передаче всей помещичьей земли крестьянам. Конечно, это очень невыгодно для помещиков, которые сдавали землю крестьянам по бешеной цене. Это, наоборот, очень выгодно так называемым «мужикам».

Для крупного зажиточного горожанина-капиталиста это может быть подчас так же невыгодно, как и для помещика: он может быть связан с земельными банками, которые страдают от того, что крестьянину стало легче. Совсем другое — мелкий обыватель. У него нет гор золота или ценных бумаг. Он еле-еле сводит концы с концами, получая каких-нибудь 200—300 рублей в месяц, на которые нужно прокормить иногда целую семью. Сейчас он страдает от недостатка хлеба. Но этот хлеб крестьяне гораздо охотнее повезут в города, когда они увидят, что новое правительство Советов дало им землю. Еще большее значение имеет конфискация хлебных запасов у оптовых торговцев хлебом и в помещичьих экономиях, от которой «страдают» мародеры тыла и волки международной биржи, от которой выиграют обыватели.

Хорошо. Но вот большевики не хотят порядка. Сейчас всюду безалаберщина: на железных дорогах, в трамвае, в магазинах, на улицах и на площадях, на фабриках и на заводах, в городах и в деревнях. А большевики хотят узаконить эту анархию.

И это неправда! Сейчас две силы создают беспорядок: во-первых — война, во-вторых — злая воля крупных хищников капитала, которые нарочно закрывают предприятия, нарочно саботируют подвоз хлебов в целях создания суматохи. Недаром Рябушинский обещал народу «костлявую руку голода». Порядок может быть, конечно, создан и кнутом и виселицей. Мертвецы — самый спокойный народ. Но такой, корниловский порядок есть смерть и рабство. Может быть другой порядок: когда производство организовано, все запасы берутся на учет, правильно распределяются; когда всякая злая воля капитала парализуется; когда спекулянты обузданы; когда народный контроль господ-

ствует над тем, над чем раньше господствовало хищничество спекуляции и мародерства. Это есть **порядок революции**. Такого порядка и хотят большевики. Но такой порядок выгоден также и всем тем обиженным жизнью, которые часто не понимают своих же собственных интересов.

Да. Но большевики хотят сорвать Учредительное Собрание. Они боятся народного голоса. Они смотрят только на рабочих.

Опять неверно. Большевики — это чисто рабочая партия. Но **именно поэтому** они действуют в интересах всего трудящегося населения. Потому что, если они свергают господство капитала, то тем самым они уничтожают зависимость крестьянина от ростовщика, квартиронанимателя от домовладельца-капиталиста, чиновника от капиталистического государства, потребителя от спекулянта.

Вот почему рабочая партия стоит за созыв народных представителей в Учредительное Собрание. Вот почему одним из первых декретов правительства Народных Комиссаров был декрет **о созыве Учредительного Собрания в назначенный срок**. Этот декрет был подписан не кем иным, как тов. Лениным.

Почему же на нас клевещут? Почему про нас рассказывают всякие небылицы? Да как раз для того, чтобы обмануть и подчинить мелкий люд идейному влиянию крупного капитала.

Мир, рабочий контроль над производством, обуздание крупного капитала, земля крестьянам, революционный порядок, избавление от гнета домовладельцев и спекулянтов, созыв Учредительного Собрания — вот под какими лозунгами дня идут большевики. И те обыватели, которые не хотят быть простыми пешками в руках крупного капитала, не только не должны точить зубы на большевиков, но они должны их **поддерживать**.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 197, от 1 (14) ноября 1917 года.]

* * *

МАСКИ ДОЛОЙ!

С того момента, как выяснилось, что большинство второго съезда против политики соглашателей, последние поняли, что их дело в рядах революционной демократии проиграно. А когда съезд назначил рабочее и крестьянское правительство, ярость предателей революции не знала границ. В их газетах началась такая бешеная травля нового правительства и поддерживающих его партий, особенно большевиков, что перед нею побледнели все черносотенные газетки времен царского самодержавия. Каждое слово этих газет («Дело Народа», «Воля Народа», «Рабочая Газета», «Народное Слово», «Солдатский Крик» и пр.) — написано слюною бешеной собаки. Нет той низкой клеветы, того грубого ругательства, того гнусного измышления, которые эти озлобленные своей неудачей люди не пускали в ход против рабочих, крестьян, солдат и матросов, восставших на защиту народных прав. Читая эти грязные листки, с ужасом видишь, что нет пределов человеческой низости, и убеждаешься, что корниловские тряпки вроде «Живого Слова» и «Новой Руси» были образцами благовоспитанности и политической честности в сравнении с постыдной прессой соглашателей.

Если бы большевики в действительности руководились фракционными соображениями, как об этом со всех крыш твердят их враги, а не интересами революции и народа, то после всех низостей, совершонных соглашателями, они не стали бы с ними разговаривать. Но большевики ставят на первый план дело. И они теперь определенно это доказали.

Во время выборов в новый Центральный Исполнительный Комитет Советов Р., С. и Кр. Депутатов большевики, в полном согласии со всеми другими партиями, признали, что правом пропорционального представительства в этом верховном (после съезда) органе революционной демократии пользуются также те фракции, которые ушли со съезда. И если их до сих пор там нет, то это объясняется тем, что они предпочли действовать совместно не с рабочими, крестьянами и солдатами, а с корниловцами, Керенским, Савинковым и другими.

Такое же отношение к делу проявили большевики, когда Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного

союза выступил со своим примирительным предложением относительно преобразования Временного Революционного Правительства в смысле включения в него представителей всех партий, входящих в состав Советов. Большевистский ЦК, а затем и ЦИК, в котором большевики располагают большинством, высказались в пользу этого предложения, в интересах упрочения революции и ее завоеваний.

Можно было думать, что это предложение сделано было большевикам товарищами железнодорожниками не без ведома господ соглашателей. Таким образом казалось, что эти люди опомнились, поняли, какую контр-революционную роль они играют в этот час трагической схватки между революционным народом и силами реакции, группирующимися вокруг изменника Керенского. Ведь для всех было совершенно очевидно, что победить пролетариат и революционных солдат можно только с помощью корниловцев и калединцев. А в случае победы эти несомненные царисты не остановились бы на полдороге. Если они сразу и не решились бы восстановить формально старый режим, то во всяком случае они завели бы такие порядки, что на деле с революцией было бы покончено. Рабочий класс был бы подавлен и перебит, солдатские организации разгромлены, права солдат и матросов отменены, крестьяне возвращены под прежнее иго помещиков и т. д. Конечно, среди той разношерстной рати, которая сосредоточивается вокруг «Комитета спасения революции» (а не контр-революции?), есть сторонники и полного восстановления старого порядка. Но ведь те меньшевики и правые эсеры, которые сейчас играют жалкую роль подголосков корниловца Керенского, не к этому стремятся. Ведь они, ослепленные партийной ненавистью, просто хотят «изничтожить» большевиков, отбивших и продолжающих отбивать у них сторонников, которым надоела колеблющаяся и предательская политика вождей соглашательства. Они хотят уничтожить большевиков в буквальном смысле, перебить их, разогнать, загнать в подполье, чтобы на развалинах партии пролетариата увековечить господство своих скомпрометированных группок и убрать с глаз неустанного обличителя всех их преступлений перед революцией.

Вот почему можно было надеяться, что соглашатели сознали тщету своих надежд справиться с рабочими и солдатами собственными силами, но вместе с тем, не желая обеспечить своей поддержкой победу корниловцев и таким образом погубить дело всей революции, признали свои ошибки и согласились восстановить против врагов революции единый фронт всей революционной демократии. Но оказалось, что мы были слишком хорошего мнения о соглашателях.

На совещании по поводу выдвинутого железнодорожниками плана соглашатели предложили оригинальный способ восстановления единого революционного фронта. Они предлагали ни более ни менее как исключить из будущего правительства самую сильную партию пролетариата, большевиков (под предлогом, что ее ненавидит мещанство, т. е. контр-революционная мелкая буржуазия, отголоском которой соглашатели являются), но зато включить в состав однородного социалистического правительства (не смейтесь, товарищи!) народных социалистов и трудовиков, т. е. кучку замаскированных кадетов, не имеющих никакой опоры и никакого влияния на трудящиеся массы. Этого мало. Господа соглашатели имели наглость предложить, чтобы победоносно восставшие рабочие и солдаты отказались от сопротивления войскам изменника Керенского, чтобы Военно-Революционный Комитет был распущен, а гарнизон был передан в руки городского самоуправления, состоящего из правых эсеров и кадетов. Зато они милостиво обещали исходатайствовать у Керенского, чтобы он не применял репрессий к большевикам.

Таким образом эти предатели революции сняли с себя маски. Они хотят взять революцию не мытьем, так катаньем. Не будучи в состоянии победить ее силой, они надеются взять ее хитростью. Они хотят разоружить рабочих, внести деморализацию (разложение) в гарнизон и расчистить путь для свирепых репрессий. Если даже жалкий Керенский дал слово соглашателям, что он будет «милостив» и «великодушен», и если бы он сам не хотел нарушить своего слова (чему раскусившие его рабочие и солдаты никогда не поверят), то ведь он не более как орудие в руках бандитов контр-революции, которые уже ждут — не дождутся, чтобы пустить кровь рабочим, солдатам, матросам и крестьянам. Таким же орудием в тех же кровавых

руках являются и соглашатели. И все они вместе всей своей политикой готовят удушение народа и революции.

Теперь это начинают понимать те демократические элементы, которые, вследствие неодобрения ими большевистской тактики, шли рука об руку с меньшевиками и правыми эсерами. Нет худа без добра. И мы надеемся, что после того как предатели революции разоблачились и нечаянно выдали свое тайное желание предать революцию на поток и разграбление Керенскому и стоящим за ним корниловцам, эти честные демократические элементы отшатнутся от соглашателей и поймут, что их место в рядах борющегося народа. Левые эсеры, объединенные эсдеки-интернационалисты, меньшевики-интернационалисты, железнодорожники, почтовики и другие представители трудящихся должны, наконец, убедиться, к чему толкают их мнимые «спасители революции» с Керенским и Калединым, и раз навсегда твердо сказать себе, что в час решительной схватки между революционным народом и реакцией их место по сю сторону баррикады вместе с рабочими, солдатами и крестьянами против угнетателей и обманщиков всякого сорта.

Единый фронт революционной демократии необходим теперь более, чем когда-либо. Но события последних дней показали, что сами поставили себя за пределами единой демократической семьи те, кто по партийной злобе готов предать трудящихся связанными в руки их злейших врагов и объединиться с бонапартистскими заговорщиками, с казацкой старшиной, с реакционным генералитетом, с корниловцами всяких рангов для удушения революции, неизбежности которого в случае победы Керенского они не могут не предвидеть.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 198, от 2 (15) ноября 1917 года.]

* * *

КАЛЕДИН И АВКСЕНТЬЕВ.

В «Листке Социал-Демократа» уже было сделано сообщение о гнуснейшем заговоре против народа со стороны московских общественных деятелей (Рябушинский, Астров, Родзянко и К°) и генерала К а л е д и н а.

Там же упоминалось и о подозрительном блоке между правыми эсерами и кадетами. Указывалось, что Руднев (городской голова, правый эсер), который вооружал буржуазную гвардию, имел всевозможные переговоры с лицами, в свою очередь договаривавшимися с генералом Калединым.

Теперь вполне уже обнаружилось, что предательство Руднева не есть только его личное предательство. Нет. Оказывается, что правые эсеры вообще имели определенный план: они сознательно решили выдать и предать своих левых товарищей на съедение юнкерам.

В самом деле. В Петербурге правые эсеры Гоц и Авксентьев поднимают восстание юнкеров против солдат и рабочих. Заговор их случайно обнаружился. Юнкера сметены. Но каково поведение предателей! С одной стороны, они ведут «мирные переговоры», с другой — они отдают тайные приказы барским сынкам к вероломному нападению из-за угла; с одной стороны, они выставляют своих левых товарищей кандидатами по своему списку в Учредительное Собрание, с другой — они готовят им же штыки и пули.

Мало того, Гоцы и Авксентьевы через своего друга Керенского входят в прямую связь с Калединым. Но посмотрите, какую жалкую роль играют эти политические проститутки в доме донского атамана.

Нашим петербургским товарищам удалось перехватить переговоры между столичными врагами революции и черносотенными молодцами Каледина. Здесь сообщается, что на Дону Каледин образовывает русское правительство в полном согласии с московскими общественными деятелями. Оказывается, что Каледин приглашает и Керенского для этого. дела. Но как отзываются эти герои о Керенском? А вот как:

> «Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, как наживу для известного сорта рыбы».

Вот она, настоящая роль Керенских, Рудневых, Авксентьевых. Они нужны Каледину, юнкерам, московским толстосумам, как средство обмана доверчивой «рыбы». Они нанимают себе услуги людей, которых сами считают «проходимцами». А эти господа, потерявшие совесть, стыд, самолюбие, продают себя

с публичного торга, предавая народ, выдавая рабочих и солдат мошенникам крупного капитала.

Все рабочие, все явные эсеры должны же, наконец, понять, что с такими людьми не разговаривают.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 193, от 2 (15) ноября 1917 г.]

* * *

ГЕРОИ ЛЖИ И ПОДЛОГА.

Орудием самозащиты у некоторых гнусных животных служит выделение зловонной жидкости.

Орудием борьбы буржуазных газетчиков и политических проходимцев является клевета и подлог.

Когда-то в дореволюционные времена была еще «честная» буржуазная печать: она вела свою линию, не выходила из пределов умеренности и аккуратности, но она не подличала на каждом шагу: у нее еще был запас аргументов, ибо она чувствовала, что у нее есть еще завтрашний день.

Второй этап русской революции отнял у буржуазии эту надежду и превратил «честную» буржуазную печать в рассадник черносотенной погромной клеветы, в фабрику лжи и обмана, планомерно производимого в лошадиных дозах для отравления отечественной и заграничной публики.

Но оставалась еще честная «демократическая» печать: умеренные социалисты, демократы, которые брезгливо отворачивались от произведений желтых листков Сувориных-детей.

Однако — увы! И этот этап оказался пройденным. Лишь только правые эсеры и меньшевики своей предательской позицией стали отталкивать от себя массы, как эти почтенные граждане начали удивительно смахивать на своих соседей справа, высовывая из-под «социалистической» маски физиономию Иуды.

И как раз тогда, когда Рудневы из кожи лезли вон, чтобы руками юнкеров придушить рабочих и солдат в Москве; когда Гоцы и Авксентьевы совместно с донским разбойником Кале-

диным, убийцей солдат и пролазой Керенским, присяжным клеветником и контр-разведчиком Алексинским и целой плеядой таких же негодяев попытались напасть сзади на победоносную петербургскую революцию, — как раз тогда газеты правых эсеров и меньшевиков побили рекорд лжи и подлога.

«Труд» — орган московских эсеров в первые же дни великой борьбы распространил провокационное известие о падении Петербурга и о ликвидации «большевистского мятежа».

Питерская «Воля Народа» описывала сдачу Зимнего дворца советским войскам в тоне рассвирепевшего Кит-Китыча. В самом деле, вы послушайте только:

«Непередаваемо-бессмысленная, но планомерная, будто задуманная оргия разрушения продолжалась несколько часов и прекратилась только тогда, когда «завоеватели» нашли новое достойное их доблести и воинской чести дело, занявшись преступным и позорным издевательством над женщинами ударного батальона.

Сумма разграбленных и уничтоженных исторических сокровищ Зимнего дворца оценивается приблизительно в 500 милл. рублей».

Конечно, здесь не было ни слова правды.

«Дело Народа», орган ренегата Чернова, печатает сообщение о том, что генерал Маниковский присужден к смертной казни и должен быть расстрелян, в то самое время, когда Маниковский даже не под арестом и спокойно соглашается работать под контролем народного комиссара тов. Крыленко.

Петербургские меньшевики - оборонцы, потерявшие всякий кредит в массах, пускаются на уловки черносотенных хулиганов. Питерские черносотенцы, как известно, одно время стали было издавать газету «Народная Правда», чтобы светлым именем «Правды» прикрыть свою липкую и вонючую грязь. Наши герои стали уже издавать газету «Искры», ибо в Питере выходит орган меньшевиков-интернационалистов под заглавием «Искра».

Московский «Вперед» в начале восстания услужливо-лакейски помещает клеветническую заметку, что Совет Рабочих Депутатов занят пьяными патрулями солдат, т.-е. начинает такую же гнусную травлю идущих на смерть за свободу граждан, как самые гнусные отребья царского генералитета.

«Воля Народа», с одной стороны, эсеровский петербургский городской голова Шрейдер — с другой, распространяют гнусней-

шую ложь о якобы бывших большевистских зверствах над арестованными юнкерами: их будто бы били, расстреливали, не давали им еды, так что некоторые сходили с ума и пр.

Специальная комиссия, посланная и х ж е думой, нашла все это, конечно, вздором. Но «Воля Народа» имела наглость обвинять еще в «сокрытии» этих якобы «фактов» «Новую Жизнь», не поместив результатов расследования (см. «Новую Жизнь», № 167). Такую же клевету разносили эти, с позволения сказать, органы и относительно обращения с арестованными министрами.

«Дело Народа» от 28 октября поместила статью «Обманутые», где самым циничным и мерзким образом дурачила своих читателей, заверяя, что б о л ь ш е в и к и обманули матросов «Самсона», вызвав их для «своих целей». Матросы, конечно, не замедлили пригвоздить к позорному столбу клеветников из черновской газеты (см. их письмо в «Правде», № 173).

П и т е р с к и й «к о м и т е т с п а с е н и я» (спасения барышей капитала), действующий вместе с эсерами и меньшевиками, печатает телеграмму из Москвы, в которой, между прочим, сказано:

«Подавление мятежа обеспечено, раздражение велико. Жертв очень много с обеих сторон и среди мирного населения, р а с с т р е л и в а е м о г о с к р ы ш б о л ь ш е в и к а м и». (Цит. по «Нов. Жизни», № 167.

Полагаем, что излишне даже говорить обо всей гнусности таких «сообщений».

Мы могли бы привести еще д е с я т к и подобных перлов: они украшают собой сплошь чуть ли не все столбцы право-эсеровской и меньшевистской печати. Точно так же, как в былое время буржуазная сволочь клеветала на коммунаров, эти «демократы», сделавшие себе из предательства специальность, клевещут с каким-то болезненным сладострастием на мужественных борцов революции и социализма. В то время, как рабочие и солдаты проливают свою кровь и умирают под разрывными пулями помещичьих сынков, наглецы и циники, до сих пор без краски стыда называющие себя социалистами, обливают их ушатами клеветы на радость господам Рябушинским.

Но велик бог русской революции. Несмотря ни на какие крики изменников, рабочие, солдаты и крестьяне все теснее сплачивают свои ряды, и с каждым часом все быстрее отсту-

пает противник. В главных пунктах разбиты его вооруженные силы.

Клевета не смогла расстроить сплоченных рядов борцов революции. Но не забудется клеветникам их жалкая роль грязных наймитов капитала. Вместе с мусором старого режима они будут выметены метлой народной революции.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 199, от 3 (16) ноября 1917 года.]

* * *

МАНИФЕСТ

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКИХ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ МОСКВЫ.

Товарищи и граждане!

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявши вооруженную руку против революции, разбиты на-голову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизона. Под грохот мировой войны в столице России центральная государственная власть перешла в руки Всероссийского Съезда Советов. Это — власть самого народа: рабочих, солдат, крестьян. Это — власть мира и свободы. Это — власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам, отменила смертную казнь, введенную изменником революции Керенским. Верховный полномочный орган всей российской демократии выдвинул ее. И всякий, кто поднимает против нее вооруженную руку, будет сметен революционным народом.

Московская буржуазия пулеметами юнкеров и револьверами белой гвардии объявила восстание против народного правитель-

ства. Ей нужно было снова возвратить землю помещикам, восстановить смертную казнь, затянуть дело мира.

Беззаветный героизм солдат и Красной рабочей гвардии спас революцию.

Сломив сопротивление врага, Военно-Революционный Комитет объявляет от имени рабочих и солдат:

Все меры будут приняты для восстановления нормальной жизни города. Фабрики и заводы будут пущены в ход по приказу Комитета. Банки, конторы и магазины откроются по его распоряжению. Все будет сделано для обеспечения города продовольствием. Нарушители революционного порядка — грабители, погромщики, мародеры, торговцы спиртом будут судимы беспощадным судом.

Товарищи и граждане!

Весь мир переживает колоссальный кризис. Война, вызванная капиталом, привела к глубокому потрясению, всколыхнув рабочие массы во всех странах. Повсюду нарастает революция пролетариата. И русскому рабочему классу выпала великая честь первому низвергнуть господство буржуазии. Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своей кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

Слава павшим в великой борьбе!

Да будет их дело—делом живущих!

Военно-Революционный Комитет Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

[«Социал-Демократ», № 200, от 4 (17) ноября 1917 г.]

* * *

ЧЕРНОСОТЕННЫЕ «СОЦИАЛИСТЫ».

Есть предел и предательству. Но для предательства правых эсеров и меньшевиков нет предела.

Выпущенные из юнкерского плена товарищи передают, что в черносотенном лагере громил революции на-ряду с князем Друцким, обещавшим когда-то «расстрелять эту сволочь» (т.-е. Советы), находились и правые эсеры, члены бывшего (низложен-

ного солдатами) Исполнительного Комитета Совета Солдатских Депутатов — Шубников, Шмерлинг и другие.

И вы знаете, чем занимались они?

Шмерлинг допрашивал и «давал показания» относительно арестованных. На языке революционеров это называется шпионством и предательством. «Шпионы Керенского» — вот настоящее имя этих негодяев.

В Москве ранен наш товарищ левый эсер Саблин. Ранен он пулями юнкеров, сыщиками которых служат господа Шмерлинги. Какими глазами будут они смотреть на тов. Саблина?

* *
*

Газета «Труд и Земля и Воля», в припадке безумного лганья пишет:

«В кошмарные дни Октябрьской «революции» все истинно-живое, все подлинно-демократическое объединилось против большевиков».

Кто же эти «живые силы»,— позвольте вас спросить? Юнкера? Белогвардейцы? Помещичьи сынки? Ведь, у вас никого не было, почтенные граждане, кроме такой чрезвычайно странной «демократии».

А вот на стороне тех, кого вы обливаете помоями, были все солдаты, все рабочие, были лучшие из вашей же партии, те, кто не захотели вместе с вами предавать народ и ушли от вас.

Но газета, называющая себя «крестьянской», конечно, не признает за демократию ни солдат, большинство из которых крестьяне, ни рабочих. Не удивительно, что она не печатает ни строки, не солгав самым бесцеремонным образом: «большевики продолжают расстреливать мирное население», идут под лозунгом «патронов не жалеть», «вторгаются в частные квартиры», разрушают «святыни религии», (дух Руднева витает над газетами), устраивают «возмутительные насилия»—все это напечатано на одной странице двух соединенных газет разом.

А все же, не думаете ли вы, господа, что вы — неудачные убийцы товарища Саблина, убийцы, которые еще клевещут.

Без подписи.

[«Социал-Демократ», № 201, от 5 (18) ноября 1917 г.]

* * *

О МОСКОВСКИХ СОБЫТИЯХ.

Речь тов. Бухарина

на заседании всеросс. центр. исполн. комитета советов рабоч. и солдатск. депутатов II созыва.

Протокол № 6, 6 ноября 1917 года.

Товарищи, гаеты называющие себя радикальными, социалистическими, даже на три четверти большевистскими, как «Новая Жизнь», сообщили вам о бесчисленных грабежах в Москве, об истреблении исторических художественных ценностей и т. д., и т. д. Та же самая, с дозволения сказать, печать сообщила нам в Москве о массовом пьянстве солдат в Петрограде, об изнасилованиях ударниц, о полном разгроме питерского восстания и т. д., и т. д. Подобные сообщения имеют единственною целью посеять сумятицу в душах борющейся революционной армии и пролетариата и облегчить победу контр-революционной буржуазии. И я должен сознаться, что нам было в высшей степени тягостно слушать известия о поражении революционного Петрограда, хотя эти известия — точно так, же как и гнусная клевета на петроградцев, которой мы не верили ни одной секунды — не поколебали в нас ни на одну минуту нашей беззаветной решимости бороться до конца за наши идеалы. И борьба затянулась в Москве не благодаря отсутствию или недостатку этой решимости: это произошло лишь потому, что мы, революционеры, слишком великодушны для борьбы, вместе с тем потому, что юнкера слишком долго пользовались полной свободой для организации контр-революции, что они ежедневно имели возможность по нескольку часов упражняться в стрельбе из пулеметов, что они имели слишком достаточно времени для переговоров с Калединым, что они успели и сумели сорганизовать свой боевой штаб в то время, когда мы вынуждены были организоваться, так сказать, в пылу боя. Тем не менее судьба боя была предрешена. С первой же минуты на борьбу за власть Советов поднялась вся революционная Москва, и мы вместе со всем серым солдатским гарнизоном получили все средства борьбы, до прожекторов и одиннадцатидюймовых орудий включительно. Мы имели также

аэропланы, пользуясь которыми мы могли бы без всякого труда разрушить совиные гнезда контр-революционных штабов. Но Военно-Революционный Комитет не принял должной решимости в этом случае, и отчасти поэтому также затянулась война с московской буржуазией. Причиной этой затяжки борьбы также была предательская тактика меньшевиков и эсеров. Левые эсеры со всей своей активностью и с необычайным героизмом сражались бок о бок с нами, но правые эсеры, с городским головой Рудневым во главе, делали все, что только было в их силах, для подавления нашего восстания. Я начну с их тактики в Совете Раб. и Солд. Депутатов.

В рабочей секции мы составляли подавляющее большинство, но солдатская секция была избрана чуть ли не сто лет тому назад: в состав ее попали дантисты, фармацевты и т. д,— лица, в такой же степени близкие солдату, как я китайскому императору. Они были, конечно, нашими врагами, но они сумели поставить бесчисленные рогатки перевыборам, и потому и в солдатской секции и вследствие этого в Исполнительном Комитете мы не имели большинства. Что же получилось в результате? Я уж не говорю о чисто шпионских актах, как, напр., о том, что, когда мы расставили пулеметы в окнах Совета Раб. и Солд. Депутатов, то Рябцеву по телефону было сообщено о расположении этих пулеметов. Я не буду распространяться также о том, что когда один наш полк попал в засаду, эти представители солдат приняли участие в допросах и давали показания против восставших. Они составили прямой вооруженный союз с контрреволюцией. Они стреляли в нас, а еще задолго до этого, когда мы вносили в Совете проекты о вооружении Красной гвардии, они всячески и всегда проваливали эти проекты под тем предлогом, что вооружение рабочих якобы внесет раздоры между нами и солдатами.

Пробил час борьбы, и теперь геройская борьба Красной гвардии, примеры массового и индивидуального героизма, те неоценимые услуги, которые были оказаны красногвардейцами солдатам, ясно сознавшим, как трудно было бы им без участия в борьбе товарищей,— показали всю ложь, всю бессмысленность опасений и рассуждений оборонцев. Но в процессе подготовки борьбы их тактика сыграла свою глубоко-отрицательную роль,

не давая нам возможности усиливать Красную гвардию и дать ей возможно лучшую организацию, а вместе с тем, лишь только началось восстание, городской голова Руднев, правый эсер, поспешил вооружить белую гвардию, которая по ночам предательски расстреливала из-за угла рабочие патрули.

В Москве ярче и глубже, чем где бы то ни было, проявилось классовое значение борьбы за власть Советов. Именно здесь на стороне контр-революции не оказалось ни одного полка, ни одной роты солдат и ни одного отряда рабочих, именно здесь с одной стороны оказались белая гвардия и все юнкера, кость от кости и плоть от плоти контр-революционной буржуазии, а с другой — вся солдатская масса и все представленные Красной гвардией рабочие. Первые объединились вокруг созданного думою, под влиянием правых эсеров, Руднева, комитета спасения (эту думу мы уже не в пример вам, петроградцам, разогнали). А вторые боролись за передачу власти Советам. Мы великодушничали в то время, как буржуазия посылала к нам духовенство с предложением сдаться на капитуляцию и предать наш Военно-Революционный Комитет. В то время, как юнкера стреляли разрывными пулями, мы отказались от употребления аэропланов и даже согласились на перемирие, но перемирие было сорвано 150 ударниками, которых тайно и вопреки договору привезли в Москву, которые в укромном местечке нашли явно приготовленные для них 150 винтовок и которые принялись расстреливать наши патрули. К счастью, на беспредельной боевой высоте оказались наши солдаты и рабочие, которые своими самочинными действиями, своей беспредельной храбростью, актами беззаветного самопожертвования парализовали нерешительность военных центров и принесли нам свободу.

Товарищ Бухарин приводит пример незадолго до восстания выпущенных по требованию Советов товарищей Двинского полка, которые в количестве 30 человек выбили из гостиницы «Метрополь» 300 юнкеров. Приводит акты самопожертвования двух красногвардейцев, взорвавших вражеские окопы и погибших при взрыве, и т. д., и т. д. Затем он переходит к изложению последствий орудийной пальбы по Кремлю.

Совершенно вымышлены известия буржуазных газет о разрушении храма Василия Блаженного, который фактически не

получил ни одной царапины, лишь в одном соборе имеются незначительные повреждения одного угла, и самое большое разрушение испытали два дома у Никитских ворот. Сообщение об истреблении исторических и художественных ценностей,— повторяет Бухарин,— чистейшая и сознательная ложь. Конечно, мы никогда не предполагали, что борьба мыслима без жертв, и зачастую весьма серьезных жертв. Но не этого мы больше всего боимся, мы боимся, что после борьбы и победы появятся дипломаты и политиканы, которые сведут на-нет результаты героических усилий пролетариата и революционной армии.

С этой точки зрения Бухарин в необычайно резких выражениях критикует поступок ушедших из ЦК большевиков и подавших в отставку комиссаров, называет их дезертирами революции и доказывает, что время «слюнявой» власти прошло.

Пусть нас не страшит,— говорит он,— травля буржуазной печати и «Новой Жизни», которую в настоящее время стыдно читать. Массы останутся с нами, хотя газетчики и уйдут.

Обрушившись далее на печать, т. Бухарин говорит, что печать является таким же орудием борьбы, как и винтовка и тюрьма, и потому не следует обращать внимание на писк «Новой Жизни» и всякой интеллигенции о борьбе с буржуазной печатью.

* * *

ДЕКАБРЬ—ЯНВАРЬ

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ЗАСЕДАНИИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

(5—6 января 1918 г.)

Стенографический отчет.

Товарищи и граждане! От имени пролетарской коммунистической рабочей партии большевиков мы предлагаем здесь обсудить Учр. Собранию как самый неотложный вопрос в порядке дня — вопрос о принятии декларации верховной власти Советской Российской республики, декларации ЦИК Советов Р., С. и К. Депутатов и, в первую голову, вопрос о власти. Я, товарищи, позволю себе в нескольких словах, потому что сейчас дорого время, и я не буду следовать примеру гражданина Чернова, который говорил о необходимости сокращения времени и болтал здесь очень много... (голос: «что за выражение!»)... я позволю себе вкратце мотивировать это наше предложение. Дело в том, товарищи, что можно, конечно, клясться Циммервальдом и можно быть в то же время изменником Циммервальду. Можно говорить о трудовых массах и расстреливать эти трудовые массы разрывными пулями юнкеров. Можно, товарищи и граждане, говорить о воле к социализму и в то же время быть убийцей этого социализма. Можно обкрадывать направо и налево программу пролетарской партии и в то же время душить эту пролетарскую партию. Товарищи, я полагаю, что здесь была предложена определенная программа занятий в программной, по существу, речи гражданина Чернова. Но как ни велики, как ни обширны, как ни колоссальны вопросы об урегулировании производства и о введении всеобщей трудовой повинности, о национальном вопросе, о земле и воле и т. д., все же, товарищи, я постараюсь показать, что их решение, которое намечалось здесь,

которое, повидимому, представляется решением во всех отношениях хорошим и приемлемым, — оно превращается в свою собственную противоположность по той концепции российской власти, которую проповедуют нам с этой кафедры. Вот почему, товарищи и граждане, мы полагаем, что вопрос о власти партии революционного пролетариата есть коренной вопрос текущей российской действительности, есть вопрос, который окончательно будет решен той самой гражданской войной, которой никакими заклинаниями никаких Черновых остановить нельзя вплоть до полной победы победоносных русских рабочих, солдат и крестьян... (Шум. Рукоплескания слева.) Гражданин Чернов здесь бросил крылатую фразу, что великое российское государство должно высказать волю к социализму. Мы можем присоединиться целиком к этому решению, но мы были бы трижды лицемерами, если бы это только говорили, но не делали. И тогда, когда мы хотим это делать, нам наносят удар в спину ножом, наносят удар тогда, когда мы, несмотря на весь ополчившийся против нас буржуазный мир не только всей России, но всей Европы и всего земного шара, идем против этих ополчившихся против нас и сплоченных против нас сил международного капитала... (Суханов с места: «Вы еще думаете, что вы на митинге?») Позвольте мне на ряде конкретных определенных примеров мотивировать наши требования. Возьмите, товарищи, один из самых основных вопросов, который является сейчас, может быть, самым больным вопросом, — вопрос урегулирования производства. Если мы просто дадим формулу государственного регулирования производства, и если при этом не решим вопроса о самом государстве, как о рабочей и крестьянской республике, мы тем самым не только не сделаем блага трудовому народу, но мы, наоборот, ввергнем его в ту самую кабалу, в которой он находится во всех так называемых цивилизованных, а по существу варварских странах. Если, товарищи, мы регулирование производства передадим сейчас в руки не рабочей и крестьянской власти, а в так называемые общенародные руки, в так называемые общенациональные руки, т.-е. по существу в руки трижды презренной и трижды проклятой коалиции, то тем самым мы сделаем то дело, что все производство, которое теперь вырвано уже, вопреки гражданам Черновым и Рудневым, из

рук капитализма, мы вновь передадим в руки капитализма. Это будет регулирование производства в интересах империалистической войны, в интересах максимального порабощения народных масс, в интересах той финансовой капиталистической клики, которая до Октябрьской революции, по милости соглашающегося и утверждающего коалицию Церетели, по милости воздерживающегося в удобный и решительный момент после своих заклинаний Чернова, показала нам на самом деле, кто она. Но регулирование производства будет по сути дела тогда государственным капиталистическим производством, т.-е. тем самым производством, которое один из экономистов-идеологов, наш политический противник Маслов, справедливо назвал каторжным капитализмом. Возьмите вопрос о земле. Если будем говорить, что мы передадим всю землю всему государству, если так сказать, то положительное или отрицательное значение этого будет зависеть и будет определяться тем, в чьих руках будет находиться государственная власть,— будет ли она находиться в руках трудящегося класса и только их, будет ли она распоряжаться этой общей землей, имея могучую сильную организацию рабочих и крестьян — величайшего в истории трудового союза двух основных движущих сил величайшей русской революции, или будет эта земля, этот земельный фонд предоставлен в распоряжение, в бесконтрольное хозяйничанье так называемому общенародному государству, где гражданин Церетели будет жать руку гражданину Бубликову. Товарищи и граждане, возьмите точно так же вопрос о банках. Если мы в настоящее время, опять-таки вопреки всем усилиям, бешеным усилиям наших политических противников и врагов, если мы на три четверти уже сломили господство финансового капитала, если мы наполовину придушили гидру финансового капитала, которая нас толкала до сих пор на великую империалистическую бойню, то это решение вопроса о национализации банков превратится в свою собственную противоположность; если вопрос о банках решится не так, как мы предлагаем, если банки, хотя бы национализованные банки, будут находиться в руках соглашательской власти,— а мы знаем, что соглашательская власть есть на самом деле, есть de facto власть империалистической клики,— и если эти банки будут национализированы, будут находиться в руках государства,

где в конечном счете будут заправлять верхи финансового капитала,— мы этим самым только поможем буржуазии, создавая для нее технически централизованный аппарат, будучи верными приказчиками, сторожевыми псами наших угнетателей, эксплоататоров трудовых масс. Возьмите точно так же, товарищи, вопрос о трудовой новинности, о которой говорит гражданин Чернов. Всеобщая трудовая повинность постольку имеет положительное значение для широких слоев трудовых масс крестьян и рабочих, поскольку эта трудовая повинность вводится исключительно самими трудящимися массами, поскольку сейчас дело этой всеобщей трудовой повинности будет делом организованного государственной властью пролетариата и крестьянства, которые введут эту трудовую повинность, сожмут в тисках паразитические классы и не позволят уклониться ни на одну иоту от того, чтобы их из форм организации хозяйства и уничтожения паразитизма превратить в орудие закабаления рабочего класса и крестьянства. Совсем другое разрешение получает этот точно так же формально поставленный вопрос о всеобщей трудовой повинности, если вы вопрос о власти разрешите не так, как предлагаем разрешить его мы, а разрешите опять-таки по методу граждан Чернова, Церетели и прочих. Товарищи, здесь нет никакого у нас суждения, так сказать, априорного, не проверенного опытом. Они, эти партии, которые выступают в настоящее время, уже показали на самом деле, какую власть им нужно. В их руках были все возможности, и они в качестве идеального типа государственной власти опять-таки выбрали тип — соглашательской, империалистической, где через Керенского правил Рябушинский. Мы знаем, мы не можем ни на минуту сомневаться, у нас нет ни одного атома, ни одного довода, чтобы сомневаться в том, что это та же самая власть, которую они одобрили в прошлом, ибо они никогда и нигде печатно не заявляли об отречении от тех доводов, которыми они имели честь руководиться в течение 8 месяцев. Именно поэтому мы знаем, что тогда всеобщая трудовая повинность превратится в орудие величайшего закабаления трудящихся масс. Это значит, что рабочий класс, что каждый рабочий, пролетарий, теперь революционно-красный пролетарий, каждый солдат, каждый матрос и крестьянин превратится в жалкого белого раба, на ко-

торого обрушится со всей тяжестью весь гнет империалистического разбойничьего государства, он превратится в каторжанина, прикованного к империалистической тачке, который должен возить эту тачку днем и ночью для того, чтобы обслуживать интересы организованного при помощи соглашательской организации капиталистического государства. Товарищи, точно так же стоит и вопрос о мире. Вопрос о мире волнует сейчас всех. Но, товарищи, если вопросы мира будут переданы опять так называемым общенародным органам, а не организации классовой, организации трудящихся, то опять-таки через соглашателей, которые достаточно уже выявили нам свое лицо, которые достаточно уже проявили свою политическую сущность, мы опять-таки предадим дело мира, дело великого освобождения от империалистической войны в руки наших смертельных классовых противников, в руки эксплоататоров, с которыми мы клянемся с этой трибуны вести гражданскую войну, а не примирение... (Шумные рукоплескания слева.) Товарищи! Есть один великий вопрос, который необходимо здесь опять-таки поставить в связи с вопросом о власти,—это вопрос о вооружении народа и о милиции, о которых здесь говорил гражданин Чернов. Этот вопрос получает диаметрально противоположное разрешение. Всуе говорить о народной милиции, если не передать власть исключительно в руки трудящихся масс. Мы знаем, что швейцарские банки являются сторонниками народной милиции. Мы знаем, что норвежская буржуазия — вы можете спросить товарища норвежского левого социалиста — пользуется помощью народной милиции для того, чтобы натравить эту так называемую народную милицию, которая организована буржуазным государством, против рабочего класса. Народная милиция является только тогда народной милицией, когда она означает полное разоружение государства и полное вооружение пролетариев и крестьян, а это, товарищи, может быть исключительно только тогда, когда вся власть целиком безусловно находится в руках рабочего, крестьянина и солдата, а не в руках так называемых общенародных учреждений, где рядом с народом сидят и убийцы народа. Нам напрасно старались бы говорить те, кто имеет веру, наивную, глуповатую веру в добродетель буржуазии, или кто имеет корыстные интересы для того, чтобы

говорить и скрывать от народа правду и обманывать его, что с помощью народной так называемой власти возможно пролетарское и крестьянское вооружение, которое не было бы использовано против самого трудового народа. Мы полагаем, что только такая организация вооруженных сил, к которой направляются все нити, которая, начиная от самых нижних и кончая самой центральной, находится в руках организованных в государственную власть трудящихся классов, что только такая власть может действительно разрешить в будущем нелицемерно вопрос о действительной народной милиции. Товарищи, я повторяю, можно говорить много прекрасных фраз. Разве не говорил нам гражданин Керенский, ведя на бойни миллионы русских солдат, что они защищают дело русской революции, в то самое время, когда секретными путями он получал гнусные приказы от империализма иностранного и хамски им повиновался? Разве, товарищи, нам не говорили всевозможные комитеты спасения революции, которые возникали в октябрьские дни, что они спасают революцию, в то самое время, когда они расстреливают самых активных борцов этой революции — Красную гвардию, рабочих и солдат, этих солдат в серых шинелях, о которых говорил гражданин Чернов и для которых его товарищ по партии, гражданин Керенский, готовил указы о смертной казни? Разве, товарищи, тогда недостаточно выяснилось, какие силы действительно двигают революцией и какие силы стоят против этой революции?.. (Голоса слева: «Позор».) Товарищи! Перед нами, действительно, величайший момент, и тот водораздел, который сейчас делит все это собрание на непримиримых—не будем играть в прятки и замазывать это какими бы то ни было словами—на два непримиримых лагеря. Этот водораздел проходит по линии — за социализм или против социализма. Гражданин Чернов здесь говорил: мы должны обнаружить волю к социализму, но о каком социализме говорил гражданин Чернов? О том, который будет лет через двести, который будет делаться нашими внуками,— об этом социализме он говорил. Мы говорим о живом, активном, творческом социализме, о котором мы хотим не только говорить, но который хотим осуществлять... (Рукоплескания слева.) И вот, товарищи, это называется—быть активным социалистом. Если всерьез принимать тот вопрос,

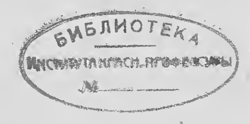
который поднял гражданин Чернов, если всерьез обнаруживать волю к диктатуре трудящихся классов... (Рукоплескания слева.) До сих пор все социалисты всегда говорили, всегда полагали, что для осуществления социализма они стремятся к диктатуре рабочего класса. До сих пор все социалисты говорили, что только диктаторским завоеванием всей политической власти, только исключительным пользованием всем аппаратом государственной машины могут трудящиеся классы перевернуть структуру современного капиталистического режима. Об этом говорили, давали клятвы, и когда в решительный момент, когда рабочий класс России, трудящиеся бедняки деревни, окруженные врагами, покрытые кровавым потом, осуществляют эту диктатуру, в это самое время находятся ренегаты социализма, которые заигрывают с Доном, с буржуазной радой, которые сейчас направляют дула своих ружей против украинских советов, т. е. против представителей действительно трудового украинского народа. Находятся социалисты, которые говорят, что диктатура— это есть так называемая готтентотская мораль. А когда мы, революционные социал-демократы, стоим за диктаторское решение вопроса о власти... (шум в центре...) когда мы высказываемся за меры самой решительной, беспощадной войны против всех врагов народа, в это самое время эти социалисты приходят к нам и говорят: это вы копируете приемы самодержавия, это вы рассуждаете, как готтентот, который говорит, что если я украду корову, это хорошо, а если у меня украдут корову, это плохо. Но в этой постановке вопроса о власти и диктатуре они обнаруживают только одно, что эти граждане почтенные ставят на одну и ту же доску и несчастных эксплоатируемых, но восстающих гордых рабов, и их эксплоататоров — финансовый капитал. Они их ставят в равные условия, они за ними признают одинаковое моральное право, право душить. И в то самое время, как партия революционного пролетариата и партия трудящихся слоев населения, которые ведут свою жесточайшую невиданную в истории борьбу, которые напрягают все свои силы в этой борьбе, в то самое время, как эти партии, эти классы применяют средства насилия и даже в случае необходимости средства террора против векового угнетательства, чтобы сбросить это классовое, несчастное варварское капиталистическое

общество, в то же самое время наши противники вопят о том, что нарушают права капиталистической личности на свободу эксплоатации граждан великой советской республики. Товарищи, сейчас мы должны помнить всю нашу ответственность, мы должны не забывать, что сейчас человеческая история переживает переломный момент, что не было за все время существования человеческого общества,—ни во времена 30-летней войны, ни во времена великой французской революции, ни во времена освободительных войн буржуазии, не было такого колоссального сдвига, который имеется теперь. Мы, товарищи, сейчас закладываем фундамент жизни человечества на тысячелетия. Мы все до одного человека, до одного человека смертны, и теперь перед каждым из нас стоит один вопрос, который ложится на нас со всей своей тяжестью, на совесть каждого: с кем мы будем — с Калединым, с юнкерами, с фабрикантами, купцами, директорами учетных банков, которые поддерживают саботаж, который душит рабочий класс, или мы будем с серыми шинелями, с рабочими, солдатами, матросами, будем с ними итти плечо к плечу, разделяя всю их участь, радуясь их победам, скорбя их поражениями, спаянные единой волей социализма, спаянные единым желанием создать крепкую власть великой Российской советской республики, железным кольцом задавить... (рукоплескания слева) ...мировой капитал. Товарищи! Самое последнее слово науки, которое преподносят нам наши политические противники, это есть создание теперь,— в эпоху отчаянной империалистической войны, паршивенькой буржуазно-парламентарной республики, такой, которая, подобно американской республике, бьет электричеством своих социалистов, или такой, где, подобно Франции, финансовая клика правит всем. Мы скажем, товарищи, в этот момент, когда заревом революционного пожара загорится — если не сегодня, то завтра — весь мир, мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике... (Шумные рукоплескания слева, переходящие в овацию.) Мы, коммунисты, мы, рабочая партия, стремимся к созданию в первую голову в России великой советской республики трудящихся, мы провозглашаем тот лозунг, который был выдвинут еще полстолетия тому назад Марксом:— пускай господствующие классы и их прихлебатели вместе с ними дрожат

перед коммунистической революцией. Пролетариям в ней терять нечего, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! (Овация слева. Голоса: «Да здравствует Советская власть!»)

[«Первый день Всероссийского Учредительного Собрания». Стенографический отчет.]

* * *

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

АВГУСТ.

СЕНТЯБРЬ.

ОКТЯБРЬ.

НОЯБРЬ.

ДЕКАБРЬ—ЯНВАРЬ.

* * *